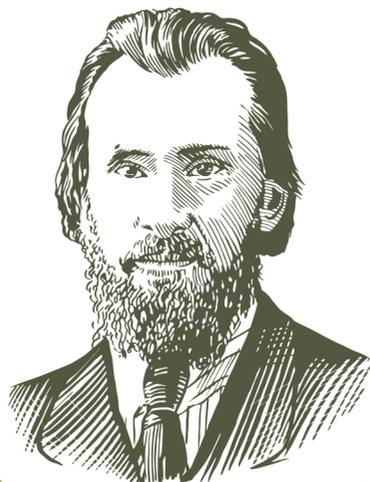

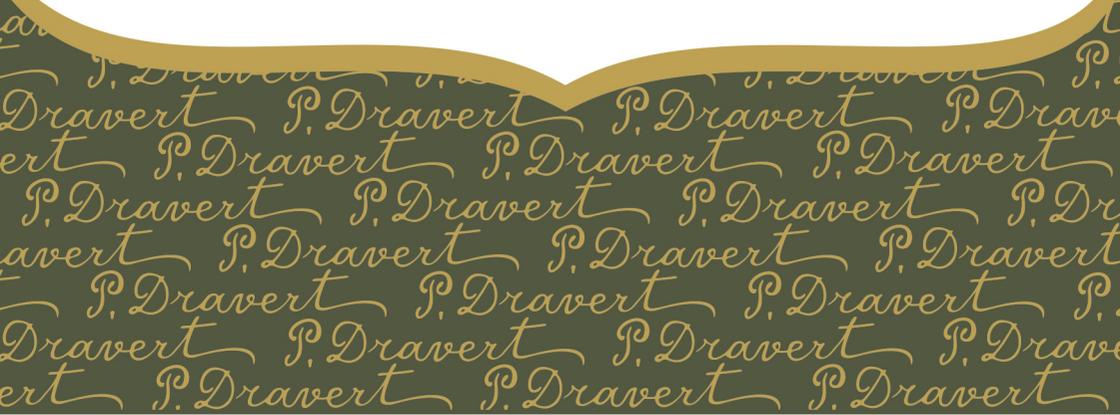
Омская государственная областная научная
библиотека имени А. С. Пушкина

P. Dravert

ДРАВЕРТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы региональной научно-практической конференции,
посвященной 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта

Министерство культуры Омской области
Омская государственная областная научная библиотека
имени А. С. Пушкина

ДРАВЕРТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*материалы региональной научно-практической конференции,
посвящённой 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта
(г. Омск, 25 ноября 2014 г.)*

Омск, 2015

УДК 908(571.13)
ББК 26.89(2Рос-4Омс)
Д 72

Ответственный редактор
канд. ист. наук А. В. Ремизов

Редакционная коллегия:
А. П. Сорокин (зам. отв. редактора)
канд. филол. наук И. Б. Гладкова
канд. филол. наук Л. Г. Пономарёва

Дравертговские чтения: материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта (г. Омск, 25 ноября 2014 г.) / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. – Омск, 2015. – 255 с.: ил.

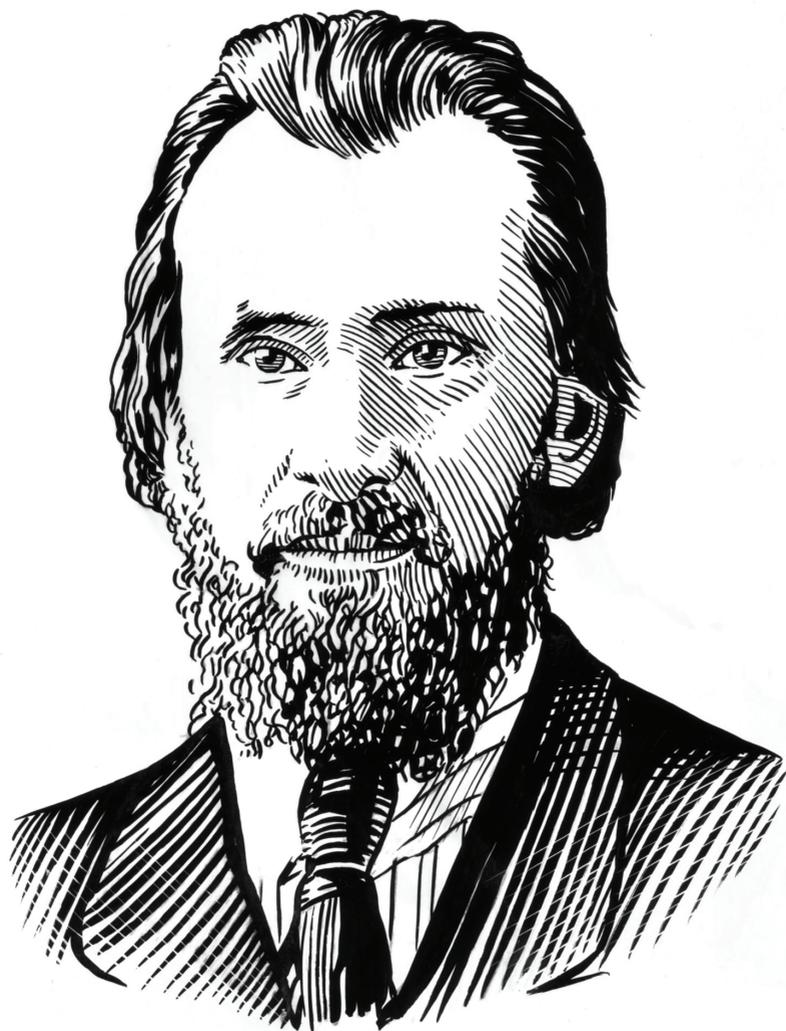
Сборник материалов подготовлен по результатам работы региональной научно-практической конференции «Дравертговские чтения» (Омск, 25 ноября 2014 г.). В него вошли доклады и сообщения научных работников, сотрудников музеев, архивов и библиотек, преподавателей, аспирантов и магистрантов высших учебных заведений, посвящённые личности, жизни и творчеству П. Л. Драверта (1879-1945), осмыслению этого времени, книге и книжности как феномену культуры, роли музеев и библиотек в развитии краеведения Сибири.

В сборнике публикуются ранее неизвестные материалы о П. Л. Драверте из фондов Исторического архива Омской области.

Сборник адресован научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, краоведам, сотрудникам музеев, архивов и библиотек, а также всем интересующимся историей, краеведением, книжной культурой Сибири.

ISBN

© Омская государственная областная научная
библиотека имени А. С. Пушкина, 2015

ПЁТР ЛЮДОВИКОВИЧ ДРАВЕРТ
(1879-1945)

СОДЕРЖАНИЕ

Бадаева Павла Константиновна <i>Как было. Воспоминания о П. Л. Драверте. 1924 год</i>	9
Подготовка к публикации и примечания Ю. В. Тимченко	
Лаптев Сергей Романович <i>Воспоминания о П. Л. Драверте</i>	26
Подготовка к публикации и примечания А. В. Ремизова	
Драверт Людвиг Станиславович <i>Памяти одного из участников Отечественной войны [1812 г.]</i> Подготовка к публикации и примечания А. М. Лосунова.	37
Огородникова Людмила Ивановна (Омск) <i>Имя П. Л. Драверта в документах Исторического архива Омской области</i>	43
Лосунов Александр Матвеевич (Омск) <i>Пётр Людовикович Драверт: неизвестное об известном</i>	54
Леонович Ольга Петровна (Омск) <i>Библиографический указатель «Пётр Людовикович Драверт (1879-1945)»</i>	65
Научное и литературное наследие П. Л. Драверта	
Шалагинова Людмила Леонидовна (Москва) <i>Научная поэзия П. Драверта</i>	68
Буслаева Галина Борисовна (Омск) <i>Личная коллекция профессора П. Л. Драверта в собраниях ОГИК музея</i>	76
Адам Яков Вильгельмович (р. п. Горьковское, Омская обл.) <i>П. Л. Драверт о минеральных богатствах Горьковского района Омской области</i>	86
Наумов Сергей Сергеевич (Омск) <i>Увековечение имени П. Л. Драверта в культурном пространстве г. Омска</i>	89

Милищенко Олег Анатольевич (Омск)
Пётр Драверт и Сибака 98

Тихонов Александр Александрович (Тара)
*Опыт организации краеведческой деятельности в малом городе
на примере Научно-краеведческого центра им. А. А. Жирова
Тарской центральной районной библиотеки* 105

Эйхвальд Елизавета Ивановна
(с. Лежанка Горьковского р-на, Омской обл.)
*Краеведческая работа Лежанской библиотеки
Горьковского района Омской области* 110

Лёвочкина Наталья Алексеевна (Омск)
*Краеведческие информационные ресурсы в системе
продвижения и развития территорий* 117

Кротт Иван Иванович (Омск)
*Информационный потенциал сибирской сельскохозяйственной периоди-
ки конца XIX – начала XX вв. (на примере журналов Омского отдела
Московского общества сельского хозяйства)* 121

Местникова Татьяна Ивановна (с. Кемпендяй, Республика Саха (Якутия))
Пётр Драверт и Кемпендяй 131

Прокопьева Ангелина (с. Кемпендяй, Республика Саха (Якутия))
П. Л. Драверт - учёный и поэт 139

Книга как феномен культуры

Пономарёва Лариса Григорьевна (Омск)
*Выставки в Императорской Академии художеств в середине XIX века:
по материалам фонда редких и ценных книг ОГОНБ
имени А. С. Пушкина* 153

Дьячкова Ирина Геннадьевна (Омск)
*Особенности коллекции старопечатных книг научной библиотеки
ОмГУ имени Ф. М. Достоевского* 159

Масюк Татьяна Владимировна (Омск)
Филиграни на бумаге Октоиха 1638 г. из коллекции старопечатных

<i>книг Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина</i>	164
Девятьярова Ирина Григорьевна (Омск) <i>Забывтый сборник стихотворений. К истории дружбы поэтов Георгия Маслова и Леонида Мартынова (Омск, 1919 год)</i>	170
Зародова Юлия Прокопьевна (Омск) <i>Первая поэтическая книга, изданная в Омске (Н. Феоктистов «Стихи», 1913)</i>	179
Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск) <i>Об одном уникальном экземпляре (поэма Юрия (Петра) Сопова «Сказка прошлого лета» в фонде Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина)</i>	185
Лапина Людмила Васильевна (Омск) <i>Всего десять месяцев...</i> <i>(Дополнительные сведения к биографии П. И. Сопова)</i>	189
Гоношилов Виктор Васильевич (Омск) <i>Феномен человека книжной культуры в сибирской глубинке с 1960-х годов до наших дней (личные библиотеки деревни Тузаклы)</i> .	197
Новиков Сергей Валентинович (Омск) <i>От избы читальни до центральной библиотечной системы: этапы развития библиотечного дела в Черлакском районе (1921-1991гг.)</i> .	203
Старинская Ольга Геннадьевна (Тара) <i>Евгений Евгеньевич Тимошенко – книголюб-просветитель</i>	208
Каткова Елена Ивановна (Омск) <i>Художественное оформление «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского, изданных в Омске</i>	211
Махнанова Ирина Алексеевна (Омск) <i>Коллекция эскибрисов «Есенинианы» И. А. Синеокого (из фондов Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского)</i> .	216
Гладкова Ирина Борисовна (Омск) <i>Осмысление пространства Сибири писателями-очеркистами на рубеже XIX - XX веков</i>	220

Бакулина Светлана Дмитриевна (Омск) <i>Место культурно-исторического и книжного наследия в современных культурных индустриях: к вопросу о стратегиях территориальной самопрезентации</i>	227
Брагина Людмила Анатольевна (Таллин, Республика Эстония) <i>Коллекционирование изданий на русском языке как феномен книжной культуры Эстонии</i>	234
Физиков Вадим Михайлович (Омск) <i>Омские библиофилы и их собрания: избранное</i>	239
Сорокин Алексей Петрович (Омск) <i>Юбилейная научно-практическая конференция «Дравертовские чтения – 2014» в ОГОНБ имени А. С. Пушкина</i>	249
Сведения об авторах	253

Как было

Воспоминания о П. Л. Драверте. 1924 год [1]*

І. Зарытый талант

Желтовато-серая дорожка извилисто выбегает из рощи, вдруг теряется на грани разьеженной пыльной дороги и, вынырнув дальше, бежит по небольшой сосновой аллее, оборванной круто росистой степью. Сизый полынный пригорок прижался к дороге, а на нем одиноко распростерлось громоздкое серое здание Сibaки [2] и сверкает далеко яркой красной кровлей. Бежит дорожка вперед к самому зданию. Кажется, близко оно, но идти до него далеко, а дорожка манит и бежит вперед, такая желанная, но трудная: все в гору.

Заложив руки за спину, идет по дорожке невысокий человек. Небрежно одета красная бархатная шапочка, расстегнут белый китель, легкие туфли по-домашнему шлепают на ногах – все изобличает человека, которому спешить некуда. Он только вышел встретить веселое летнее утро. Удлиненное тонкое лицо с русой острой бородкой освещается мягкой улыбкой. Серо-стальные глаза от нее искрятся, а все лицо становится одухотворенным, обаятельным. Идущий глубоко ушел в свои мысли, губы его иногда беззвучно шевелятся. Вот, замедляя шаг, он размеренно, внятно произносит:

*– Мы пройдем по гулким коридорам,
Мы пройдем по лестницам широким,
Кто-то нас проводит взором,
Может быть, ревнивым и глубоким...*

Пройдена последняя ступень. Человек внезапно останавливается, задумчиво поворачивает лицо к роще и, слегка вытянув руку вперед, как бы приветствуя старых милых знакомых, проникновенно говорит:

– И лески берез все те же!

Взгляд его встречает неожиданных людей, человек потухает, круто поворачивается и беспокойной быстрой походкой меж росистой полыни идет обратно к далекому зданию Сibaки...

Так произошла моя первая встреча со старейшим поэтом и ученым Сибири профессором П. Л. Драверт[ом]. Он ранним утром этого

* Подготовка к публикации и примечания Ю. В. Тимченко

июльского дня 1924 г. вернулся со студентами с практики из Екатерининской лесной дачи [3].

Трудно поднимать со дна души дорогой образ и ушедшие минуты. Встает передо мной эта часть моей жизни со всеми ее случайностями и встречами, со всеми мыслями и переживаниями. Все прожитые двадцать два года встают как один день в моей памяти. Перед умственным взором оживает вереница лиц. Одни ушли из жизни, других вырвала война. Но от всех тянутся нити к дорогому и близкому, и нельзя говорить о нем, не сказав о них.

Летом 1924 г. меня привела в Омск неприятная дорожная случайность. Ехала я с приятельницей А. П. Соломиной – «Соломкой» в Томский университет, были у меня и родственники в Томске. Но на небольшой станции Куломзино под самым Омском нас основательно обокрали. У меня остались: случайные 10 коп. в кармане, проездной билет, да легкая одежда на мне. Пришлось сделать вынужденную и длительную остановку в Омске.

После всех процедур регистрации кражи железнодорожной милицией, в самом унылом настроении я размышляла о том, что предпринять дальше, когда в здание вокзала с шумом и смехом ввалилась группа молодежи и расположилась рядом со мной. Непринужденно и быстро завязалось знакомство. Это были студенты Сibaки – агрономы, ехавшие на практику в совхоз. Узнав о нашем положении, кто-то из девочек написал записку О. П. Высотиной [4], исполняющей обязанности старосты 9-го женского интерната.

Так я стала жительницей Сibaки (Сибирской сельскохозяйственной академии).

При содействии О. Высотиной, Р. Ешкиной, Н. Попковой и Л. Романенко я получила поденную работу на опытной зональной станции (теперь – СибНИИСХоз) и стала готовиться к вступительным экзаменам в Сibaку.

Обычно в 4-5 ч. утра я уходила в рошу и занималась, а с первым звонком на станции шла на работу. В это мы утро мы занимались с Ривой Ешкиной русским языком, ей плохо давалась грамматика. Но после встречи наши занятия не клеились. У меня осталось чувство невольной виновности и неловкости. Мы, хотя и нехотя, явно помешали чужому творческому одиночеству. Всю дорогу до станции в моих мыслях звучало:

– И лески берез все те же...

В Сibaке тогда собралось все незаурядное, тянувшееся к знанию.

Из общей массы выделялась группа студентов, которые остро воспринимали окружающее, любили хорошую книгу, музыку, стихи, некоторые и сами пробовали писать, были и просто веселые остроумные люди. И все они связывались авторитетом и симпатией к П. Л. Драверт[у]. Это были: В. Берников [5], Т. Греховодова [6], О. Высотина, Т. Курковская, В. Иванова, В. Чертова, М. Никитин, Катаевская, Н. Фитисова, «Остячка» (Аня Киселева), А. Ребрин [7], С. Голубинский [8], М. Смирнов и др. Были и хорошие декламаторы – Леля Высотина, Таня Курковская, Тамара Греховодова и др.

Я также тогда писала немного стихи и в основном прозу.

Окружающие товарищи принимали меня сочувственно и настаивали на том, чтобы я посоветовалась с П. Л. В этот его приезд в Омск почти все студенты были на практике вне города. Оставались только немногие, связанные с опытной работой кафедр, да те, кто ехал во вторую очередь на практику. Я легко получила место в интернате и встречала в коридорах Сибачи еще несколько раз П. Л. Но теперь он был другой: замкнутый, официальный. При каждой встрече мое сердце замирало, мне трудно было побороть свою робость и пойти к нему одной для беседы. Я подходила в крайнем волнении к его дверям и возвращалась. Наконец, я не выдержала и написала ему письмо через адрес Высотиной. Скоро пришел любезный ответ с приглашением. Теперь уже отступать было некуда.

Длинная комната-музей в левом крыле основного корпуса Сибачи. Строго блестят стекла витрин, где сверкают кристаллы петрографических коллекций, тяжело лежат металлы и другие полезные ископаемые. В небольшом уголочке за громоздкими шкафами приютилась полка с книгами, письменный стол, маленькая лаборатория, походная кровать. Поверх всего с книжной полки строго смотрел пустыми глазницами белый череп, с сильно поврежденной нижней челюстью. Около черепа сбоку на маленькой четвертушке ватмана в траурной рамке стояла надпись: «Homo Sapiens».

Найден он был в прибрежном илу Иртыша на месте расстрелов в Куломзинские события 22 декабря 1918 г. [9]. По глубокому убеждению П. Л., он принадлежал одному из участников восстания, героически погибших в страшную ночь 22 декабря 1918 г.

Я сильно волновалась, но встретились мы свободно и просто, и задушевно. Хорошо поговорили. Я не была еще студенткой Сибачи, и мне пришлось рассказать о своих злоключениях. П. Л. искренне встревожился моим положением, но он уезжал через день с новой группой

студентов, а этот единственный оставшийся день был выходным, и всякие мероприятия для меня ему пришлось отложить до возвращения.

Беседуя, мы медленно ходили по длинной комнате-музею. В открытое окно ее вместе с запахом полыни наплывал простор Иртыша. Подбирая слова осторожно, П. Л. анализирует все, что было дано ему на отзыв:

– Стихи Вам, по-моему, лучше не писать, работайте над прозой... Хорошо, что Вы ищете критику, но очень плохо, что Вы теперь не пишете. Судя по датам, это все давно написано. И пусть это все далеко от совершенства, но я интуитивно чувствую в Вас дарование, силу, без способностей так написать нельзя... Работайте, Вы должны работать. А теперь Вы талант зарываете в землю.

Расстались мы друзьями. И долго еще на моем столе жили подаренные им яркие цветы, возрождаясь все снова и снова из незаметных бутонов.

Давно уехали студенты, уехал с ними и П. Л., а в моем сознании, в моем сердце жили осуждающие жесткие слова: «Талант зарываете в землю». Так произошло мое первое знакомство с П. Л., и завязалась наша хорошая дружба.

Уныло и пусто в интернате. Девочки дали мне сборник стихов П. Л. «Сибирь». С большим удовольствием я читаю его, а из каждой строчки встает удлинненное тонкое лицо с острой русой бородкой и ласковыми серо-стальными глазами. Рука ощущает теплое пожатие, и сердце учащенно бьется. Соберутся все на ужин, и начнутся разговоры о П. Л., так много здесь связано с ним, и как-то незаметно каждый вечер о нем что-нибудь рассказывают.

Студентки 9-го женского интерната, особенно I колонна, где я жила, дружили с П. Л., обменивались стихами. Как-то ранней весной они подарили П. Л. прекрасную сверкающую глыбу льда, сопроводив ее коллективным посланием в стихах. В ответ на этот подарок он написал им теплые красивые стихи, которые хранились у Лели Высотиной. Да и почти все стихи этого периода были у Высотиной (впоследствии жены С. Голубинского).

Я живу как все. Утро занято у меня подготовкой к экзамену, день – утомительной работой на станции, а вечер уходит на отдых и чтение художественной литературы. Кто-то принес в интернат сборник Л. Сейфуллиной [10], и я прочла ее «Перегной», «Правонарушителя» и «Виринею». Какое сильное впечатление оставляет Сейфуллина. Трудно оторваться от книги. Ее можно читать только «запоем». «Соломка» моя шутит, что она живет на курорте: она студентка второго курса, получает стипендию и просто живет свободно и беспечно.

Приехали девочки с практики. В интернате сразу стало шумно и весело. Все поднимаются утром рано и разбредаются по различным делам. А вечером интернат оживает. Уютно собираемся мы вечерами в интернате, и завязывается коллективная жизнь. Теперь нет отдельных студентов, есть только крепкий коллектив, трудовая семья, которая живет общими интересами и стремлениями. Каждый член ее чувствует себя увереннее и сильнее.

Приятный сильный голос запевалы начинает самую популярную песню о Сибаке:

*Как на горке на крутой
Институт стоит большой.*

И сразу дружный хор голосов подхватывает припев:

– Цимля, цимля, цимля, ля, цимля, ля.

А запевала уже поет дальше о двух Никитах, возглавляющих институт:

– Один Никита молодой, (проф. Ишмаев)[11]

Другой Никита с бородой. (проф. Грибанов)[12]

Потом проходят портреты студентов по всем специальностям.

Песня эта часто импровизируется, дополняется новыми куплетами, всегда поется с большим подъемом, весело, и любят ее все студенты.

Вдруг запевала меняет ритм и задорно бросает в пространство весело подхваченную всеми шуточную пародию на студентов:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

А запевала уже насмехается, поет дальше:

Люди едят вилкой,

Люди едят вилкой,

А студенты пятерней.

Хор мощно покрывает его:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

Запевала упрямо снова вырывается из хора:

Люди пьют чай, кофе,

Люди пьют чай, кофе,

А студенты H₂O (аи два о).

И в ответ ему гремит по всем интернатам:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

Незаметно крадется время. Интернат освещает только закат, и су-

мерки сгущаются. Время от времени вспыхивают огни папирос, и вырывают из полумрака отдельные лица, детали.

Таня Курковская запекает шутовскую песенку о любви с печальными словами и нелепым припевом: «Веселый разговор, веселейший разговор». И снова все дружно поют: «Веселый разговор». Песня кончилась, и как-то сами собой возникают разговоры. Беседовали о многом, обсуждались мечты и планы, ожидания и надежды, передавались прочитанные книги, оперы, кинокартины, читались стихи С. Есенина, В. Маяковского, Г. Вяткина [13], П. Драверга. Стихи П. Л. студенты любили, и многие имели его сборник «Сибирь». Читались и импровизации, стихи неизвестных товарищей, дружеские шаржи. Читали сами авторы, в том числе и П. Л., читали товарищи. Леля Высотина неожиданно читает дружеский шарж, написанный ею на признанную нами интернатскую поэтессу Т. Греховодову. Подражая ее манере писать, с тонкой иронией она осмеяла в стихах ее манерность, заумность. Шарж, как стихи у Греховодовой, начинался напевными строками:

*В лиловых сумерках вчера ты мыла ножки,
За долгий день трудов устали крошки...*

Хорошо читала Леля стихи П. Л., особенно она любила «Собака Намана», «Самоедскую девушку», «От твоей юрты до моей юрты», ответ П. Л. студенткам на подарок глыбы льда и многое другое. Читались нигде не опубликованные посвящения и всем известные стихи, вошедшие в сборник «Сибирь», но все читалось и слушалось с большим теплом и подъемом.

Кто-то просит Таню Курковскую прочесть «свои» стихи («своими» она называет стихи брата Сережи). Таня долго молчит, курит, собирает свои мысли и, наконец, говорит тихо:

– Прочту Сережины.

И с большим чувством она читает стихи о детстве:

Я хотел бы снова маленьким и беспечным быть... (и т.д.).

Мы все почему-то любили эти стихи о детстве (...) Мне особенно нравился первый куплет, П. Л. находил также его наиболее удачным.

Тогда в Сибике было много проведено прекрасных содержательных вечеров, оваянных ароматом молодости, порыва и дружбы.

Я стала студенткой Сибика и переехала в город. Первому курсу читались лекции в городе, на Тобольской улице № 14 (теперь ул. Орджоникидзе), в доме бывшего представительства Печокас [14]. Перевели в город и кабинет П. Л. Мы уже давно работаем вместе. Он убедил меня взять работу у него в кабинете. Работаю я с большим удо-

вольствием, для меня все ново и интересно. Я читаю много специаль- н[ой] литературы, рекомендованной мне П. Л. Теперь мы встречаемся каждый день, и все крепче становится наша дружба.

Осень 1924 г. удалась теплая и затяжная. Мы любили бродить до поздних сумерек в задумчивой дряхлеющей роще. Упивались дурманя- щим ароматом поблекшей листвы и радовались теплым приятным дням ласковой осени. Иногда мы далеко заходили до самой Сibaковской до- рожки. П. Л. часто читал стихи – и старые, и новые, посвященные мне, много рассказывал, делился своими мыслями, планами.

В тот вечер мы зашли далеко к оврагу, к месту расстрелов колча- ковцами [15]. Сколько погибло здесь жизней трепетных, прекрасных и дерзающих!

Густо покрыл землю пожелтый лист, совершенно терялись в нем звуки шагов, сердце наполняла непонятная грусть, теснились от- рывки воспоминаний, мимолетные мысли, полузабытые слова. Неволь- но вспомнилось мне пушкинское:

*В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь...*

Оказалось, что П. Л. забыл этот текст. Мы заспорили.

– У меня есть Пушкин, пойдем ко мне и проверим, – вдруг предло- жил П. Л. Мы пошли. Этот вечер стал гранью нашей большой близости. Зеленый абажур скрадывал яркость света. Сидя прямо на полу, около моих ног, П. Л. зачарованно читал Пушкина, а время летело незаметно.

До встречи с П. Л. у меня был друг. С ним мы тепло расстались в Одессе в разгар хмельной южной весны, когда дурманящий сладкий запах белой акации висит в воздухе, преследует на работе, в столовой, в постели. И так понятны легкомысленные желания, безрассудные по- ступки. Мы расстались с Виталием неожиданно, и было это так давно. Последнее время мы даже редко переписывались, и я не знаю, кто был виноват в этом. За несколько дней до нашего интимного разговора с П. Л. Виталий неожиданно приехал в Омск и стал студентом лесно- го факультета. Сердце мое мучительно сжалось. Я поняла, что не одна весна диктовала его пылкие речи, а в моей жизни затянулся неприятный узел. Мы занимались с Виталием вместе, вместе работали с П. Л. Боль- ше молчать я не могла и рассказала все П. Л.

Серьезно и грустно он прощается со мной, подчеркнуто целует

руку, надолго задержав ее в своей. Невольно я провожу с болью рукой по его волосам. Мне хочется сказать ему многое, многое объяснить, но я, не отнимая руки, молча смотрю на милый профиль, и кажется мне, что это последняя наша хорошая встреча, что близость наша порвалась. Так и расстались мы, ничего не сказав друг другу.

Два, три дня мы встречались только в деловой обстановке, а потом появились его новые стихи «Молодой, отчаянный бродяга». Камнем на сердце легла мне строфа:

*Выпила всю душу без остатка,
А потом с купцом ушла Татьяна,
Кареглазая моя солдатка!*

«Моя кареглазая», сколько раз он называл меня так! Укор его слов жег меня, стихи мне открыли многое. Я боялась верить им, но как-то само собой сказалось сокровенное. Дружба наша стала ясной и крепкой, мы решили не расставаться. И Виталию я должна была сказать все, да я и не могла вынести обмана или фальши, мы оба берегли и хранили наше большое красивое чувство.

Вяло и прерывисто идут наши занятия. Мы часто отдыхаем, вернее, оставляем книги и уходим в разговоры и размышления. Жучок, плотно прильнув к креслу, мрачно напевает песенку о королеве и шуте, четко ударяет в сознании каждое слово:

*Ведь он не знает, что она
Не одного его целует. –
Звени, звени, бубенчик мой,
Играйте, пойте громче, струны,
Ведь вы поете для шута,
Шута, что любит королеву...*

Я не выдерживаю:

– Нет, Жучок, знает!...И он знает, и ты знаешь... Но она целует и его и тебя по-разному: одного – как любимого, другого – как брата.

Я обнимаю его плечи. Умоляюще пристально он смотрит молча на меня. Сердце стучит. Мне очень тяжело, но я перебарываю себя и все рассказываю Виталию. Пусть он знает, как властно полонило меня новое большое чувство, еще никогда не пережитое мной раньше. Я говорю, что не в силах порвать нашу красивую близость с П. Л. И зачем это нужно? Он любит меня, я люблю его, может быть безрассудно, но на всю жизнь.

– Ты самый родной человек мне, мой прекрасный друг, моя чистая привязанность! Но то, что ты хочешь от меня, я дать тебе не могу... Я очень ценю тебя, твою дружбу.

И невольно поддаваясь порыву, я нежно глажу его волосы, целую глаза, в которых застыли боль и укор. Он притрагивается плотнее к моей груди и, целуя руки, глухо говорит:

– Я не могу видеть вас вместе.

– Вот это мне очень больно... Помнишь, на пляже в Люсдорфе ты мне самозванно предъявил права... Мы всегда хорошо вспоминаем одесскую дружбу.

Лицо Виталия освещается улыбкой:

– Ты зверски отругала меня и надрала мне уши.

А теперь я запускаю обе руки в спутанные кудри Жучка. Он весь черный, мой Жучок – природный одессит, а мать у него была гречанка, отец – украинец. От матери он, наверное, взял порывистость и страстность. Я чувствую, что мы договорились, понимаем друг друга. Жучок после большой паузы по-новому, изучающе смотрит на меня и грустно читает чьи-то стихи:

*Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть, не вернуть никогда!..*

Я понимаю Жучка, прямо смотрю ему в глаза и напоминаю оптимистическое двустишие:

*Не говори с тоскою «нет»,
Но с благодарностию «были».*

Он порывисто схватывает мои руки и, стиснув до боли пальцы, с чувством говорит:

– Ну и какой же ты у меня удивительный человек!

Я знаю, что я исполнила свой долг, но почему такое смятение на сердце. Я могу теперь открыто смотреть в глаза и Виталию, и П. Л. У меня нет тайн ни от одного из них, но и полного успокоения у меня нет. Я только обо всем забываю тогда, когда властная сухая рука крепко сжимает мою руку и серо-стальные глаза, глубокие, любимые, сливаются в горячем взгляде с моими. Сердцем я читаю их язык, и мне немного жутко и отрадно.

II. Начинающие. Встречи и разговоры.

Как выходишь из рощи, сразу возвышается над степью на холмистом холме строгое серое здание Сивака. Оно величественное, монументальное и доминирует над окружающим.

Широкие гранитные ступени ведут в вестибюль, где с серого полотнища встречают пришедшего мудрые слова К. Маркса: «Пролетарии должны познать мир, чтобы изменить его». В преддверии учебных

кабинетов с обоих кумачовых простенков бьют в сознание великие заветы: «Учиться, учиться и учиться!» «Грызите молодыми зубами гранит науки».

В двери все время вливается живая струя молодежи. Эта дерзая мужественная семья пролетариев, готовая на труд и на подвиг.

Первые курсы всех факультетов слушают ряд дисциплин вместе. Математика, физика и химия – основа всей работы агронома, лесовода, землеустроителя, мелиоратора. Каждому специалисту они нужны в различной степени. Землеустроитель и мелиоратор изучают шире математику, агроном и лесовод – физику и химию. Но первые робкие шаги в науку они делают все вместе, и у меня теперь много друзей. Снова я встаю в 4-5 ч. утра и занимаюсь своими делами, в 6-7 ч. я иду в кабинет на работу. Практические занятия проводит ассистент П. Л. – М. И. Крот [16], но я должна подготовить все необходимое для занятий. Он говорит мне, какие и сколько групп будет работать, я подготавливаю практикум и ухожу на лекции или на практические занятия, которые все проводятся в Сибаке.

В узкой тесной коробочке здания «представительства Печокас», где находится городская часть Сибакы, размещены квартиры профессоров и преподавателей. И только на самом «верхотурье» в неудобных аудиториях читаются лекции. Постепенно я вхожу в учебную жизнь института. Мой рабочий день распадается: с утра работа, потом институт, потом снова работа.

Многолюдные шумные аудитории, деловые лаборатории, строгие учебные кабинеты сменяют друг друга. Как у студентки у меня теперь много обязанностей. Лекции отнимают только половину моего времени, главная часть его уходит на практические занятия, из которых особенно трудоемки количественный и качественный анализы по химии. В самом подвале института, в его правом крыле сосредоточены химические лаборатории: трудоемкая кропотливая – количественного анализа и загадочная заманчивая – качественного анализа. И в той, и в другой с утра и до поздней ночи толпятся озадаченные серьезные студенты. Одна группа сменяет другую, и каждая разрешает свои задания.

Химия – основа работы агронома и лесовода, и химические анализы я отрабатываю вместе с Виталием. Пока основной способ передвижения из города в Сибаку – собственные ноги. Между городом и Сибаккой лежит роща. Почти час скорым шагом я добираюсь до места. Город я миную быстро, в роще я сбавляю шаги. Медленно иду я «по нашим» дорожкам, вспоминаю наши разговоры с П. Л. и незаметно дохожу до цели.

Жучок ждет меня и тоже готовится к занятиям: он отвоевывает нам рабочее место за лабораторными столами, получает посуду, оборудование.

Я поспешно забегаю в знакомый 9-й женский интернат, в родную I колонну, надеваю халат и спускаюсь в мрачные деловые подвалы института. В лаборатории качественного анализа вместе с Жучком мы получаем задачу. Пожилая строгая лаборантка скупко наливает нам в колбу «святую водицу» (нам задачи дают всегда в форме прозрачной жидкости). Жучок рядится, просит «трохе добавку». Она улыбается и приливает еще немного. Картинно рассматривая прозрачную колбу на свет, где лениво перекачивается по стенкам жидкость, Жучок гудит над моим ухом:

– А ну, спытаем, шо це такэ?

Люблю я в нем эту жилку юмора, с ней веселее и легче работать.

И вот мы часами «пытаем», как древние алхимики, нашу задачу: пробуем на лакмус, осаждаем, кипятим, выпариваем, прокаливаем. Выстраиваем в штативе шеренгу пробирок с осадками и без осадков, с жидкостями различной окраски. Спорим, доказываем друг другу и, торопливо записав магическую формулу компонентов, идем на последний суд к лаборантке. Она выносит окончательный приговор, из которого мы узнаём, всё-ли мы откопали и определили, не проскочил ли у нас какой-нибудь элемент-«невидимка». Бывают хорошие дни, когда все определяется сразу. Попадают и упрямые задачи, которые приходится брать два, три раза – не все элементы определяются легко. Тогда Жучок сопит, кряхтит, вздыхает, даже пробует напевать. Я «зловредно» ему шепчу:

– Опять шмель залетел.

Он виновато улыбнётся и успокоит:

– Молчу, молчу, зловредная.

Часто к нашей химической трагедии прибавляется трагедия кошелька. «Изнитожая» упрямую задачу, Жучок «вырывает зло с корнем», и на столе остаются печальные «ослофакты» – кучка битой посуды. Я всегда жестоко посылаю его на расправу к лаборантке. Он стоически выслушивает длинную отповедь и оплачивает стоимость разбитой посуды. Но по твердому договору оплату мы вносим сообща. Он всегда бывает смущен, если сумма возмещения бывает «кругленькой» и так беспомощно оправдывается:

– Та я ж ее только чуток тряхнул, а она разлетелась... такая поганая, нукудышная посуда!

При неприятно крупных катастрофах, особенно во время мытья

посуды, он «винится» сразу. Заложив руки за спину, робко говорит:

– Ты ругаться будешь... опять осечка.

– Буду, обязательно буду и еще пошлю тебя самого на растерзание к «Пиковой Даме» (так мы зовем лаборантку).

С искренней досадой, убитым тоном Жучок решает:

– Ну и какой я медведь!... Та на ж лучше отдери за чуприну! – склоняет он передо мной свою лохматую голову. Но мы всегда быстро заключаем перемирие и дружно работаем дальше. Прежде чем сдать работу я часто стараюсь перемыть всю посуду, навести во всем порядок. Жучок наблюдает за мной и говорит восхищенно:

– Ой, до чего ловко получается у тебя. Дай поцелую! Я бы половину переломал.

– По всяким пустякам целовать не обязательно, а ты лучше, мое милое «Тридцать Три Несчастья», учишь делать все без «ослофактов».

Время мое вышло. В город на работу я иду быстро. П. Л. всегда встречает меня расспросами о моих успехах. Я делюсь с ним проделанным за день и приступаю к своим обязанностям. Обычно всю работу я заканчиваю поздним вечером, стараюсь приготовить все возможное, чтобы на другой день было легче. Напиливаю квадратиков древесного угля, готовлю реактивы, паяльные трубки, необходимые пособия.

Наконец, я закрываю практикум за последним студентом, приветливо прощаюсь с М. И. Крот[ом], уходящим домой, и иду в кабинет к П. Л. Он ждет меня: настало наше время.

– Ну, здравствуй, милый, теперь по-настоящему!

Тепло и радостно на душе. Мы двое, и беседуем как два близких человека, а не как начальник и подчиненный. У него всегда есть для меня интересное и нужное: мудрый совет, ободряющее ласковое слово. Я люблю эти безмятежные вечера. Они часто бывают творческими и всегда человечески теплые. Нам хорошо вдвоем. Немного сказывается усталость уплотненного рабочего дня. Я устраиваюсь в мягком кресле и слушаю П. Л. Иногда мы вместе читаем, вернее, я слушаю, как читает П. Л. и впитываю звуки милого голоса. Он хорошо читает, особенно стихи свои и чужие. Иногда, увлекаясь какой-нибудь книгой или стихами, мы прихватываем большую часть ночи. Как-то выдался очень тяжелый день. Чувствовалась разбитость во всем теле. Я молча прикинул к его плечу.

– Устала, детка?

– Немного... И о тебе соскучилась... Почитаем что-нибудь.

П. Л. зорко смотрит мне в глаза. Он знает, что мой лучший от-

дых – книга. Он берет с полки Пушкина и, раскрыв «Полтаву», читает страстные признания Мазепы. Я чувствую, как в слова Мазепы вкладывается наш смысл. Отрываясь иногда от книги, он проникновенно взглядывает на меня. Я понимаю его взгляды. Мне так хорошо сидеть, притаившись в удобном кресле. Тело приятно отдыхает, и сердцу так радостно от близости любимого человека. Вдруг легкий стук в дверь. П. Л. порывисто, как отмахиваются от назойливой мухи, пошел открыть.

Короткий возглас, приглушенные голоса, и он вернулся в комнату в обществе трех мужчин, трех разных возрастов и ярко разных обликов. Первым вошел изможденный высокий человек с бледным узким лицом несколько монгольского типа. Он крупно шагнул ко мне и произнес глухим теноровым голосом:

– Антон Сорокин.

Все движения его были безжизненны. Рука его слабо дрогнула в моей, задержалась, вяло и тихо упала. Он был самым старшим. Вторым вошел много моложе его плечистый большой мужчина, с мягкой неловкостью добродушного сильного человека. Он смущенно шагнул в комнату и был такой простой, понятный, что с ним я почувствовала себя свободно и уютно, точно пришел привычный и близкий человек, который ненадолго за чем-то отвернулся. Приветливо улыбаясь, он крепко пожал мою руку и произнес приятным грудным голосом:

– Евлампий Минин [17].

За ним ростом несколько ниже его стоял белокурый юноша с простым русским лицом, но с манерами парня из романов Джека Лондона. Он немного позировал, говорил громко, шагал резко, курил трубку и излишне много двигался. П. Л. многозначительно рекомендовал его мне:

– Леонид Николаевич Мартынов [18].

Юноша очень крепко пожал мою руку и сразу заговорил, заполнив собой всю комнату. Он вел себя как «восходящая звезда». Так я познакомилась с ближайшим окружением П. Л., с омскими поэтами.

В этот вечер мы засиделись долго. Мартынов читал свои новые стихи. Долго еще мелькали в сознании особенно удачные отрывки и определения: мираж – «опрокинутый город стоит...». «Приезжала тогда айналаин губернаторшею зовут...». Понятным и ярким был его девственный сын степей, ушедший за призраком обаятельной женщины в неведомый город. Стихи были сырыми. О Мартынове много говорили. Все заметно прислушивались к словам П. Л. Он говорил о Мартынове тепло и одобрительно, хотя строго критиковал его.

Иногда мы далеко уходили из города. П. Л. часто читал стихи чу-

жие и свои, были и посвящения мне («Девушке с Охотского побережья», «Слепой дракон» и др.), из которых особенно полюбились мне «Для нас не журчали весною ручьи»:

*Для нас не журчали весною ручьи,
Не пели влюбленные птицы, –
Нам осень открыла богатства свои
В плаще дорогой багряницы.*

* * *

*И пурпур и золото в роще лесной,
И блеклый ковер хризолита,
И зыбь серебристая ленты речной –
Все ласковым солнцем облито.*

* * *

*Вникая глазами и сердцем в красу,
Сменившую летние лики,
Родная! Тебе мои песни несусь
На венчиках поздней гвоздики.*

* * *

*А вечером их я неслышно спую,
Прильнув к твоему изголовью,
И песни и тихую нежность мою
Ты примешь с ответной любовью...*

ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 255. Л. 1-28. Рукописная копия.
Орфография документа сохранена.

Примечания

1. Воспоминания Павлы Константиновны Бадаевой (1924 г.) были переписаны Иваном Семёновичем Коровкиным и хранятся в его личном фонде. Коровкин Иван Семёнович – уроженец Любинского района Омской области, краевед и собиратель фольклора. Иван Семёнович поддерживал тесные связи с омскими краеведами и литераторами. Воспоминания П. К. Бадаевой не окончены. Согласно содержанию, были написаны только первые две главы.

На первом листе рукописи И. С. Коровкина приведено полное содержание незавершённой рукописи:

Содержание:

I. Зарытый талант

II. Начинающие. Встречи и разговоры

III. Mente et maleo

IV. В беленьком домике

V. Война и люди

VI. Последний год

Бадаева Павла Константиновна – гражданская жена П. Л. Драверта, студентка и сотрудница Сibaки. Жила с Петром Людовиковичем Дравертом на ул. Банной, 24 в городе Омске до момента его смерти в 1945 году. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии в деле «Списки сотрудников Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства и сведения о них» (ф.492, оп.2, д.76, л.358) имеются сведения о Бадаевой Марии Константиновне, 1904 г.р. Мещанка, окончила школу II ст. имени Льва Толстого в г. Томске. Специальность – преподаватель. Постоянное место жительства – г. Благовещенск Амурской области. Место службы на 1926 год – рабфак, каб. минералогии Сibaки в должности квалифицированный технический сотрудник. Домашний адрес – Рабфак, ул. Музейная, № 6.

2. Здание главного корпуса Сибирской сельскохозяйственной академии было построено на территории, прилегающей к опытному хутору Сибирского казачьего войска в 1913-1917 гг., томским архитектором Ф. А. Черноморенко. Изначально здание занимало Среднее сельскохозяйственное училище до учреждения в феврале 1918 г. Омского сельскохозяйственного института.

3. Екатерининская учебно-опытная лесная дача, переданная в 1923 г. в ведение Сibaки, располагалась на правом берегу р. Иртыш в пределах Тарского округа.

4. Высотина Ольга Павловна, 1903 г. р. – выпускница агрономи-

ческого факультета Сibaки. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Высотиной Ольги Павловны (ф. 492. оп. 6. д. 338).

5. Берников Вадим Венедиктович (1896-1989) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского сельскохозяйственного института, член РГО. Заведующий кафедрой лесоводства и сельскохозяйственной метеорологии ОмСХИ. В Историческом архиве Омской области имеется личный фонд Берникова Вадима Венедиктовича (ф. 3052).

6. Греховодова Тамара Максимовна, 1902 г. р. В 1922-1924 гг. – студентка лесного факультета Сibaки. В архивном фонде Земельного управления исполкома Омского губсовета имеется личное дело Греховодовой Тамары Максимовны (ф. 209. оп. 2. д. 578).

7. Ребрин Аркадий Владимирович, 1897 г. р. – выпускник Сibaки, агроном. В архивном фонде Земельного управления исполкома Омского губсовета имеется личное дело Ребрин Аркадия Владимировича (ф. 209. оп. 2. д. 1229). В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Ребрин Аркадия Владимировича (ф. 492. оп. 6. д. 316).

8. Голубинский Сергей Семёнович – выпускник Сibaки. Специалист по лесокультуре.

9. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в г. Омске состоялось вооружённое антиколчаковское выступление, подавленное правительственными войсками в ту же ночь. Лица, причастные к восстанию, были преданы военно-полевому суду. Расстрелы повстанцев были произведены в Загородной роще, Атаманском хуторе, Куломзино и др. районах города.

10. Сейфуллина Лидия Николаевна (1889-1954) – советская писательница. Окончила гимназию в г. Омске.

11. Ишмаев Никита Ефимович (1890/1892-1937) – советский политический деятель, профессор, ректор Сибирской сельскохозяйственной академии в 1922-1924 гг.

12. Грибанов Никита Иванович (1870-1945) – учёный-лесовод, профессор. Ректор Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства в 1925-1928 гг.

13. Вяткин Георгий Андреевич (1885-1938) – журналист, литератор, поэт, пропагандист литературного дела в Сибири. Уроженец г. Омска. В 1918 г. в г. Омске исполнял обязанности помощника управления Информационного бюро Временного Сибирского правительства и заведующего обзорами печати. Действительный член ЗСОРГО и Общества изучения Сибири. Автор нескольких книг.

14. Дом А. В. Печокас – здание в стиле «модерн». В настоящее время – общежитие для студентов Омского аграрного техникума на улице Орджоникидзе.

15. В настоящее время на этом месте в Старозагородной роще находится памятник жертвам гражданской войны.

16. Крот Михаил Иванович, 1899 г. р. С 1922 г. ассистент при кафедре минералогии и геологии Сибачи, проводил практические занятия по минералогии. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Крота Михаила Ивановича (ф. 492, оп. 5, д. 22).

17. Минин Евлампий Андреевич (1893-1931) – омский литератор, очеркист. Входил в омскую артель поэтов и писателей, являлся членом её правления.

18. Мартынов Леонид Николаевич (1905-1980) – поэт и писатель. Жил в г. Омске до начала 1946 г.

Воспоминания о П. Л. Драверте [1]*

Первый раз я увидел П. Л. Драверта в 1923-1924 гг. на общем собрании членов Географического общества в г. Омске [2]. В то время общие собрания проходили в рабфаке Сибирской с. х. академии или, как тогда сокращенно называли, СибАки, помещавшейся в большом угловом доме по Тарской улице. Надо сказать, что эти заседания проходили сравнительно часто, и о них всегда можно было заблаговременно узнать по объявлениям в издававшейся в то время в Омске газете «Рабочий Путь». Собрания членов Общества были немногочисленны, но всегда интересны и оживленны, так как в то время вокруг Общества группировались крупные ученые Омска, преимущественно из СибАки, и квалифицированные специалисты из Убесосибии [3].

Председательствовал на этих собраниях В. Ф. Семенов [4], а в его отсутствие – один из членов Совета и чаще всего П. Л. Драверт. П. Л. можно было услышать в небольших выступлениях после основного докладчика. Обычно эти выступления носили характер небольших научных информационных, посвященных какой-нибудь теме, разрабатываемой П. Л., о своих наблюдениях, находках и др., почти всегда сопровождавшиеся демонстрацией, показом образцов, коллекций и т. д. Такие небольшие сообщения П. Л. были эффектно и артистически построены.

Меняющиеся интонации голоса, выразительная мимика, убедительная жестикуляция – не вдаваясь даже в содержание самого сообщения – невольно пленяли слушателя. Обычно на такие сообщения аудитория реагировала дружными аплодисментами. Но когда председательствовал П. Л., то здесь он прямо-таки священнодействовал. С какой-то особой торжественностью, с соблюдением установленных традициями регламента и порядка, как это принято на сугубо ученых собраниях, П. Л. открывал, проводил и закрывал такие собрания.

Вспоминается картина тогдашних общих собраний членов общества. В небольшой угловой аудитории на втором или третьем этаже – около двух-трех десятков членов Общества. За столом – председатель В. Ф. Семенов. В первом ряду сидит П. Л. Драверт. Его сразу можно узнать по длинным, зачесанным назад волосам, открывающим широ-

**Подготовка к публикации и примечания А. В. Ремизова*

кий выпуклый лоб, в темно-сером потертом пиджаке, серьезно и внимательно слушающий докладчика.

На улице П. Л. привлекал внимание своим эксцентричным видом. Среди распространенных тогда кепок, фуражек, шинелей, штанов защитного или серого цвета, П. Л., одетый в темное длинное пальто, в черной шляпе с громадными полями, надвинутой на лоб, длинными волосами, выставляющимися из-под шляпы, казался для многих не то священником, не то художником. Мне эта мрачная черная фигура напоминала иллюстрации героев эпохи кардинала Ришелье из известных романов А. Дюма.

Более близко я познакомился с П. Л. через 13 лет, после моего возвращения в Омск из Свердловска. Шел 1937 год. В то время П. Л. работал в музее. Там у него был свой уголок-комната, в которой располагались лаборатория, мастерская и музей, здесь он проводил свои исследования, и где его всегда можно было застать за столом у окна.

Меня всегда интересовал этот стол. На первый взгляд, на нем царит хаос. Здесь были образцы минералов и горных пород, какие-то коробки, книги, маленький микроскоп, лупы, спиртовая лампочка, склянки с реактивами и много других вещей. Казалось, трудно было быстро ориентироваться во всем этом. Но это первое впечатление было обманчиво. В этом легко можно было убедиться, если немного посидеть с П. Л. и посмотреть, как он работает, как быстро находит на столе то, что ему нужно. У него каждая вещь на столе занимает свое место и не мешает другим. Мне казалось, что если бы П. Л. закрыл глаза, то он ошупью, без ошибки, нашел бы на своем столе то, что ему необходимо, и мог бы поставить эту вещь на свое место.

В комнате кругом вдоль стен на полках лежали образцы минералов и горных пород, коробки, свертки многочисленных сборов П. Л. и фондовый музейный материал. На наружной двери при входе в комнату висела дощечка с надписью «Минералогический кабинет». В этой комнате П. Л. принимал всех – и друзей, и знакомых, и тех, кто приходил к нему за советом или консультацией. У П. Л. были большие связи и знакомства. Каждый приезжавший в Омск ученый, исследователь, искавший материалы по Омску, Омской области, не говоря уже о геологах, считал своей обязанностью посетить П. Л., посоветоваться, получить необходимые сведения, а незнакомый с ним – представиться, познакомиться. [...]

Отчужденность от практической жизни сказывалась не только в специальных вопросах, но и в других, более общих вопросах и даже в частной, личной жизни. Это дало основание появлению в печати пове-

сти М. Никитина «Безрогий носорог», помещенной в журнале «Сибирские огни» за 1931 год, № 11-12. В персонаже этой повести профессоре Кроте нетрудно узнать многие черты П. Л., правда, в гротесковой форме [5]. Как реагировал на этот рассказ П. Л., я не знаю, но его ассистент М. И. Крот [6] был очень возмущен тем, что герой повести профессор Крот носил его фамилию. [...]

Отчужденность от практической жизни не давала и не дает никаких оснований считать П. Л. «чужим» человеком в нашем советском обществе, как это допускали некоторые его недруги. Это – его чисто психологическая черта и не имеет никакого отношения к его credo. [...] За внешним видом оригинала, чудака, человека не от мира сего, чуждого практике жизни, крылось большое сердце, богатая, одаренная непосредственная натура, честный принципиальный ум, увлекательная, наполненная до краев содержанием жизнь. П. Л. до самозабвения был влюблен в свою минералогию, влюблен как поэт и художник в свое творение. Соединяя в себе черты ученого и поэта, он мыслил и творил своими категориями, подходя ко всему со своей точки зрения. П. Л. был честный, неподкупный патриот своей отчизны, но никогда не афишировал это, а хранил это чувство в своем сердце и выражал в стихах, воспевая родную природу. [...]

В своем кабинете П. Л. проводил большую часть времени, здесь в одиночестве он работал, писал, проводил беседы с посетителями и отдыхал. Строго говоря, было бы неправильно говорить о каком-то праздном отдыхе П. Л. Отдыхом для него была смена одного направления творческой работы другим, (было) время мечтаний и раздумья. П. Л. не выносил ничегонеделания. Свободного времени у П. Л., по существу, никогда не было.

Иногда в кругу музейных работников велись разговоры на темы, интересующие П. Л., он слушал, высказывал свои соображения, делал замечания, но как только тема делалась неинтересной, П. Л. быстро вставал и молча покидал присутствующих. Ближе знавшие П. Л. не удивлялись такой его странности, но присутствующие впервые с недоумением спрашивали, на что он рассердился. Редкий день проходил без того, чтобы у П. Л. не было посетителей. То у него можно было видеть юношу, которому П. Л., надвинув на лоб очки, с менторским видом что-то пояснял, то у него сидел мужичок в бараньем тулупе – гость из района, развертывал сверток и показывал какие-то камушки, то молодой геолог с жаром и убедительными жестами что-то доказывал, то маститый ученый – хороший знакомый П. Л. по участию в съездах и кон-

ференциях. В таких беседах раскрывался весь внутренний мир П. Л. Исчезала его внешняя суровость и строгость, отпугивающая новичков, впервые встречающих П. Л., и вместо скупой и сдержанной речи собеседник получал огромное удовлетворение от живой и полезной беседы. [...]

П. Л. внимательно следил за выходящей литературой по интересующим его научным дисциплинам, а также тщательно просматривал всю вышедшую ранее. Все интересующие его сведения он выписывал на карточки. [...] В результате им составлен большой и исчерпывающий карточный каталог по полезным ископаемым и, в особенности, по метеоритам. Метеоритика была главной и основной темой его работ в последний период, и в этом отношении П. Л. справедливо считался крупнейшим специалистом. Являясь членом Метеоритной комиссии, а впоследствии – Комитета по метеоритам Академии наук СССР, П. Л. ежегодно ездил на научные сессии этой организации, где у него были самые дружеские связи с академиками А. Е. Ферсманом и В. И. Вернадским. П. Л. принадлежит заслуга описания четырех падений метеоритов в Сибири, из которых некоторые были изучены им непосредственно на месте падения. При Омском музее, позднее при Бюро краеведения, а во время войны при Омском отделении ВАО была организована и работала первая в Союзе Метеоритная комиссия на периферии, бессменным председателем которой был П. Л. [7].

Перед войной в течение двух-трех лет П. Л. принимал участие в только что организованном государственном заповеднике Боровое. Вокруг заповедника образовалась группа энтузиастов этого чудесного природного уголка. Дирекцией заповедника были созданы условия для научно-исследовательской работы. П. Л. был главным научным руководителем заповедника и в летнее время постоянно жил там. В результате охрана заповедника была значительно улучшена, налажена научно-собираТЕЛЬСКАЯ работа и организован музей – на первых порах в составе минералогического и зоологического отделов. Зоологический отдел был создан таксидермистом Морозом, ранее работавшим в омском музее, прекрасные монтированные диарамы, биогруппы и сейчас являются украшением отдела природы этого музея [8]. В дальнейшем в результате смены руководства заповедником, условия научной работы ухудшились. П. Л. неоднократно выражал возмущение действиями нового директора, и, в конце концов, отказался от работы в заповеднике. Заповедник вскоре после этого решением Правительства КССР прекратил свое существование.

П. Л. принимал самое близкое участие в создании Сибирской

Энциклопедии и был одним из ее редакторов. В энциклопедии его перу принадлежал ряд статей и заметок [9]. [...]

Работая в музее, П. Л. уделял внимание подготовке научной смены. Не говоря уже о работе в омских вузах, он организовал кружок юных минералогов первоначально у себя в кабинете, а в дальнейшем – на станции юных натуралистов. Последний кружок был довольно многочисленный, и молодежь с большим интересом работала в кружке. В летнее время П. Л. с группой кружковцев принимал участие в экскурсиях, обычно по правому берегу Иртыша.

Одна из таких экскурсий в район д. Лежанки особенно запечатлелась у меня в памяти. Там был громадный оползень, образовавшийся более полсотни лет тому назад [...] У подножия коренного берега образовались два небольших, плотинного типа озера, со своеобразной флорой и фауной. Этот уголок был исключительно живописен и как-то театрально фантастичен. Одно из этих озер было названо юными натуралистами озером Драверта. [...]

П. Л., уже не первой молодости, но молодой душой, со своим геологическим молотком на длинной рукоятке, заменявшим ему и альпеншток, и метр, и трость, легко перепрыгивал через свалившиеся глыбы, залезал во все щели и расселины, а десяток таких же юных энтузиастов с шумом и задором атаковали огромный цирк, кручу высокого берега в поисках нового и интересного. [...] Все эти находки быстро доставлялись П. Л., а он, вооруженный лупой, окруженный ребятами, оживленный, с блестящими глазами, давал пояснения, читал целые лекции.

В своей личной жизни П. Л. был скромн, мирился с неудобствами и лишениями, но по-своему относился к ним, требовательно и принципиально. Каждого пришедшего к нему на квартиру в гости он приветливо встречал, старался угостить чем мог. Делал он это с особой изысканностью, учтивостью и никогда не ставил своего гостя в ложное и неудобное положение. У него была большая библиотека и коллекция природных раритетов, которые он охотно демонстрировал гостям. Разговоры с ним были оживленны, интересны и непринужденны, и у собеседника создавалось впечатление, что хозяин – человек высоко эрудированный и большой внутренней культуры. Таков был облик этого интересного, даровитого, но немного странного человека.

ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 33. Л. 11-16. Авторизованная машинопись. Орфография документа сохранена.

С. Р. Лаптев – краевед, учёный, педагог

Об авторе воспоминаний

Весной 1992 г. публикатору довелось беседовать со старейшим омским учёным Н. А. Плотниковым (1898-1994). Когда речь зашла о С. Р. Лаптеве, Николай Алексеевич сказал: «Лаптев был человек очень скромный, о себе не беспокоился, не добивался никаких званий. Человек очень трудолюбивый, очень порядочный, добрый, знающий человек. Мы все его уважали как опытного научного работника, знатока. Омской области... По-моему, он незаслуженно забыт».

На тот момент С. Р. Лаптев был действительно забыт и действительно незаслуженно. Да и в последовавшие затем два с лишним десятилетия вспоминали об этой незаурядной личности реже, чем надо бы. И лаптевское наследие введено в научный оборот пока что далеко не в полном объёме.

Сергей Романович Лаптев родился в 1891 г. в г. Чистополе Казанской губернии в семье приказчика. Около трёх лет служил в царской армии, участник Первой мировой войны, подпоручик инженерных войск. В 1918 г. был мобилизован в колчаковскую армию. В конце следующего года отступал с нею до Красноярска, где и перешёл на сторону «красных». В 1920 г. служил в особом отделе 5-й Армии, а затем, будучи военным топографом и начальником оперативно-строительного отряда, воевал на Польском фронте.

Документально подтверждено, что в начале 1920-х годов он жил в Омске и работал секретарем в Сибирском областном Союзе сельскохозяйственных кооперативных союзов. 11 марта 1924 г. С. Р. Лаптев стал действительным членом ЗСО РГО. Собственноручно заполненная С. Р. Лаптевым анкета, сохранившаяся в фондах ГИАОО, свидетельствует, что 31-летний, женатый, беспартийный «служащий-интеллигент» жил тогда на Большой Луговой улице, заочно обучался на физико-математическом факультете Томского университета, научных трудов и учёных званий не имел, состоял ранее членом Русского астрономического общества и Русского общества любителей мироведения и членом-корреспондентом Географического общества, владел двумя профессиями (основная – служащий и «частная» – кооператор) и хотел бы заниматься вопросами климатологии, метеорологии и математической географии.

В середине 1920-х гг. Лаптев-Зенковскнй (двойную фамилию, составленную из своей и фамилии жены, Сергей Романович носил около десяти лет: с 1936 г. он снова просто Лаптев) переехал в Свердловск.

Работал в Уральском обществе любителей естествознания (УОЛЕ), Уральском областном бюро краеведения и в Свердловском краеведческом музее, а также преподавал в Уральском коммунистическом университете. В эти годы С. Р. Лаптев «близко соприкасался» с целым рядом интересных и известных лиц (А. Е. Ферсман, И. Э. Грабарь, Л. А. Кулик, П. П. Бажов). Работая в УОЛЕ, С. Р. Лаптев совершил много поездок по Уральскому краю. В Кыштыме на задворках заводской школы им была обнаружена ценнейшая коллекция каслинского литья. Сергей Романович был причастен и к обретению Эрмитажем двух санидских серебряных блюд, найденных на Северном Урале, а вместе с тагильскими краеведами в старом демидовском каретнике нашёл «Мадонну» кисти Рафаэля, вывезенную в екатерининские времена из Лоретти агентами уральского заводчика, отреставрированную впоследствии И. Э. Грабарём и совершившую триумфальное турне по крупнейшим музеям Европы.

В 1932 г., когда начались погромные акции в отношении краеведческого движения на Урале, Сергей Романович вернулся в Омск и до 1937 г. работал преподавателем в Коммунистическом университете (Высшая коммунистических сельскохозяйственная школа) и одновременно (в 1935-1937 гг.) состоял заместителем председателя Омского областного оргбюро краеведения. Вскоре после ликвидации в 1937 г. ЦБК и местных краеведческих обществ С. Р. Лаптев поступил на службу на Омскую областную станцию юных натуралистов, где до и августа 1943 г. заведовал учебно-методической частью и отделом неживой природы. В 1944-1945 гг. он – учитель химии в средней школ Черлакского зерносовхоза, а в 1946-1951 гг. – заместитель директора по научной части в Омском областном краеведческом музее. В эти годы возникла крепкая и трогательная дружба Сергея Романовича с другим замечательным краеведом-энтузиастом, директором музея Андреем Фёдоровичем Палашенковым (1886-1971). Они были не просто коллегами по работе и не просто друзьями. Они в равной мере любили науку, любили свой родной край, его природу, его старину и были настоящими соратниками в подвижническом труде по его изучению.

С 1951 г. и после выхода на пенсию в 1953 г. С. Р. Лаптев руководил кружком юных краеведов на станции юннатов, а также в течение 13 лет являлся учёным секретарем Омского отдела Всесоюзного географического общества АН СССР. Будучи уже в преклонном возрасте, краевед посвящал свой досуг музыкальным и литературным телепередачам, коллекционированию, упорядочивал свой обширный архив и ждал на-

ступления лета – полевого сезона, – чтобы отправиться в очередную поездку по Прииртышью за новыми знаниями о крае. С. Р. Лаптев был страстным путешественником. В конце 1940-х начале 1950 гг. он совершил несколько путешествий и экспедиций по Оми, Северо-Восточному Казахстану, Тарскому и Васисскому районам Омской области. Позже в 1957-1965 гг. С. Р. Лаптев совместно с А. Ф. Палашенковым предпринял около сорока краеведческих поездок по области и сопредельным территориям на грузовой машине Омского отдела ВГО. Последняя поездка – на Крутинские озёра – состоялась в июне 1965 г. Умер Сергей Романович 8 августа 1967 г. и был похоронен на Северном кладбище г. Омска.

В Государственном архиве Омской области хранится личный фонд С. Р. Лаптева № Р-2118. Фонд содержит полевые дневники, альбомы с фотографиями, основная же его часть – своеобразный многотомный труд «Материалы по изучению Омской области».

Краевед тщательно, с любовью и знанием дела скомпоновал собранные на протяжении всей своей жизни разнообразные материалы о крае (выписки, вырезки, машинописные и рукописные тексты и многое другое), переплёл и оформил каждый из 31 тома «Материалов». Труд этот – подлинная сокровищница краеведческих знаний. Даже беглого просмотра содержания томов достаточно, чтобы С. Р. Лаптев, гидрохимик и лимнолог, предстал перед читателем на редкость любознательным человеком, живо интересующимся климатологией и фенологией, зоологией и ботаникой, геологией и минералогией, археологией и палеонтологией, историей и медициной.

С. Р. Лаптев – автор ряда научных и научно-популярных публикаций по краеведению, общей географии, гидрохимии озёр, бальнеологии и т. д. Многие из его работ так и не были опубликованы. Некоторые из них можно обнаружить, перелистывая страницы 17 тома «Материалов», озаглавленного «Статьи, переписка и рецензии из архива С. Р. Лаптева. Выпуск 1». Там среди прочего находятся и публикуемые ныне воспоминания о выдающемся учёном и оригинальном поэте Петре Драверте.

Лаптев подготовил их к печати в 1960 году к 15-летию со дня смерти П. Л. Драверта, собираясь тем самым почтить память Петра Людовиковича. Публикуя сейчас эти воспоминания, мы отдаём дань памяти не только П. Л. Драверту (приближается 70-летняя годовщина его смерти), но и самому Сергею Романовичу, человеку незаурядному и много сделавшему, честному и скромному, более чем достойному благодарной памяти земляков.

А. В. Ремизов

Примечания

1. Воспоминания датированы мемуаристом 30 ноября 1960 г. (ГАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 17. Л. 145). Отдельные их фрагменты были опубликованы ранее в книге А. Лейфера «Сибири не изменю!..» (Новосибирск, 1979) и в статье А. Ремизова (сборник «Проблемы истории науки и культуры России». Омск, 1993). Впервые полностью опубликованы в альманахе «Иртыш» (Омск, 1995. №2).

2. П. Л. Драверт стал действительным членом Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества в 1922 г. Интересно, что, заполняя при вступлении соответствующую анкету, он определил своё социальное положение «интеллигентный пролетарий» (ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 37. Л. 9).

3. Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в устьях рек и у берегов Сибири.

4. Семёнов Виктор Фёдорович (1871-1947 гг.), профессор ботаники Сибкадамии и мединститута, с 1923 г. председатель ЗСОРГО.

5. Главный герой повести – профессор Пётр Карлович Крот – живёт в Омске, минералог и поэт, сын крупного чиновника по судебному ведомству, бывший революционер, отбывавший каторгу в Якутии, эксцентричный в одежде и поведении, одинокий, хотя и женат, склонный к романтической «любви к туземным девушкам»... В этом персонаже не только можно без труда узнать П. Л. Драверта, его нельзя не узнать!

Несколько слов о сюжете произведения. Профессор Крот возглавляет научную экспедицию. Он и два его молодых сотрудника – Сергей Сергеевич и Нина – ищут апатиты где-то в Прииртышье. Профессор приходит к выводу, что имеющиеся залежи не имеют хозяйственного значения и перебрасывает экспедицию на другой объект – случайно найденный в береговом обнажении костяк индрикотерия (безрогого носорога). Этот великолепно сохранившийся полный скелет – несомненная палеонтологическая сенсация. Профессору нелегко, ему не раз дают понять, что он занимается, может быть, и интересным делом, но сейчас ведь не до этого. У него забирают катер для перевозки совхозного зерна на пароход, следующий в Омск, отказываются взять ящики с костями, т. к. он до отказа нагружен хлебом и т. д. Сергей Сергеевич относится к профессору как-то критически-иронически. Одна лишь Нина восхищается профессором, даже подражает ему, хотя и не всегда его понимает.

Финал повести таков. На заседании Общества по изучению производительных сил Сибири профессор Крот был раскритикован после своего палеонтологического доклада. Его критиковали за стрем-

ление заниматься в науке тем, что в данный момент (когда страна борется за жизнь, когда ей нужны хлеб, металл и т. д.) не имеет практического значения. Выступил с критикой и Сергей Сергеевич. И даже Нина («девушка-осень» с волосами – «медным знаменем») ушла от него. Когда-то слова «кафедра», «минералогия» были для неё священными, а теперь она переквалифицировалась в почвовед (будет изучать почвы того самого совхоза, в окрестностях которого работала экспедиция) и в директора.

Автор не издевается над своим героем, не высмеивает его, он просто показывает, насколько этот «ископаемый» не вписывается в изменившиеся условия жизни, где молодые энергичные люди (шофёрша, директор совхоза, Нина) строят социализм: «...У него не было положения. Он был человеком погубленной карьеры. Его это мало огорчало. Он не завидовал сверстникам. Он знал, что время было не с ними. Мышиная беготня их жизни смешила его. Он шёл своим путем. Годы ссылки не были для него потерянными: в Якутии он стал поэтом. Он стал также учёным... Он жил один. Его лето было посвящено экспедициям. Зимой он замыкался в кабинете. Его время принадлежало стихам и науке. Он презирал собратьев по институту... Он переносил только общество своих учеников. Он надеялся поднять их до горных вершин одиночества. Так он жил – учёный поэт.

Он жил так до того часа, когда вдруг раздался близкий гул катастрофы. Он ещё не знал, что с ним произошло. Было только известно, что время покинуло его. Как-то раз на вершине горы он видел однокорое дерево. Все ветви этого дерева были обращены в ту сторону, которая была закрыта от суровых ветров. Он был похож на такое дерево. Он слишком долго прозябал в кабинете, защищённый от ветров жизни. И вот время его покинуло... Ветер его покинул – ветер жизни» (М. Никитин. Безрогий носорог. – Сибирские огни. 1931. № 11-12. – С. 40).

6. С. Р. Лаптев пишет: «М. И. Крот». Такие же инициалы встречаются и в некоторых публикациях (Северная Азия, 1926. № 5-6. – С. 165; 1927. № 1. _ С. 134). Судя же по анкете ЗСОРГО, выпускник Московского университета (1918 г.), ассистент-преподаватель при кафедре минералогии и геологии сельхозинститута и действительный член общества Крот был Михаилом Николаевичем (ГАОО. Ф. 1075, Оп. 1. Д. 37. Л. 52 об.–53).

7. Омская метеоритная комиссия была организована в 1932 г. при областном бюро краеведения, в 1937 г. была закрыта вместе с бюро, а в 1940 г. возобновила свою деятельность при Омском отделении ВАГО.

С кончиной П. Л. Драверта комиссия прекратила своё существование.

8. Иван Иосифович Мороз (1889-1984 гг.) работал таксидермистом в Омском краеведческом музее в 1931-1939 гг., затем был научным сотрудником заповедника Боровое и зоотехником Алма-Атинского зоопарка. В собрании Омского музея сохранилось 52 чучела его работы.

9. Например, статьи «Минералы» и «Метеориты», опубликованные в 3-м томе «Сибирской Советской Энциклопедии» (1932 г.).

10. Драверт П. Л. Определитель важнейших минералов Сибири с указателем их месторождений. Омск, 1922 г.

Памяти одного из участников Отечественной войны [1812 г.] [1]*

Приближаются дни, когда по всей необъятной России любящие родину сыны её почтут торжественно память геройских подвигов своих предков – участников войны 1812 года, мужественно отстоявших родную землю от вражеского нашествия и вышедших победителями в борьбе с величайшим и талантливейшим полководцем.

Велика была опасность, угрожавшая 100 лет тому назад русскому государству от нашествия двенадцати вооружённых народов, объединённых и сплочённых военным гением Наполеона. И когда, с изгнанием к декабрю 1812 г. последних остатков вражеских полчищ из пределов России геройскими усилиями войска и народа, опасность эта была устранена, сознание подвига, совершённого со страшным напряжением сил и окупленного тяжкими жертвами участников войны, чувствовалось живо и ясно во всех слоях русского общества – от Царя, подавшего пример своей непоколебимой твердостью духа, до последнего простолюдина, несшего свои тяжкие жертвы для спасения отечества.

Прошло 100 лет после кампании 1812 года... Основные события и черты её известны ныне каждому грамотному лицу, если не из учебников и сочинений специального характера, то из патриотических творений Жуковского, Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого.

Кампания началась знойным летом, когда 600.000 вооружённых, испытанных в боях человек наступили на Россию, имевшую против этой силы на западной своей границы едва 200.000 чел., и окончилась через 5 ½ месяцев после длинного ряда упорнейших сражений и стычек, при лютых морозах, истреблением почти всей неприятельской армии, усеявшей трупами своих воинов громадное пространство от Немана до Москвы и обратно! Русское государство не только было спасено, но имело силы продолжать борьбу, даже за своими пределами, уже для освобождения других государств от владычества Наполеона и закончило эту победоносную борьбу лишь в 1814 году в столице Франции!

Такие поразительные результаты достигнуты были единственно путём страшного напряжения духовных, физических и материальных сил участников войны и народа. И даже теперь, когда столетний

* Подготовка к публикации и примечания А. М. Лосунова

период отделяет нас от той славной эпохи, сглаживая и ослабляя силу впечатлений, нельзя не удивляться героизму и силе тех людей, трудами и подвигами коих добыты эти результаты, и так высоко поднято было положение России среди европейских держав!

Конечно, политические последствия войны 1812 года не могли быть ясно осознаны и оценены всем тогдашним обществом и народными массами, но более культурное общество России и народ её сразу поняли, что лишь тяжкими усилиями и самоотверженными подвигами армии спасены были политическая независимость родины и государственное её единство и потому смотрели на всех составлявших эту армию – от вождей и до последнего солдата и ополченца – как на героев и спасителей отечества.

Эта же оценка, пройдя чрез историческую критику, остаётся и в сознании современного русского общества и народа, а потому естественно, что, собираясь торжественно помянуть славные события незабвенной войны 1812 г., правительство и общество озабочены сохранить не только память об участниках этой эпохи, но обеспечить целостность вещественных памятников и предметов, с личностью их связанных, и сохранность мест последнего упокоения героев.

Могила одного из участников Отечественной войны имеется в гор[оде] Вятке, и пишушему эти строки (как внуку по прямой линии штаб-ротмистра Волынского уланского полка [2] Ивана Гавриловича Драверта) казалось естественным и своевременным обратить на это внимание своих сограждан и посвятить памяти своего предка хотя несколько газетных строк, дабы память эта не могла исчезнуть в том самом месте, где пришлось ему провести последние годы своей трудовой жизни и где нашёл он и последний свой приют на Семёновском кладбище (ныне Ахтырское). [3]

Иван Гаврилович Драверт [4], из польских дворян, в очень молодом возрасте принял русское подданство и поступил на службу в конно-польский уланский полк 10 октября 1797 года; в первый раз пришлось ему участвовать в сражении с французами ещё в 1805 году, когда в знаменитой битве «3-х Императоров» под Аустерлицем он был тяжело ранен в кавалерийской схватке палашом в спину, в левую руку выше локтя пулею насквозь и в локоть саблею, и остался живым благодаря лишь крепкому организму и молодости. Оправившись от ран, он продолжил службу в Волынском уланском полку с 6 мая 1807 года сначала корнетом, а с 20 мая 1808 года, – поручиком. С 1 августа 1808 года Волынский Уланский полк в полном составе вошёл в ряды нашей действу-

ющей на Дунае армии, и Ивану Гавриловичу пришлось участвовать в целом ряде сражений с турками в ноябре ещё в 1808 и в течение 1809, 1810 и 1811 годов на равнинах Молдавии и Валахии, на берегах Дуная и биться в рядах полка как в бою при Варварице, так и при взятии нашими войсками нескольких турецких укреплений; в последнее время, до заключения с Турцией мира, Иван Гаврилович перешёл с полком из Болгарии в Сербию и действовал в составе армии против крепости Видена, проведя таким образом около пяти лет в этой тяжёлой кампании против турок.

При возникновении Отечественной войны Волынский Уланский полк, а с ним и Иван Гаврилович вошли в состав 3-ей резервной наблюдательной армии под начальством генерала от артиллерии Торماسова, а затем адмирала Чичагова и, возвратясь 10 октября 1812 года по переправе через Днепр в российские пределы, участвовал с 12-го ноября в битвах с французами при переправе их через р. Березину, а затем при преследовании неприятельских войск через р. Двину до р. Немана и, наконец, 28 и 29 ноября в боях под гор. Вильною. Под Березиною и в сражении под Стаховым Волынский полк сражался под командой генерала Чапицы, а в какой мере были трудны и тяжелы были условия этой кампании, когда Волынский полк, действуя в составе армии Чичагова, настойчиво преследовал быстро отступающего неприятеля, видно уже из того, что в боях и стычках с французами за этот короткий срок полк потерял почти половину своего состава! Но зато, за отличия, оказанные полком в кампанию 1812 года, Волынский Уланский полк получил комплект серебряных георгиевских труб при Высочайшей грамоте и щедро были награждены оставшиеся в живых члены этого славного полка!

Ослабленный полученными в боях ранами и перенесёнными им тяготами военного времени, Иван Гаврилович, по заключении мира, должен был оставить военную службу и 26 апреля 1816 года был уволен за болезнью в отставку с чином штаб-ротмистра, а в 1821 году пожалован был мундиром Волынского полка и полною пенсиею.

Однако деятельная и энергичная натура Ивана Гавриловича и необходимость содержания большой семьи побудили его вновь поступить на службу, на этот раз гражданскую, и судьба закинула его из Киевской губернии, где он проживал в отставке, в отдалённую и глухую тогда Вятскую губернию. 13 октября 1825 года, по назначению комитета Высочайше утверждённого в 1814 году для попечения об участии раненых офицеров, Иван Гаврилович определён был в Уржумский земский суд дворянским заседателем; 9 сентября 1838 года перемещён был на такую

же должность в Яранский уездной суд, а 29 февраля 1840 года был определён смотрителем Вятского училища детей канцелярских служителей. Но болезни и истощение от открывающихся, не вполне залеченных ран, лишили его возможности вступить в отправление этой последней должности, и 10 июля 1840 года он был от неё по прошению за болезнью уволен, а вскоре затем и скончался в городе Вятке в возрасте 72-х лет, свято исполнив свой долг верноподданного сына России и отдав на защиту её лучшие силы и здоровье.

Погребён Иван Гаврилович – как выше упомянуто – на кладбище города Вятки (Семёновском). Поставленный на его могиле сыном его Станиславом Ивановичем, оставившем в Вятке также добрую о себе память [5], каменный высокий памятник находится в довольно сохранном состоянии и расположен сажень в 20-ти к юго-западу от кладбищенской церкви. На одной из сторон памятника сохранились и легко могут быть прочитаны стихи, посвящённые сыном своему герою-отцу, характеризующие его как воина, гражданина и семьянина.

В наступающие дни поминовения участников войны 1812 года да будет почтена благодарным, добрым словом память и этого воина, проливавшего свою кровь за честь и достоинство России и за пределами её и при изгнании врага из её пределов, и пусть его светлый образ, здесь слабо начертанный, приобщится к сонму тех богатырей-мужей его силы, долга и непреклонной воли, которыми так полна была русская армия в начале прошлого столетия и кровью, и подвигами которых спасена была Россия в приснопамятный 1812-й год !

5 августа 1812 года Людвиг Дравертъ

Примечания

Отец П. Л. Драверта – Людовик Станиславович, появившийся на свет в 1849 г., прожил долгую жизнь и умер в возрасте 83 лет. Юрист по профессии, интересовался отечественной и зарубежной литературой, географией, естествознанием, минералогией. Среди трудов Л. С. Драверта – теоретика по юриспруденции, исследования краеведческого и литературоведческого характера, подготовительные материалы к объёмной работе «Статистика войн». Действительный член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, председатель географического отдела Уральско-Сибирской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге. Женился на Варваре Николаевне Долматовой, необычайно образованной женщине, всем сердцем обожавшей литературу, в прошлом ученице знаменитого филолога, палеографа и лексикографа Срезневского. Стоит ли удивляться тому, что дочь Варвары Николаевны Ксения и сын Пётр пылко, накрепко увлеклись поэзией, творчеством. Л. С. Драверт вступил на службу в 1871 г. Через восемь лет получил чин коллежского советника. В 1881 г. – товарищ прокурора Вятского окружного суда и член Общего собрания суда. В 1906 г. – председатель Вятского окружного суда. С 1908 по 1916 гг. – председатель департамента судебной палаты Казанского округа. В 1917 г. – тайный советник, сенатор. В марте того же года вышел в отставку. Был известным библиофилом и собирателем книжных знаков. Увлекался наполеонистикой, слыл знатоком Отечественной войны 1812 г. Публикуемая нами статья как нельзя лучше отражает данное его увлечение.

1. Текст заметки воспроизводится нами по газетной вырезке («подвалу»), одного из дореволюционных периодических изданий. Наименование и дата его выхода в свет нам, к сожалению, остаются пока неизвестны. На газетной вырезке стоит штамп «Библиотека А. Ф. Палашенкова. Вырезка хранится в ГИАОО. Ф. Р-2200, Оп.3. Д.30. Л.18. Орфография и пунктуация первоисточника, за исключением явных опечаток, нами оставлена без изменений.

2. Сформирован 29 апреля 1807 г. полковником графом О'Рурком под именем Конно-Волынский полк. В ноябре того же года переименован в Волынский уланский полк. Сразу же после своего создания полк принял участие в войне с Турцией. В 1812 г. полк участвовал в преследовании французов от Березины и был награждён серебряными Георг

гиевскими трубами. В 1813 и 1814 гг. полк принимал участие во многих боях. В дальнейшем данное воинское соединение участвовало в польских событиях 1831 г., Крымской войне 1854-1855 гг. и при усмирении польского мятежа 1863 г. С 29 сентября 1847 г. Волынский полк носил название уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полк; с 19 марта 1857 г. к нему присоединено имя «Волынского», а 25 марта полку присвоен № 6-й. 18 августа 1882 г. полк был переименован в 17 драгунский, а 6 декабря 1907 г. был вновь назван 6 уланским Волынским полком.

3. Ныне снесённое. Примечание А. М. Лосунова.

4. Ян Габриэль Драверт (1768–1840) поступил в России на военную службу и вступил в русское подданство в 1797 году. В его формулярном списке имеется запись о происхождении: «...из польского шляхетства Прусского кордона, местечка Бельц. О дворянстве доказательство представил, данное от Польского дворянского собрания». В апреле 1817 года у Ивана Гавриловича (Яна Габриэля) Драверта родился сын Станислав (Венцеслав).

5. Станислав Иванович Драверт в 1857 г. был коллежским асессором, правителем канцелярии гражданского губернатора Вятки. В 1880 г. он уже статский советник и служит начальником хозяйственного отделения Вятского управления Государственных имуществ. Своей образованностью и добросердечием привлекал к себе хороших людей. Был знаком с М. Е. Салтыковым-Щедриным и с прекрасной, не глядя на возраст, Н. Н. Пушкиной-Ланской. Когда в 1855 г. она с мужем приезжала в Вятку, то Станислав Иванович страстно, с упоением читал ей стихи, рассказывал о своих предках и родственниках. Уезжая, на память о встрече Наталья Николаевна подарила жене Драверта – Анеле Андреевне (урождённой Токарской) – страусиный веер, который, по словам Гончаровой, приобрёл для неё сам А. С. Пушкин. В письме к Марку Азадовскому П. Л. Драверт сообщал: «...Мой дед, Станислав Иванович Драверт, любил литературу, писал стихи. В его доме бывали Герцен и другие выдающиеся ссыльные в г. Вятке». Станислав Иванович, преклоняясь перед заграничным, назвал своих детей «по-иностранному» – Адольф и Людовик. Адольф Станиславович Драверт имел чин коллежского асессора, был врачом в Уржуме, Вятской губернии. Брат отца – Игнатий Иванович, был титулярным советником, членом Вятского губернского правления и управляющим палатой государственных имуществ, надворный советник Игнатий Иванович Драверт был помощником правителя канцелярии губернатора.

**Имя П. Л. Драверта
в документах Исторического архива Омской области**

В архиве имеется небольшой личный фонд П. Л. Драверта, состоящий всего из шести единиц хранения, крошечный осколок от его богатого творческого наследия. Фонд содержит письма Драверта И. С. Коровкину его переписку с Васисским сельсоветом Тарского района об упавшем метеорите, стихи. Документы были приняты архивом в 1971 г.

В фонде Омского городского полицейского управления хранится небольшое дело «О состоящем под негласным наблюдением полиции б[ывшем] студенте Казанского университета Петре Людвиговиче Драверте» [1]. Это переписка Казанского и Омского полицмейстеров. Первый извещал, что Драверт 25 мая 1911 г. выбыл в г. Омск, второй требовал от приставов Омска и Атаманского хутора провести его розыск и установить наблюдение за его прибытием в Омск. Но розыск не дал результатов, Драверт в Омск не прибыл.

С 30 октября по 1 декабря 1936 г. Пётр Людовикович принимал участие в работе экспедиции, организованной по заданию Треста стройматериалов Управления местной промышленности. Экспедиция работала в Северо-Казахстанской области в урочище Джанатай-Одыр, где было обнаружено крупное месторождение изверженных горных пород. В архивном фонде Омской областной плановой комиссии имеется отчёт о её результатах, рекомендации по использованию этой породы за подписями членов экспедиции, в т. ч. первой стоит подпись Драверта [2].

В том же фонде хранится дело, названное исследовательской работой профессора Драверта «Геологическая характеристика заповедника «Боровое» [3]. П. Л. Драверт, бывший в то время научным работником заповедника, разрабатывал эту тему, рассчитанную на два года. В 1939 г. он исследовал минералы и полезные ископаемые данного района. И это дело – отчёт об итогах исследовательской работы за 1939 год.

В фонде Омского краеведческого музея имеется так называемое «Метеоритное дело», содержащее документы за 1932-1935 гг. о поиске и изучении метеоритов на территории Западной Сибири, в т.ч. статью Драверта «Каменный дождь в окрестностях деревни Кузнецово» [4].

Эта деревня была расположена в западной части Татарского района Западно-Сибирского края. Драверт писал, что, по словам свидетеля – мальчика, падающий камень «шумел как два миллиона поднявшихся голубей... выбил в земле неглубокую косую ямку и выскочил из нее на 17 сантиметров в сторону. Трава и ямка обгорели, и сам камень был поднят через 10 минут еще теплым. Вес его был около 2 килограмм» [5]. Имеются в деле документы о метеоритах, упавших в Тарском районе, их розыске, переписка Драверта с учреждениями и организациями об этом.

В 1977 г. отмечалось 100-летие со дня рождения учёного. В фонде Омского краеведческого музея имеется тематико-экспозиционный план выставки к 100-летию П. Л. Драверта (составитель – Т. М. Назарцева, редактор – Л. С. Худякова) [6]. Эпиграфом выставки можно считать использованное четверостишие из стихотворения Драверта «Падучая звезда»:

*«Пусть будет недолог твой жизненный путь,
Но можешь и ты лучезарно сверкнуть,
Оставив живущим волнующий след;
Строитель, художник, ученый, поэт...»*

Выставка включила следующие разделы – «Детство и студенческие годы», «Начало научной деятельности», «В нашем городе», «Работа по генеалогии, минералогии и краеведению», «Празднование 100-летия АН СССР», «Деятельность П. Л. Драверта по метеоритике», «Литературная деятельность», «Коллекции Драверта».

В фонде Омского общества краеведения среди документов Омского краеведческого музея имеется рукописный отчёт зав. геологическим отделом музея П. Драверта о командировке в г. Тобольск в 1935 г., где он работал с фондами музея, архива и библиотеки. Автор писал: «В библиотеке Тобольского музея удалось, между прочим, выявить чрезвычайно интересную рукопись XVIII века с описаниями и рисунками, относящимися к изучаемым мной географическим явлениям в атмосфере в пределах бывшей Тобольской губернии» [7]. В архивном бюро Драверт, помимо общего ознакомления с документами архива, делал выписки о ссыльном колоднике Фёдоре Мелесе, который был первым авиаконструктором в Сибири в XVIII веке. Работу о нём Драверт готовил для печати. В музее он познакомился с коллекциями минералов и горных пород. По просьбе сотрудников музея определил находившиеся на выставках минералы и породы и дал рекомендации для составления

большой экспозиции по геологической истории земли. Выступил на заседании Тобольского общества краеведов с докладом «Падение метеоритов в Тобольске по рукописям XVII и XVIII столетий», дал консультации геологам, научным работникам по интересовавшим их вопросам.

Документы о Драверте имеются в личном фонде профессора Омского сельскохозяйственного института В. К. Иванова. Это его воспоминания об учителе, коллеге П. Л. Драверте [8]. В 1963 г. В. Иванова пригласили принять участие в передаче Омского телевидения о Петре Людовиковиче. Он составил свои предложения к сценарию, но готовый материал не удовлетворил учёного, и он отказался от участия в передаче. Однако сценарий оставил себе, машинописный экземпляр последнего и рукописные заметки В. Иванова подшиты в одно из дел [9].

Значительное количество документов о Драверте содержится в личном фонде А. Ф. Палашенкова, собравшем материалы о своём друге и коллеге. Это копия рецензии В. Итина на книгу стихов П. Драверта, выпущенную в 1923 г. издательством «Сибирские огни» и опубликованную в одноимённом журнале в том же году, воспоминания об учёном и поэте, о том, что составляло убранство его кабинета: «...Химическая колба, где на примусе кипятится чай. Огнеупорный фарфор вместо стаканов. Кровать-кушетка. Над ней походный топорик с резьбой на железе. Чугунный крест – летящая гагара – священного бубна шамана. Кристаллы. Стеклянная трубка с порошком вивианита, синий, как Байкал. Картины природы Западной, Восточной Сибири, Забайкалья, Камчатки. Мохнатый мамонт с изогнутыми вниз клыками. Снимки легендарных экспедиций...стихи» [10].

Здесь же имеется машинописная копия работы Б. А. Вилинбахова «Омские книжные знаки», изданная в Ленинграде в 1954 году [11]. Она была посвящена памяти П. Л. Драверта. Автор определил и описал 303 книжных знака г. Омска, Акмолинской области, среди них – книжный знак (экслибрис) Драверта. Он был сделан омским художником Е. А. Крутиковым в 1933 году. Это одноцветная линогравюра (75х60 мм). На нём – кусок руды, геологический молоток, книга и свиток. Латинская надпись – «Сочиняй и работай молотком». Тиражом 250 экз. он был отпечатан на бумаге. Библиотека Драверта состояла из книг по минералогии, геологии, кристаллографии, метеоритике и археологии (в 1935 г. около 2500 томов). После смерти владельца библиотека и собрание книжных знаков поступили в Омский областной музей. О библиофильской и коллекционерской страсти учёного свидетельствует одно из его

писем к Виленбахову: «Недавно улыбнулось маленькое счастье. Шел по улице. Вижу в канаве лежит какой-то старый растрепанный переплет книги. На всякий случай поднял, а там – сохранившийся ярлык» [12].

В фонде хранится дело с вырезками из газет со статьями, стихами Драверта периода 1917-1968 гг. [13]. Имеются машинописные копии писем В. И. Вернадского Драверту за 1932-1944 годы [14]. Эти письма А. Ф. Палашенков получил по его просьбе из Института геохимии, аналитической химии им. Вернадского. В нескольких делах подшиты документы, собранные Палашенковым о жизни и деятельности Драверта, – печатные брошюры Драверта, выписки из книг о нём, отдельные биографические документы, некрологи, воспоминания о последних часах жизни Драверта, его похоронах и перезахоронении в Омске с Казачьего на Старо-Восточное кладбище [15].

Отдельным делом представлены воспоминания С. Р. Лаптева о Драверте, текст его доклада на областном совещании географов 25 декабря 1960 года «Минералы в поэзии П. Л. Драверта» [16].

И, наконец, дело о Драверте из «Материалов к энциклопедии Сибирского Прииртышья» – вырезки из газет, материалы о похоронах, докладная записка А. Ф. Палашенкова помощнику прокурора по г. Омску о приёме имущества после смерти Драверта [17]:

Значительный комплекс документов о Драверте был собран И. С. Коровкиным. Он отложился в его личном фонде. Это подлинники и копии писем, тщательно переписанные И. С. – письма двух увлечённых, уважающих друг друга человек; стихи Драверта, перечень стихов, сделанный Коровкину, фотографии, экземпляры печатных работ и брошюр Драверта. В одном из дел подшит рисунок могилы Драверта на Казачьем кладбище, сделанный Коровкиным в 1947 г., некрологи из различных печатных изданий [18].

В фонде содержатся письма омского художника Б. А. Спорникова Коровкину за 1964-1965 гг., в которых он рассказал о своей работе над портретом Драверта [19]. В 1969 г. художник уехал из Омска. Портрет он закончил, и ныне портрет экспонируется в одном из залов областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

В фонде имеется рукописная копия воспоминаний П. К. Бадаевой (гражданской жены П. Л.) о Драверте – история их знакомства и взаимоотношений [20].

ВОСПОМИНАНИЯ О П. Л. ДРАВЕРТЕ

Из воспоминаний В. К. Иванова

«Учёный и поэтому, быть может, он – поэт» [21]

«Он прежде всего учёный, профессор минералогии, исследователь Сибири. И поэтому, быть может, он – поэт». Так писал о поэтическом творчестве Петра Людвиновича Драверта сибирский писатель Вивиан Итин.

Мне посчастливилось учиться у П. Л. Драверта, работать с ним вместе в Сибирской сельскохозяйственной академии (позднее – Омский сельскохозяйственный институт), слушать его доклады и выступления на заседаниях УБА – Учёного бюро академии, собраниях научных обществ, на съездах, видеть его в дружеском кругу научных работников, встречаться в домашней обстановке, наблюдать в экспедиционных поездках.

Первый раз я увидел Петра Людовиковича Драверта в 1918 г. – пятьдесят лет тому назад. Тех лет, которые уже уходят в историю. Желанием сохранить для будущих читателей стихов и учёных трудов П. Л. Драверта [...] [22] продиктованы эти строки воспоминаний.

Концерт в физической аудитории

Со времени этого студенческого вечера прошло почти пятьдесят лет, но запомнился вечер так отчетливо, что кажется, будто это происходило совсем недавно... В физической аудитории Омского сельскохозяйственного института, находившимся в здании, ныне занимаемом Омским речным училищем, шёл большой концерт, в котором участвовали не только студенты, но и преподаватели института [...]

Шумными овациями встретили студенты учёного и поэта Петра Людовиковича Драверта, который читал на вечере свои стихи. Порывистые движения, высоко поднятая голова с непокорными волосами, блестящие глаза, мудрое лукавство губ, оттеняемое небольшой кудрявой бородкой, весь в каком-то устремлении, словно в полёте – необычайный, особенный. Таким видел его впервые, таким для меня оставался Пётр Людовикович всегда.

Своеобразное, оригинальное чтение стихов: чёткое произношение – артикуляция звука, как будто излишне резко, подчёркнуто быстро летящие слова создавали особую музыку. Читал стихи Петр Людовикович на столе. Эта манера, первоначально немало удивившая, как убе-

дился после, – была обычной для поэта. Не один раз потом мне приходилось видеть П. Л. Драверта, как он выступал со своими стихами с такого рода «подмостков» [...]

Незабываемые встречи

Пётр Людовикович Драверт был нашим любимым профессором. Всегда с большим интересом мы слушали его блестящие по форме, насыщенные содержанием лекции. П. Л. Драверт был прекрасным лектором и обладал выдающимися ораторскими способностями. Высокоэрудированный специалист, естествоиспытатель – в полном значении этого слова, влюблённый в свой предмет – минералогию, метеоритику. Вдохновенный, горящий, неутомимо ищущий, рыцарски преданный служению науке, Пётр Людовикович был для нас живым примером истинного учения. Человек своеобразный мысли, раздумий, самобытности, для некоторых – «оригинал».

Смелый взгляд. Мы никогда не видели его голову склонённой. Пётр Людовикович в моих воспоминаниях сохранился таким – полным жизни, энергии. Увлечение, страстность, даже экспансивность – вот черты, присущие его натуре. Горячий в спорах – таким нередко наблюдал его на заседаниях и собраниях. Порою вспыльчивый, но быстро «отходил». Резкие и гневные возражения – решительный отпор, когда не признавалась или принижалась наука, являлись типичными для его характера. Очень редко бывал он спокойным, но никогда не оставался равнодушным.

Кабинет учёного и мечтателя

Кабинет минералогии и геологии, расположенный в первые годы на четвёртом этаже в юго-западном углу главного учебного корпуса Сибкакадемии, выглядел столь же необычно и своеобразно, каким сам являлся организатор кабинета и кафедры.

Просторное помещение кабинета заполняли богатейшие коллекции минералов: самоцветы, кристаллы самых совершенных форм, переливающие разными цветами. Окаменелости, кости вымерших ископаемых животных. Бивни мамонта необычайных размеров. На тех, кто называл бивни «клыками мамонта», профессор обрушивался немедленно соответствующей решительной сердитой поправкой и нотацией.

На стенах кабинета развешены картины – полярная тундра, тайга,

горные цепи, ледниковые реки, фотоснимки, сделанные во время путешествий профессора и учёного. Все богатейшие экспонаты по минералогии и геологии Сибири собраны, точно описаны, любовно, красиво обрамлены руками Петра Людовиковича. Это – сборы из экспедиций, совершённых им в Якутию, Саяны, на Алтай, Обский Север, Прииртышье и Северный Казахстан – плоды его неутомимых трудов в течение жизни.

В кабинете Пётр Людовикович не только работал, но и по многу дней жил. Диван, покрытый ковром. На полу – большая шкура белого медведя, над диваном – геологический молоток-топорик, бубен шамана с железной крестовиной «священной гагарой». Чай заваривался в химической колбе. Чашками служили фарфоровые тигли. На столе книги – труды Академии Наук и других научных учреждений, «Сибирские огни», постоянным сотрудником «Огней» П. Л. Драверт с первых лет издания журнала являлся, другие художественные журналы, томики стихов [...]

Физики и лирики

Стихи Петра Людовиковича нас, молодых студентов, увлекали больше, чем лекции и практические занятия. Мы с восхищением слушали эти стихи на больших институтских праздничных вечерах, где Пётр Людовикович обязательно выступал каждый раз, и на студенческих вечеринках, которые он посещал весьма охотно. Молодёжь не только всегда находила с ним [...] общий язык, он был душою таких вечеринок [...]

Стихотворение «Красные кристаллы – Я рощу в сосуде красные кристаллы – радостный, свободный, благородный труд» было помещено в первом номере студенческого журнала «Дни нашей жизни», издаваемого рабоче-студенческим клубом «Землероб». Журнал отмечен датой: 1 июня 1921 г. Стихотворение «Письмо» посвящалось О. Высотинной – самой умной и самой скромной студентке нашего агрономического факультета – Лёле Высотинной [...] [23]

Летом 1929 г. мы с Петром Людовиковичем жили в палатке на берегу озера Борового. Здесь была база нашей экспедиции. Однажды вечером Пётр Людовикович принёс полную шапку аметистов. Их было так много, что он поддерживал её обеими руками. Во время прогулки верный глаз подсказал ему близость кварцевой жилы, проходящей под одной из сосен. Один удар геологическим молотком-топориком – и у корней дерева засверкали драгоценные аметисты – фиолетовые горные

хрустали. Эта необычайная находка показалась мне каким-то волшебством. В последующие дни в этом лесу я тщательно осматривал корни стволов чуть ли не у каждой сосны. Конечно, безрезультатно. Видимо, клады под старыми соснами, растущими на древних гранитных скалах, доступны не каждому.

ГИАОО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 255. Л. 1-11. Авторизованная машинопись.

Из воспоминаний г. Дружинина [3]

[1945-1964 гг.] [24]

Одно время в Омске, где-нибудь в молочном павильоне «Дима» или уютном кафе «Зоновой», где умели готовить слоёные пирожки с мясным фаршем или вареньем, можно было встретить двух пожилых мужчин без особо заметной разницы в годах. Лишь у одного борода была в заметной седине, у другого же – будто осыпана пеплом папиросы. Они подолгу и увлечённо беседовали, любовно посматривая друг на друга и совсем не обращая внимания на соседей по столикам. Можно подумать, что это встретились два приятеля после долгой разлуки и никак не могут наговориться. Потом я познакомился с одним из них. Случилось это при необычных обстоятельствах.

Стояла суровая зима 1920 на 1921 год [...] В Омске было и голодно, и холодно. Не было топлива. Горожан отправляли на заготовку дров, и они валили вековые берёзовые рощи на выезде за городом. В одну из бригад лесорубов попал и я. Случай свёл меня здесь с напарником не совсем обычного вида. Бородач в длинном драповом пальто и памятной шляпе, притом с таким белым лицом и мягкими белыми руками, что я приуныл. Интеллигент чистой воды и кабинетный вековушка. Такому братья за пилу!

Мы стояли с ним под старой берёзой с чёрным корьем по колено в снегу. Что ж, начинать, так начинать, – подумалось обоим. И мы начали.

И тут я быстро убедился, что человек этот силён и ловок. Он ритмично и плавно вёл пилу, а я лишь старался не задерживать её. Он скоро сбросил в снег пальто и остался в тёплой безрукавке. Бородач мой быстро упарил меня.

Когда берёза наконец рухнула в снежную постель, мы уселись на её стволе, как усаживаются удачливые охотники на тушу убитого ими медведя. Надо было передохнуть перед новым таймом. Мой напарник снял шляпу и долго утирал большим клетчатым платком лицо и запотевшую голову. Он улыбочиво, без иронии, посматривал на меня, как я ещё

тяжело дышу. Я давно догадался, что это был один из тех приятелей, которых я иногда встречал в кафе, тот – с бородой, осыпанной папиросным пеплом. Я сказал ему об этом.

– Да нет, что Вы, – рассмеялся он. – Какой он там приятель! То мой папаша Людовиг. Нам рано пришлось подолгу разлучаться, он тосковал, конечно, потому-то и ... Мы разговорились.

Надо рассказать теперь о нём. То был Пётр Людовигович Драверт [25] – профессор геологии и геофизики. Работал он в Сибирской сельскохозяйственной академии (все её звали Сибаккой), а размещалась она тут же на выезде за Омском, где мы мародёрствовали в тот день. [...]

Теперь часто говорят о «физиках» и «лириках». О необходимости их творческого содружества и взаимного проникновения, а иногда и о «антогонизме» между ними. Драверт органично объединил в себе и то, и другое. Науку и поэзию. Они взаимно обогащали в нём друг друга. Не знали противоречий и иронии. [...]

Хочется мне сказать ещё об одной черте в характере Драверта-человека. Он быстро обживался на новом месте, влюблялся в его своеобразие, в его особые приметы и становился патриотом своего нового, пусть даже не «зелёного уветья», а просто улиц большого города.

Уроженец Вятки, долгий бродяга по нехоженным тропам Сибири, он, осев в Омске, быстро полюбил этот город «на диком берегу Иртыша». Он любил повторять, что Омск – его город, который всегда привлекал к себе многих, что здесь побывали в своё время и известный путешественник Гумбольдт, и автор книги «Жизнь животных» Брем, исследователи Азии Пржевальский, Козлов и Потанин. В Омске родился гениальный Врубель, и в местном музее изобразительных искусств можно увидеть его плафоны «Розы и орхидеи» и «Жёлтые розы». А в бывшем кадетском корпусе учились Валериан Куйбышев и Чокан Валиханов.

Где-нибудь в тихом и уютном кафе Пётр Людовигович мог часами рассказывать вам обо всём этом, как завзятый сторожил Омска. И молодым блеском загорались глаза, и любовь к жизни и всему живому была в них. Таким остался в моей памяти учёный и поэт Пётр Драверт, человек, чистый сердцем, как енисейский берилл.

ГИАОО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 348. Л. 21-26. Машинописная копия.

Орфография документа сохранена

Сноски:

1. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1252
2. ГИАОО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 709. Л. 12-18
3. ГИАОО. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 613. Л. 12-18
4. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 146
5. Там же. Л. 9
6. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 513
7. ГИАОО. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 83. Л. 44,17
8. ГИАОО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 255
9. ГИАОО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 348
10. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 29. Л. 1
11. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 32
12. ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 535. Л. 4
13. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 28
14. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 31
15. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 30
16. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 3. Д. 33
17. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 612
18. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 342. Л.19
19. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 333
20. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 255
21. Дата написания воспоминаний не установлена
22. Отточиями в квадратных скобках здесь и далее отмечены пропущенные части текста документов
23. ГИАОО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 255. Л.1-9
24. Дата написания отсутствует. Документ датируется по датам дела, в котором находятся воспоминания
25. Г. Дружинин указывает отчество Драверта – Людовигович, а В. Иванов – Людовикович.

Справка

Иванов Венедикт Константинович (1901-1972) – выпускник агрономического факультета Омского сельскохозяйственного института, учёный-метеоролог, климатолог Сибири, кандидат сельскохозяйственных наук, зав. кафедрой ОмСХИ. Поэт, фельетонист, литературный критик. Личный фонд Иванова В. К. хранится в Историческом архиве Омской области (№ 1819).

Итин Вивиан Азарьевич (1894-1938) – советский поэт и прозаик. В Сибири – с 1919 г. Занимался литературной и общественной

работой. Был секретарём и председателем Западно-Сибирского отдела Союза советских писателей, с 1934 г. – ответственный редактор журнала «Сибирские огни». Автор ряда литературных произведений.

Гавриил Фёдорович Державин – поэт, писатель. Родился в 1893 г. в ст. Мельничной Акмолинской области. Окончил Омское землемерное училище. Более 30 лет проработал землеустроителем в Западной Сибири и Казахстане. Печатался в газетах и журналах Сибири и Казахстана, автор ряда печатных сборников. См. о нем: ГИАОО. Ф. 2200. Оп.1. Д. 878; Оп. 2. Д. 621.

Пётр Людовикович Драверт: неизвестное об известном

Историческое прошлое антропологично. Историю творят люди, а человеческая история – это история встреч, общений и взаимоотношений. Стоит ли удивляться тому, что любая историческая личность будет познаваема для исследователя-биографа, но по сути своей так и не будет познана до конца. Ярким примером сей аксиомы является и Пётр Людовикович Драверт (1879-1945).

Февральскую революцию 1917 г. П. Л. Драверт встретил в Петрограде, куда ездил в командировку. Вернувшись в Казань, по просьбе товарищей Пётр Людовикович вновь возвращается к партийной эсеровской деятельности в качестве председателя комитета. После проведения эсеровского съезда, он стал тяготиться пребыванием в рядах партии, которая, с нашей точки зрения, не могла руководить должным образом ни политической, ни хозяйственной жизнью страны. Лето и часть осени 1917 г. Драверт провёл в обследовании Сюкаевского серного месторождения. Ему предлагали избираться в Учредительное Собрание, но он отказался. К большевистскому движению Пётр Людовикович относился отрицательно и Октябрьский переворот принял с большой тревогой за судьбу России.

Видя, что новая власть стремится к воссозданию разрушенного Первой мировой войной хозяйства страны, он все свои знания и профессиональный опыт пытался направить на эту созидательную деятельность.

Поначалу разгоревшуюся гражданскую войну он принял за анархию. Политические процессы, инициированные большевиками, помешали ему однозначно поддержать их политическую доктрину. Поэтому занятие Казани белыми Драверт воспринял как начало установления порядка в стране. Находясь в Казани в 1918 г., он участвовал в редактировании и выпуске изданий антибольшевистской направленности. По мере отступления белых частей на Восток, он уехал из Казани.

Воспользовавшись предоставленной ему командировкой, Пётр Людовикович разъезжал с научной целью по городам Сибири и Казахстана. Путь его пролегал через Уфу, Омск, Семипалатинск, Тобольск. Побывал он даже в бухте Находка. В конце 1919 г. вернулся в Омск. Во

время отступления армии А. В. Колчака Драверт в Иркутск не эвакуировался, хотя такая возможность у него была. Он становится свидетелем занятия частями Красной армии Омска. Установившаяся в Омске советская власть на первых порах не преследовала учёного за его прежние заблуждения. Более того, его принимают на работу в Сельскохозяйственный институт. Оказанное доверие заставляет Петра Людовиковича в конце концов прийти к мысли, что большевики собирают веером распавшуюся на части страну. Он начинает служить и заниматься наукой на благо новой власти, которая, кстати, впоследствии дважды устраивала ему суровые проверки.

Довелось Петру Людовиковичу встречаться с Верховным Правителем России, адмиралом А. В. Колчаком, правда об этом факте Драверт старался в советское время не вспоминать и никому не рассказывать. По этой причине он не нашёл отражение в повествованиях его биографов. Не всплыл данный факт и в следственных материалах при двух арестах учёного. Суть дела такова – весной 1919 г. П. Л. Драверт встречался с А. В. Колчаком. Об этом газета «Русская армия» писала следующее: «В среду 30 апреля Верховным Правителем была принята делегация Общества изучения производительных сил Казанского края в составе сопредседателя Общества П. Драверта и секретаря В. Иванова. Делегация сделала Верховному Правителю доклад об организации и работе общества. [...] Верховный Правитель благодарил делегацию за приветствие и выразил сочувствие направлению работ общества, причём интересовался вопросами: имеет ли Общество связь с Институтом исследования Сибири и как скоро предполагает возобновить свою деятельность в Казанском крае. Кроме того, Верховный Правитель указал, что он прикажет оказать членам общества содействие к возвращению их на место постоянной работы, которую он считает крайне полезной». В ходе встречи А. В. Колчаку был передан машинописный текст послания, заверенный собственноручными подписями присутствующих лиц. В нём, в частности, говорилось: *«Его высокопревосходительству господину верховному правителю адмиралу Колчак. Находящиеся на территории Сибири и Урала члены Общества изучения Производительных сил Казанского края приветствуют Верховного правителя и собирателя земли русской – славного вождя нашей молодой победоносной армии. Вместе с тем, члены общества горячо желают принять участие в работе по укреплению мощи возрождающегося Государства в полной мере своих сил, знаний и опыта. Со взятием Казани Обществу открывается возможность продолжить свою деятельность, начатую на благо Родины.*

Сискренним пожеланием дальнейших успехов в продвижении нашей Армии к сердцу России – Москве Общество предоставляет свои силы Правительству, возглавляемому Адмиралом Колчак, на помощь ему в районе 6-ти губерний, составляющих область его культурно-научного ведения... Председатель: П. Драверт. Секретарь: В. Иванов» [1].

Ознакомившись с данным посланием, Александр Васильевич Колчак дал распоряжение чиновнику особых поручений Н. Самойлову «оказать членам общества содействие к возвращению в Казань для возобновления деятельности общества», на основании чего генерал-майор Мартыанов приказал составить на сей счёт «Повеление Верховного Правителя».

Живя и работая в Омске, Пётр Людовикович совершал многочисленные поездки по области, Казахстану, Сибири. Наиболее запоминающейся для него стала очередная поездка в древнюю столицу Западной Сибири – город Тобольск. Вот что пишет об этой командировке сам учёный в своём Отчёте, представленном в Омский государственный областной музей: «С 20-го июня по 11 июля с. г. [т. е. 1935 г.] включительно я находился в предоставленной мне командировке в г. Тобольск для занятий по моей специальности в тамошнем музее, архиве и библиотеках. В библиотеках я разыскивал необходимые мне издания и знакомился с той литературой по минералогии и метеоритам, которая отсутствует в книгохранилищах Омска. В библиотеке Тобольского музея удалось, между прочим, выявить чрезвычайно интересную рукопись XVIII века с описаниями и рисунками, относящимися к изучаемым мной географическим явлениям в атмосфере в пределах бывшей Тобольской губернии. В Архивном бюро, помимо общего ознакомления с хранящимися здесь богатыми материалами по истории Западной Сибири, я занимался выписками из дела о ссыльном колоднике Фёдоре Мелесе, который, как оказывается, был первым авиаконструктором в Сибири в половине XVIII-го века. Работу о нём я готовлю для печати. В музее Тобольского севера я ознакомился с имеющимися там собраниями минералов и горных пород, а также со сборами геолога, охватившего своими изысканиями Тобольский район в прошлом 1934 году. По просьбе администрации и научных сотрудников музея я определил находившиеся на выставке минералы и горные породы и дал ряд указаний, относящихся до составления большой экспозиции по геологической истории земли. На заседании Тобольского Общества Краеведения был поставлен мой доклад на тему «Падения метеоритов в Тобольске по рукописям XVII и XVIII столетий», обмен мнений по

которому дал мне некоторые новые материалы из области метеоритики края. Не могу умолчать о блестящем докладе бывшего проездом в Тобольске геолога [инициалы написано не совсем разборчиво «Г. П.», или «Р. С.»] Ильина – «О послетретичной истории Западной Сибири», – в совершенно новом свете представившем происхождение особенностей геоморфологии нынешней Омской области. Рукопись своего доклада я послал в редакцию журнала «Сибирские огни», с которой уже имел договорённость о напечатании данной статьи, а извлечения из неё направил в журнал, издаваемый Академией Наук «Природа». В Тобольске, сверх сказанного, я дал консультации геологам Васильеву (нефтегазведка на Югане) и Фокину, а так же некоторым другим научным работникам по интересовавшим их вопросам» [2].

Написание и адресация столь подробного отчёта становится понятным, если вспомнить, что Пётр Людовикович в это время являлся заведующим геологическим отделом Омского государственного областного музея. Первое знакомство с Тобольском у П. Л. Драверта состоялось ещё в 1919 г., а в сентябре 1920 г. он был избран действительным членом Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Близко знавший П. Л. Драверта и являвшийся по сути дела его душеприказчиком, известный учёный-краевед А. Ф. Палашенков отмечал, что в погоне за изучением края, в поисках метеоритов Пётр Людовикович исколесил дороги и тропы степных и лесных пространств. На плотках, лодках, пароходах, по рекам и озёрам он проплыл ни одну тысячу километров. Нередко его, целиком погружённого в поиски и исследования, коллеги, друзья, знакомые встречали под морозящим дождём, при пронизывающем холодном ветре или под палящими лучами солнца на берегах Оми, в Чернолучье, в Лежанке, в Седельниково, в Екатериненском, в Таре, в Хмельёвке и других населённых пунктах Омской области. Последняя же его поездка с целью поиска метеорита была предпринята на Вагай в 1944 г. Везде, за редким исключением, его радостный вид и оптимизм внушали его собеседникам веру в достижение поставленной им цели [3].

Нелады с «органами» у Петра Людовиковича начались ещё в 1921 г. Тогда он был арестован ЧК по подозрению в контрреволюционной деятельности и просидел в подвале около месяца. Поводы для ареста давал и сам Драверт. То он высказывался в защиту крестьян против продразвёрстки, то в 1921 г. под впечатлением расстрела петроградских конституционалистов во главе с профессором Лазаревским вместо очередной лекции по минералогии произнёс перед студентами речь против

смертной казни, в которой заявил: «Мы, учёные, всегда и при всех обстоятельствах протестовали и будем протестовать против смертной казни». После опубликованного декрета «О концессиях», приступая к чтению курса по геологии, он, вдруг взяв за основу выступление какого-то беспартийного крестьянина, о котором сообщалось в газетах, выступил на тему: «Не позволим распродавать Россию», то он расклеивал прокламации, в которых выступал против правления Сibaки, в которых было написано буквально следующее: «Мало того, что интеллигентную молодежь держат голодом, но и прямо-таки покушаются на ее жизнь, ибо выдаваемые ½ фунта хлеба избилуют «остиями». Долой Правление, преступно небрежно относящееся к жизни и здоровью ученых, также обреченных на смерть и истощение!». В кругу студентов и преподавателей Пётр Людовикович неоднократно подчёркивал бедственное положение русских учёных, нарочито щеголяя в рваных сапогах, заявляя порой при этом, что в Советской России научную работу вести нельзя, поскольку кроме голода здесь ничего нет. С негодованием отвергнув на допросах все ложные обвинения и опровергнув ложные подозрения, П. Л. Драверт был освобождён [3].

Но в «непогодные тридцатые» арест последовал вновь. Ему предшествовало в 1930 г. увольнение из ОмСХИ, поводом для которого послужило игнорирование Дравертом партсобраний и демонстраций. 19 марта 1931 г. учёный был задержан сотрудником омского оперсектора Кестером у себя на квартире, по ул. Надеждинской, 63 и помещён в исправительно-трудовой дом (ИТД). Вина профессора конкретизировалась следующим образом: «поддерживая совместно тесную связь с к[онтр].-р[еволюционным] элементом из среды научных работников и вообще интеллигенции, с 1929 по 1930 год вел организованно к[онтр].-р[еволюционную] агитацию, направленную к срыву мероприятия соввласти». Но и на этот раз обошлось – выпустили!

Каждый человек воспринимает того или иного знакомого в силу заложенного в нём воспитания и своего интеллектуального уровня. Для историка-биографа свидетельства – бесценный материал, поэтому считаю своим долгом привести несколько характеристик П. Л. Драверта, данных ему его друзьями и знакомыми:

И. Н. Шухов (1894-1956), учёный, орнитолог, профессор: «Поэт и блестящий оратор, имеющий в силу этого успех у женщин, с поговоркой у сibaковцев при виде женщины: «седьмая жена проф. Драверта». Самодур, раздражительный и нервный, сегодня произносящий речь (1926 год, съезд научный Всесибирский в Новосибирске, декабрь, му-

зейная секция): «Мужичок, повесивший портрет Ильича рядом с Мирликийским чудотворцем, – двуликий Янус; этот мужичок расстреливал из пулемета микроскоп, украденный в барской усадьбе», и при встрече на омском вокзале раненых ДВР, плачущий, целующий красноармейца ДВР и заверяющий его в победе науки на фронте социализма (сообщение студента Леонова, быв. чекиста Енисейской Чeka в сентябре 1931 г. при переезде совместном в г. Красноярск), или произносящий речь в театре на 10-летию соввласти и соперничая в построении речи с проф. Иозефером, или бросающий коллекцию в воду с парохода с возгласом «пусть пропадает советская наука [...]».

Популярный как поэт, «блистательно сочетавший в себе ученого и поэта», по выражению литератора Мартынова, находил себе место на всех собраниях... и был избираем, и даже был почетным членом Географического О-ва, и еще слава «гонимого в Якутскую ссылку» делала ореол Драверту среди неискушенного классово-борьбой разночинного студенчества периода 1920-1928 годов. Драверта всегда слушала большая аудитория, и какой-нибудь сухой доклад о «каменном граде» делался живым при словах: «Товарищи, я тогда был молод, как и вы, и, естественно, увлекался и целовал эту гражданку, как вы целуете уста любимой женщины, и далее после теоретических сухих рассуждений говорил: «И вот легенда говорит, что священный камень Кааба в Мекке почернел от прикосновения к нему греховных уст женщины».

Г. Д. Гимер (?-?), работник различных научных учреждений Омска, в 1928-1929 гг. инструктор горкома по вузам: «Я познакомился с Петром Людовиковичем в Сибаче в 1921 году. Первое впечатление – увлекающийся, невыдержанный человек, индивидуалист до последней степени. Обычно открыто протестует против всего, что противоречит его «я». Он самолюбив и считает себя великим ученым и поэтом. На деле болтун. Выгодно отличался от своих коллег бескорыстностью и искренностью [...] Он способен сделать какую-либо величайшую глупость во имя «чести», «свободы» (не в нашем понимании этого слова) и «науки» (тоже в идеалистическом понимании). Все хорошо, что эффективно и может быть оправдано с точки зрения морали и эстетики. У него много «трудов». Чего они стоят, надо спросить специалистов, но мне думается, что, будучи эклектиком и философски неграмотным человеком, ничего ценного они не могут дать... Ему льстит, что его знают: тов. Луначарский как поэта (приехав в 1922 г. в Омск, тов. Луначарский наговорил ему кучу любезностей) и академик Ферсман как ученого. Крайне тщеславен и поэтому доступен влияниям, хотя материально,

по-видимому, не подкупен. «Высоко ценил» (это его язык) и «глубоко уважал» Иозефера, Дудецкого (последние годы [имеется ввиду первая половина 1930-х гг.], они были в постоянном общении вне служебных и общественных дел). [...] С ним у меня связывается очень много смешного и забавного».

М. Е. Бударин (1920-2003), доктор исторических наук, профессор: «Я познакомился с П. Л. Дравертом в 1943 г. на литературном четверге в редакции «Омской правды». Наряду с ним, читал свои произведения Л. Н. Мартынов. Отвечая на вопросы, Драверт держал просто, а Мартынов – высокомерно. Невольно вспомнилось его поведение на вечеринке у В. В. Берникова, когда он, изрядно перебрал спиртного, стал приставать к хозяину, и дело чуть не дошло до драки. Помнится, что в Великую Отечественную войну немцев не жаловали. И когда Драверту начинали намекать на его происхождение, он отвечал: «Я не немец, я Людовикович». В жизни П. Л. Драверт был замкнутый и суровый. Он умер в конце того победного 1945 г. Хоронили его несколько десятков мужчин в подшитых валенках. В похоронной процессии участвовал тогда мало кому известный С. П. Залыгин (кажется, он был женат на дочери профессора Башкирова) [5]».

А. В. Борисов (1924-1999), географ и воспитанник П. Л. Драверта: «О Петре Людовиковиче Драверте разговор особый. Именно благодаря знакомству с ним, переросшее позднее в дружбу, я не только стал серьёзно и основательно интересоваться вопросами метеоритики, но и познакомился с такими выдающимися учёными, как академик В. И. Вернадский и писатель И. А. Ефремов, которые сыграли большую роль в формировании моего научного мировоззрения. Как известно, В. И. Вернадский с 1941 по 1943 гг. вместе с другими академиками, находясь в эвакуации, проживал в Боровом, после чего он вернулся в Москву и закончил свой земной путь в январе 1945 г. Прибывших учёных разместили на 43 красивых дачах, построенных в дореволюционное время омскими аристократами. Владимир Иванович занимал дачу под № 37, а на даче под № 36 разместили библиотеку, в которой хранилось несколько десятков тысяч книг. Вместе с В. И. Вернадским жили его жена Наталья Егоровна, её сестра и личный секретарь Анна Шаховская. Находясь в Боровом, Владимир Иванович продолжал писать огромный научный труд, начатый ещё в 1937 г. под названием: «Химическое строение биосферы Земли и её окружение», который считал главной работой своей жизни. Мы с Петром Людовиковичем Дравертом несколько раз приезжали навестить его. Несмотря на разительную раз-

ницу в возрасте, В. И. Вернадскому я был видимо симпатичен, и он по-отечески относился ко мне. В момент нашего пребывания мы часто все троём ходили на прогулки к озеру. В одну из таких прогулок мы сидели с Владимиром Ивановичем на гранитной сопке и мирно беседовали. Вдруг вдаль появилась фигура человека, которая мерно вышагивала в нашу сторону. Вернадский поднёс бинокль к глазам и произнёс: «Да это Драверт со своих геологических поисков возвращается!». А затем полусшёпотом, подмигнув мне шутливо, произнёс: «А ты знаешь, Толя, Петя-то (т. е. П. Л. Драверт) наш дурачок! В молодости по Казанскому университету с красным флажком бегал!». Я тогда это воспринял как шутку, каковой она естественно и была. Только сейчас для меня открывается весь глубинный смысл, заложенный в ней выдающимся академиком. Позднее, уже после смерти Владимира Ивановича, его доброе ко мне отношение не раз приходило ко мне на помощь. Так, например, когда я поехал в Москву выбивать машину ГАЗ для нужд Омского отдела Географического общества, для преодоления различных бюрократических припонов, мне пришлось обратиться за помощью к близким В. И. Вернадскому людям, а именно: к сестре жены покойного академика (фамилию её, к великому сожалению, я запомнил), к личному секретарю А. Шаховской и известному тогда уже писателю И. А. Ефремову. В итоге вожеленная в отделе машина была получена. Именно на этом грузовике А. Ф. Палашенков, С. Р. Лаптев, Н. А. Плотников, а порою и я исколесили всю Омскую область.

О П. Л. Драверте также можно говорить много и долго. Скажу только, что он, так же как и многие учёные мужи, к быту был совершенно не приспособлен. Как то, не задолго до его смерти я зашёл к нему домой на Банную, 24. Дверь мне открыл сам Пётр Людовикович, одетый в фуфайку да ещё в поверх накинутом на неё одеяле. «Проходи, Толя!», – произнёс он сквозь надрывный кашель. «Кхе-хее-кхе! Проклятые рудники выходят!» – произнёс шутливо он. Холодина в квартире стояла страшная (дело было зимой!). Оказалось, что дровяной запас у профессора иссяк, и он вынужден был сидеть в нетопленном доме. Быстро сориентировавшись, я вышел во двор, сломал попавшийся под руку какой-то ветхий забор и затопил печь. Немного отогревшись, острый на язык Драверт принялся меня «распекать», сильно сокрушаясь о поломанной изгороди. Но, через какое-то время раздражённость его исчезла, и он уже примирительно произнёс: «Надо же, какой ты, Толя, молодец! Как я до этого сам не додумался!». После чего он попросил меня сходить к его соседу профессору Зарницыну и взять в долг немно-

го собачьего жира. Сам Зарницын страдал туберкулёзом, ну а поскольку в годы войны достать не то что медвежий, а даже барсучий жир было чрезвычайно трудно, он за умеренную плату подряжал своих студентов отлавливать ему на убой бездомных собак, из которых он и вытапливал себе лекарство. Надо сказать, что прямокой Драверт отличался ну просто необыкновенной. Как-то раз зашёл я в столовую, где на пайковый обед были поставлены работники театра и некоторые учёные. За одним из столов увидел П. Л. Драверта. Взял предназначенную мне порцию и подсел к нему. Сидим, едим, беседуем. Вдруг, к нам подошёл какой-то мужчина и, протянув руку моему соседу по столику, елейным голоском произнёс: «Здравствуйте, Пётр Людовикович!». Драверт руки не подал и отрезал: «А я», – говорит, – «с двухличными жабами не здороваюсь!». На мой вопрос: «Ну зачем же Вы так, Пётр Людовикович, человека обидели!?». Драверт, сверкнув глазами, отрезал: «Это не человек, а сука! Он, падла, один на один со мной сюсюкает, а вчера, на литературном четверге на меня совершенно необоснованно, во всеуслышанье целое ведро помоев вылил, назвав всё это справедливой критикой!». Вот таким был Пётр Людовикович Драверт. Кстати, иногда и я по приглашению Драверта присутствовал на этих заседаниях. Проходили они очень оживлённо, а обсуждаемые на них темы были самыми разнообразными. В моём личном архиве сохранилось одно из таких писем-приглашений, начертанных рукой профессора Драверта. В этом письме, в частности, говорилось: «30 декабря 1943. Дорогой Толя! Что же Вы не бываете на четвергах наших писателей? Состоялось много интересных выступлений авторов произведений, предназначенных для Альманаха. А сегодня товарищи устраивают вечер, посвящённый разбору моих стихов по случаю 40-летия моей поэтической деятельности. Вероятно, будет острая критика. Приходите, если будете свободны от работы. Место собрания там же, где и прежде – в редакции «Омская правда» (второй этаж), начало в 8 час. вечера. Ваш П. Драверт».

Несмотря на трудности военного времени, литературная жизнь в нашем городе просто кипела. Упомянутые в письме «четверги» проходили в военном Омске каждую неделю. Эти собрания вызывали среди интеллигенции большой интерес. Вход на собрания был открыт для всех желающих, поэтому частыми гостями на таких «повечерьях» были представители городской интеллигенции: преподаватели институтов, студенты, врачи, учителя» [6].

П. Л. Драверта не стало 12 декабря 1945 г. О его столь необычных и торжественных похоронах писали А. Э. Лейфер [7] и Л. Л. Ан-

дреева [8], а вот о деталях переноса праха в историко-краеведческой литературе не сообщалось. В связи с этим приводим фрагмент дневниковой записи инициатора переноса захоронения А. Ф. Палашенкова. Он пишет: «20 июля 1961 г. состоялось перенесение гроба с прахом П. Л. Драверта с Казачьего кладбища на Восточное. Перенесение было вызвано полным разорением и загрязнением Казачьего кладбища, которое по благоустройству в старое время являлось образцовым. С могилы Петра Людвиговича была сдвинута тяжёлая мраморная плита, могильный холм истоптан, потерял форму могилы. Оставлять могилу на этом кладбище нельзя. О переносе много говорили, но никто не желал взяться за исполнение. По приезде из Смоленска в Омск я решил не оттягивать перенесение...

20-го июля в 5 часов утра механик кладбищенского правления Щукин Анатолий Александрович вместе с двумя другими работниками кладбищенского правления приступил к вскрытию могилы П. Л. Драверт. До 7 часов работа шла под дождём и временами довольно сильным. Гроб оказался в довольно хорошем состоянии... При поднятии гроба с могилы пострадала крышка. При вскрытии её оказалось, что лицо почернело, но сохранились черты умершего... Мной было положено на гроб несколько зелёных веток. В 8 часов пришёл на кладбище Михаил Пётрович Михельсон, и в это же самое время пришла машина Географического Общества. Я попросил Михаила Петровича съездить за цветами. Он поехал на машине в свой сад и вскоре привёз цветов и зелени. Ящик с гробом поставили в кладбищенскую могилу. Крышку ящика с гробом оставил незакрытой. Никто из приглашенных к 9 часам не явился. Ждать больше не мог и в 9 часов 10 минут отправился на Восточное: Михаил Петрович – на кладбищенской машине, я – на машине географического общества. Согласно моего указания, могила была вырыта рядом с могилой профессора Вейсброда... Ящик был закрыт, сверху покрыт красным материалом и опущен в могилу. Когда уже могила наполовину была засыпана землёй, на кладбище приехали Венедикт Константинович Иванов, Вадим Венидиктович Берников и Борисов Анатолий Васильевич. Новый высокий могильный холм вырос в 10 часов утра 20 июля на Восточном кладбище. На верх могилы были положены цветы. С 8 часов утра стояла хорошая солнечная погода. Произвёл расчёт с рабочими, поехали в город, в библиотеку музея. На могиле П. Л. Драверт на Казачьем кладбище мной была положена мраморная плита. Я воздержался перевозить её на новую могилу Петра Людвиговича Драверта: она неуклюжа и с чужой могилы. Хотелось бы

увековечить место погребения более достойным памятником, хотя бы гранитной глыбой с лаконичной надписью...» [9].

Андрей Фёдорович Палашенков воплотил в жизнь своё намерение – привёз из Казахстана гранитную глыбу для памятника П. Л. Драверту, но установить её на могиле учёного и поэта не успел. По стечению обстоятельств, глыба долгое время стояла рядом с могилой самого Палашенкова, омские этузиасты-краеведы не установили её на могиле А. Ф. Палашенкова.

В заключении хотелось бы отметить, что для любого историка-биографа историческая личность представляет загадку, а, следовательно, к ней через поколения и поколения будут возвращаться исследователи. Убеждён, что П. Л. Драверт будет в их числе.

Сноски:

1. Данный документ цитируется по книге: Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.: сб. документов/ сост. и науч. ред. В. В. Журавлёв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. (Эпоха войн и революций; вып.1). С. 312-315. Сам подлинник документа хранится: ГАРФ. Ф Р-176. Оп.4. Д. 126. ЛЛ. 343-344

2. ГИАОО.Ф. Р-1074. Оп.1.Д.83. Л.Л. 44,17

3. ГИАОО.Ф. Р- 2200. Оп.2.Д. 612. Л. 2

4. Мартынов Л. Н. Дар будущему: стихи и воспоминания./ Сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова. М., 2008. С. 506

5. Личный архив автора. Блокнот с записями за 1988 г

6. Личный архив автора. Блокнот с записями за 1995-1998 гг

7. Лейфер А. Э. Сибири не изменю!.. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1979. С.108-109

8. Андреева Л. Л. Пётр Драверт. Учёный и поэт. М., "Голос-Пресс", 2014. С. 236-237

9. ГИАОО Ф. Р- 2200. Оп.3.Д.30. Л.Л. 42-44.

**Биобиблиографический указатель
«Пётр Людовикович Драверт (1879-1945)»
(Омск, 2014)**

В 2014 г. исполнилось 135 лет со дня рождения известного российского учёного, минералога, поэта и краеведа П. Л. Драверта. В связи с этим Омской государственной областной научной библиотекой имени А. С. Пушкина было принято решение провести в юбилейном году первые Дравертговские чтения, подготовить и издать персональный библиографический указатель, посвящённый жизни и деятельности П. Л. Драверта.

Библиографы «Пушкинки» неоднократно обращались к наследию П. Л. Драверта. Первым библиографическим изданием, посвящённым Пётру Людовиковичу, стала памятка «Поэт земли и звёзд», подготовленная С. Л. Басаргиной в 1969 г., вторым – указатель «Пётр Людовикович Драверт, 1879-1979», составленный С. Ф. Самойленко в 1979 г. Литературное творчество П. Л. Драверта нашло отражение в фундаментальном библиографическом указателе Л. А. Пукшанской «Писатели земли Омской» (Омск, 1984).

Настоящий биобиблиографический указатель содержит материалы предшествующих изданий, существенно уточнённые и дополненные, а также те публикации, которые появились после их выхода в свет.

В указателе «Пётр Людовикович Драверт (1879-1945)» учтены отдельные издания, публикации из сборников, периодических и продолжающихся изданий независимо от места их публикации и языка. Всего учтено 967 работ, опубликованных с 1903 по 2014 гг. Электронные ресурсы не включались.

Записи в указателе расположены в хронологии публикаций, что позволяет, в известной степени, проследить творческий путь учёного и поэта, историю изучения его творчества, увековечения его имени. В пределах каждого года на первом месте в алфавитном порядке представлены книги и статьи из сборников, затем – публикации из периодических изданий.

Открывается издание вступительной статьёй А. В. Ремизова «Учёный, путешественник, поэт», далее следует информация от составителя и собственно сам биобиблиографический указатель.

Материал в указателе представлен в трёх разделах.

В первом разделе «Публикации П. Л. Драверта» учтены с возможной полнотой научные труды и литературные произведения П. Л. Драверта, вышедшие как отдельными изданиями, так и напечатанные в сборниках, журналах и газетах. Всего в разделе зафиксировано 418 публикаций.

Второй раздел «Литература о жизни и деятельности П. Л. Драверта» – самый объёмный, включает 541 публикацию (заметим, что в издании 1979 г. было только 132 публикации).

Завершает издание раздел «Библиографические пособия», в котором представлены указатели, полностью или частично посвящённые П. Л. Драверту.

Путеводителем по изданию является именной указатель, включающий авторов, редакторов, рецензентов, публикаторов и других лиц, сведения о которых встречаются в библиографических описаниях.

При подготовке настоящего биобиблиографического указателя была проведена существенная работа по разысканию и выявлению сочинений, статей П. Л. Драверта, материалов о его жизни и творчестве. Были обследованы каталоги и фонды «Пушкинки»; каталоги федеральных и региональных библиотек, представленные в электронном виде; библиографические источники. Большую помощь в подготовке издания оказывали коллеги – сотрудники Пермской и Красноярской краевых библиотек, Кировской и Новосибирской областных библиотек, Национальной библиотеки Республики Татарстан, Научной библиотеки Казанского федерального университета, Сунтарской районной библиотеки Республики Саха (Якутия).

Изучение научного и творческого наследия П. Л. Драверта продолжается. Надеемся, что наш указатель может стать отправной точкой для новых исследований.

**Научное и литературное наследие
П. Л. Драверта**

Научная поэзия Петра Драверта

Вера Инбер писала: «Когда-то поэзия сливалась с наукой. Помимо эстетического наслаждения античные поэты стремились доставить читателю какое-то количество сведений (Буколики и Георгики). Мне думается, что этот пример древних достоин подражания».

Термин «научная поэзия» возник в конце XIX века во Франции. Его выдвинул французский поэт и критик Рене Гиль (1862-1925) в предисловии к сборнику стихов «Легенда душ и крови» 1885, а затем развил в книге «Научная поэзия».

Гиль и его последователи отвергали утвердившееся мнение, что корни искусства в иррациональном, эмоциональном, что мысль и разум способны лишь умертвить поэзию. Научная поэзия, течение, возникшее во Франции, перекочевало в Россию, где имело таких видных адептов, как Валерий Брюсов (особенно в последний период его творчества). В основе «Научной поэзии» лежала мысль о том, что поэты в своём видении мира безмерно отстали от науки, что дико поэту плестись в хвосте современного человечества, мировоззрение которого основано на положительных научных данных; что пора перестать поэтам шаманить, опираясь в своих сближениях и метафорах на первобытное мышление; что поэзия должна перестраиваться в своих идейных основах для того, чтобы осуществить своё вечное назначение – быть руководителем ума и чувства современников.

В статье «Литературная жизнь Франции» В. Брюсов, разделяя взгляды Рене Гиля и Эмиля Верхарна, обрисовывает следующее положение в поэзии. Поэт влюбляется – пишет стансы о силе страсти. Поэту грустно – слагается скорбная элегия. Поэт приехал в Альпы – готов сюжет о горных вершинах.

Такое творчество, лишённое всякой определённой задачи, когда поэт работает безо всякого плана и метода, обречено на бесконечные повторы давно известных литературных образцов. Поэзия отдалилась от современной жизни и стала условной, знакомой схемой. Брюсов приходит к выводу: «Мы находим между наукой и искусством различие только в тех методах, какими они пользуются. Метод науки (говоря в общих терминах) – анализ, метод искусства – синтез. Наука даёт те элементы, из которых творит художник, и искусство начинается там, где

наука останавливается». Такая постановка вопроса требовала от поэта обширных знаний из различных областей науки.

«Действительную славу он заслужил как зачинатель сибирской «научной поэзии», – пишет о Драверте Н. В. Орловский, известный сибирский учёный-мелиоратор, доктор сельскохозяйственных наук. – Как назвать иначе опозтезизированный труд исследователя-геолога, минералога, кристаллографа, охотника за метеоритами, географа-бродяги, полюбившего своеобразную красоту природы бескрайней Сибири.

До нас, студентов, эти стихи доходили в случайных списках, и мы их ценили. Мне не пришлось слушать его лекции по геологическому введению в почвоведение, но запомнились его горячие реплики и выступления на учёных советах... Драверт вспыхивал, как порох, когда расходился с кем-либо по принципиальным вопросам. Вскакивал из-за стола, он был малого роста, тёмная борода направлялась на противника, в глазах загорался дикий огонёк и... звучала вдохновенная страстная речь в художественно отточенной форме, приводящая в восхищение даже противников».

При жизни вышло пять поэтических сборников П. Драверта: «Тени и отзвуки» Казань, 1904, «Ряды мгновений» Якутск, 1908, «Под небом якутского края» Томск, 1911, «Стихотворения» Казань, 1913, «Сибирь» Новониколаевск, 1923.

П. Драверт не стремился дать читателю сведения. Стихи его, как правило, не иллюстрируют, а открывают, постигают. Драверт гносеологичен. Изобретательность и настойчивость граничат с самопожертвованием. Его лирический герой не энциклопедически образованный книжник, а учёный-естествоиспытатель, энтузиаст науки. Сибирский поэт своим опытом подтвердил мысль Гёте (1749-1832) – одного из предшественников научной поэзии, давно заметившего, что художник, изображающий розу, станет ещё значительнее и ярче, если, помимо своего таланта, будет ещё и образованным ботаником.

У нас основоположником этого направления является М. Ломоносов, а продолжателями Е. Баратынский, Ф. Тютчев, В. Брюсов и лично знакомый с Рене Гилем Максимилиан Волошин.

Поиски в этой области поэзии вёл и Н. Морозов – легендарный человек, четверть века проведший узником Шлиссельбургской крепости и оставивший после себя 25 рукописных томов. Его именем назван один из кратеров Луны.

П. Л. Драверт являет собою редкостный тип человека – учёного и поэта, познавшего «счастье огневых прикосновений открывающейся

тайны». Русская литература знает примеры такого взаимопроникновения и взаимообогащения науки и поэзии в лице Ломоносова и Брюсова. Но если Брюсов шёл от поэзии в науку и отстаивал право поэта «стоять на уровне современного научного знания», то Драверт, как и Ломоносов, шёл от науки в поэзию, считая возможным и необходимым выражать открытия, мысли, чувства учёного языком поэзии. В этом отношении у Ломоносова и Драверта были и более далёкие предшественники, – вспомним «Труды и дни» Гесиода и «О природе вещей» Лукреция.

Оригинальность поэтического облика Драверта определяется неповторимым своеобразием того мира вещей и явлений, который он принёс в поэзию как учёный, и неповторимостью его внутреннего духовного мира, сделавшего труд естествоиспытателя важной темой своего художественного творчества.

Философская лирика Драверта, даже в тех случаях, когда она отвлекается от непосредственного научного опыта, чужда дидактического популяризаторства, повторения уже известных истин.

Янтарная луна, изумрудная трава, жемчужная равнина, кристалльная броня. Камни у него не украшения, не предметы роскоши, а объекты его исследовательской мысли. Стихотворение «Опал» (Сунтар на Вилуе) начинается созерцательной картиной, но внешняя красота камня является лишь толчком для философской мысли поэта, ведущей к раздумьям «о сложных тысячелетних процессах в природе».

*Как дивно играет опал драгоценный! –
В нём солнечный блеск и отливы луны;
В нём чудится жизни поток переменный
И тихая прелесть ночной тишины...
Рождаясь под тяжестью горной породы,
Не видел он света лучистого дня.
Над ним проходили несчётные годы,
И рос он, не зная тепла и огня.
Порой содрогались недра земные...
Вздымались горы в усилиях труда...
Сползали по скатам пласты ледяные...
Безумно врывалась в пещеры вода...
Земля в одеяньях своих многоцветных
От солнца брала красоту и любовь
И в беге веков, словно миг незаметных,
Мечтала, дремала и грезила вновь...
А он, заключённый в объятых кремнистых,*

*Впитал отдалённой природы цвета –
Лазурность морей в берегах золотистых
И пурпур заката, и зелень листа.
Какая-то странная, чудная сила,
От пышного, яркого мира струясь,
Незримо к нему в глубину нисходила
И с жизнью давала волибную связь...
Но вот, человеком из гор извлечённый,
Увидел он долго незнаемый свет,
И, с ним от рожденья во тьме обручённый,
Он радужный бросил навстречу привет...
Под ласкою солнца, в мерцаньи лампы
Играет и блещет он, чуждый тревог,
И скрытую влажность подземной прохлады
В себе сохраняет, как жизни залог.*

Оставшиеся после П. Драверга материалы не позволяют говорить о сознательном следовании теории Рене Гиля или Брюсова. Он шёл интуитивно, опираясь на свой опыт. Поэтическая фантазия не могла родить эти строки, они добыты самоотверженным трудом, оплачены дорогой ценой научного подвига. Две недели учёный пробыл в темноте наедине с камнями, чтобы написать:

*Чтоб созерцать кристаллов излученье,
Незримое обычно для людей,
Изведай ты во мраке заточенье
Не менее четырнадцати дней.
И этот срок – тяжёлое мученье:
Глаза хотят привычных им огней,
А темнота всё глубже и сильнее
Родит в душе глухое отвращенье...
В конечный час, услышав звонкий бой,
Открой ларец с кристаллами свинцовый,
Увидишь ты от них нежданно-новый
Струистый свет и отблеск голубой:
И у камней так чётки будут грани,
Прозрачные, как газовые ткани.*

(«Опыт» Омск 1921)

Темперамент поэта – всегда возбуждённого, воспламеняющегося в споре, задиристого до седых волос, по-юношески вспылчивого

сочетается со способностью учёного к сосредоточению на эксперименте, иногда требующего невероятной усидчивости и выдержки.

Вот что пишет исследователь творчества Драверта Б. Бухштаб: «Не знаем, помогла ли Драверту, как учёному, поэтическая интуиция, но наука, бесспорно, оплодотворила его поэтическое творчество».

Нельзя разграничить, где один и тот же человек подходит к миру, как поэт, а где – как учёный. Восприятие едино, поэтическое видение мира в поэзии Драверта очень обогащено апперцепцией учёного (от латинского *percipio* – восприятие – ясное и осознанное восприятие какого-либо впечатления, ощущения). Там, где другой поэт видит разброшенные кости, Драверт видит кости носорога или мамонта, остов оленя или разрозненный скелет.

Старинной церкви строгий силуэт

Чернеется на зареве заката.

Холодная река тревогою объята,

По зыби вод её скользит багровый свет...

На берегу лежит разрозненный скелет

Бизона, здесь бродившего когда-то,

В упадке древних ледниковых лет...

«Около Вилюйска» 1908

В мрачной северной картинке, от которой к тому же веет глубокой стариной, взгляд поэта подмечает то, что не заметил бы взгляд другого – приметы ледниковой эпохи. Знание открывает его взору в обыкновенном сельском пейзаже то, что связывает его с другими временами.

Другой поэт присядет на камень, Драверт – «на порфиновый отломок».

Ссылка в Якутию навсегда вырвала Драверта из того привилегированного круга, в котором он находился с детства. Под небом Якутского края он как бы родился заново, обрёл себя на диких берегах Лены, Вилюя, Олёкмы, во встречах и в общении с себе подобными жертвами царизма, с местными жителями – якутами, эвенками, долганями.

Даже просторы Якутии, громадные расстояния, космическая грандиозность явлений северной природы – бурь, гроз, ледоходов, поллярных сияний, необыкновенная могучесть рек и бескрайность тайги, величавость горных хребтов, глубинное геологическое изучение ряда районов, которыми занимался Драверт, – всё это не могло не сказаться на возникновении у молодого ссыльного уже иного отношения к науке, понимания глубоких взаимосвязей между различными процессами,

протекающими в природе, в конечном итоге, всё это, возможно, и привело его к признанию идеи единства космоса и земли.

Он полюбил Сибирь, увидел её не как «необъятный край необъятного горя», место ссылки и каторги, но край величавой и своеобразной красоты. В стихотворении «Лето», написанном в Улахан-Мунку Олекминского округа автор заявляет: «Во мне пробуждается чувство поэта. Сравним у Пушкина: «И пробуждается поэзия во мне». Драверт понимает открытую мудрость природы:

*На порфирином отломке я сижу, забыв о цели
Незаконченных скитаний долгожданного пути,
И неслышно, но понятно мне рассказывали ели
То, чего в людских сказаньях и преданьях не найти.
Я внимаю этой саге под охраною лесною,
Вижу пламенное око мной незримого лица
И сливаюсь неразрывно с многосложною душою
Густолиственного бора – векового мудреца.*

(«В алтайской согре»)

«Я к ледяной земле прикованный поэт», – пишет стихотворец.

Пётр Драверт одним из первых стал писать о Сибири не как о стране мрака и изгнания, а как о крае необычайной красоты и величия. Глубокому проникновению Драверта в тайны природы способствовало то обстоятельство, что он был крупным учёным-натуралистом. Дар учёного и талант поэта гармонично сочетались в богатой натуре, и этот симбиоз был весьма плодотворен.

К научной поэзии можно отнести стихи «Пловучий остров», «Опал», «Красные кристаллы», «Болид», «Светящиеся птицы», «Сибирий», «Альпийская слюда», «Космический лёд», «Землетрясение».

В 1908 году во время научной экспедиции на пароходе «Север» к устью Лены Драверт наблюдал плавучий остров. Такие острова, как свидетельствуют научные данные, встречаются по Лене и крупным её притокам Алдану и Вилюю. Старинное описание подобного острова, встреченного на Алдане, содержится в «Путешествии флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 год» (СПб., 1802). Поэт рассказывает о деревьях, травах, птицах, животных и насекомых на странном острове; бежит, наблюдая его, а на пути овраг, и нет возможности далее сопровождать это чудо, тогда он мысленно прослеживает судьбу острова после того, как тот скрылся из глаз. Врежется ли он в отмель, пустит корни

и станет новым неподвижным островом на Лене, погубит ли его буря у грани полярного круга со всем его населением? Или он доплывёт до океана и там будет сдавлен и разрушен айсбергами?

*За устьем широким Вилюя,
Где важная, гордая Лена
Прохладные, светлые воды
Несёт к Океану седому,
Где гор Верхоянских отроги
На лоно её загляделись
И медленно к небу возносят
Залитые солнцем короны,
Я видел однажды подвижный,
Плавучий таинственный остров...*

Драверт умеет поэтически передать восхищение, охватившее учёного перед редкими явлениями природы – плавучим островом, ложными солнцами, светящимися птицами или световой реакцией альпийской слюды на укол.

Стихотворение «В день холода» написано в с. Марха под Якутском в 1909 году. В морозные дни обычно появление ложных солнц, чаще всего двух, расположенных диаметрально на окружности светлого пояса, в центре которого находится истинное солнце. «Три солнца объемлет на небе одно световое кольцо».

Сонет «Светящиеся птицы» (фосфоресцирующие птицы неоднократно наблюдались в Пиренейских горах и в Англии) написан на Оби близ Барнаула в 1911 году.

Светящиеся птицы

*Приподними свои пугливые ресницы
И к югу обрати замороженный взгляд:
Под облаками там мелькают и горят
В полнотной темноте тревожные зарницы.
То – к северу стремясь, как молнии, летят
Из тёплых стран светящиеся птицы.
Уже над головой у нас их вереницы
Несутся радостно, сверкают и шумят...
Вам, окрылённые, свободные созданья,
Из глубины души свой братский шлю привет
Я – к ледяной земле прикованный поэт,
Принявший горести бездомного скитанья...
Но в холоде ночей, подобно вам светясь,*

Парит мой вольный дух, над миром возносясь!

Пластинки слюды Сен-Готтарда реагируют на уколы световыми явлениями электрического характера:

Когда иглой стальнойю

Её уколешь ты,

Она звездой nocturnoю

Блеснёт средь темноты.

(«Альпийская слюда» Омск, 1921).

Названия, начинающие с предлога «в» («В туште», «В полыннй степи», «В Алтайской согре», «В пади Чучур-Мурана», «В тумане», «В горах Хораулака», «В сгоревшем лесу»), упоминаются довольно часто.

В заключении хочется привести отрывок из написанного в 1941 году стихотворения Петра Драверта «Где камень мой»

К науке – матери любимой

На стражу вновь я должен стать,

И самоцвет неповторимый

Мне суждено найти опять.

Личная коллекция профессора П. Л. Драверта в собраниях ОГИК музея

Выдающийся учёный-минералог, исследователь Урала, Сибири, Казахстана, метеоритовед, литератор и публицист, профессор Сибирской сельскохозяйственной академии Пётр Людовикович Драверт (1897-1945) сыграл важнейшую роль в формировании собрания ОГИК музея. Архив П. Л. Драверта поступил сюда после его смерти, в 1946 г.

История появления архива в Омском государственном историко-краеведческом музее во многом символична. Значительная часть трудовой биографии Петра Людовиковича была неразрывно связана с музеем. Он долгие годы работал здесь, активно участвовал в формировании музейных коллекций. В музейной документации нет каких-либо сведений об обстоятельствах поступления его личного архива. В некоторых литературных источниках сообщается, что в последние годы жизни профессора, когда он был уже тяжело болен, незадолго до его смерти, тогдашний директор музея Андрей Фёдорович Палашенков предложил ему передать свой личный архив в фонды музея. Драверт принял это предложение и якобы начал составление соответствующего завещания, но не успел его закончить.

Поступлением в 1946 г. в Омский областной краеведческий музей собрания профессора П. Л. Драверта было положено начало формированию фонда коллекций личного происхождения, который на сегодняшний день насчитывает более 300 собраний различных деятелей, учреждений и организаций, сыгравших значительную роль в истории Омского Прииртышья.

Сейчас архив профессора П. Л. Драверта является гордостью музея, его бесценным достоянием. Он насчитывает более 12 тысяч единиц хранения и по объёму является наиболее крупным в фонде коллекций личного происхождения. Общие хронологические рамки коллекции: 1817-1945 гг. В её составе немало раритетов. Среди них материалы родословной Драверта – семейные фотоальбомы, личные документы членов семьи, фотоснимки, сделанные в ходе научных экспедиций, рисунки, открытки с видами городов России, переписка П. Л. Драверта с известными учёными, в т. ч. с академиком АН СССР

В. И. Вернадским, материалы о праздновании 200-летия АН СССР, коллекция книжных знаков, марок, денежных знаков, медалей, значков; коллекция минералов, раковин, археологические находки.

Значительную часть собрания составляют рукописи учёного – заметки, дневники, черновики статей, стихи, а также тематические подборки об интересных природных явлениях.

При систематизации фонда были выделены следующие разделы:

- Биографические материалы
- Материалы творческой деятельности
- Материалы служебной и общественной деятельности
- Переписка
- Изобразительные документы
- Материалы других лиц и организаций
- Коллекции.

Биографические материалы представлены документами родословной – выписками из метрических крестных книг, документами гражданского чиновничества, формулярными списками о службе, наградными документами, принадлежавшими различным представителям рода за определённые заслуги. Часть из них составляют именные жалованные грамоты на возведение в чин. Среди них – грамоты периода царствования Николая I, Александра II, Александра III, Николая II.

Дополняют и расширяют биографические материалы документы семейства Далматовых – родственников по материнской линии.

Интересные сведения о П. Л. Драверте содержит т. н. *Curriculum vitae* – краткое описание жизни и профессиональных навыков, составленное им в 1936 г. и включающее биографические сведения за 1879-1936 гг. [1].

В юности П. Л. Драверт принимал активное участие в революционном движении, не раз бывал в ссылках (в 1901 в Пермской губернии, в 1906-1911 гг. в Якутии). В фондах имеется справка об участии П. Л. Драверта в событиях 1905 г. в Казанском университете [2].

Большая часть жизни Петра Людовиковича была связана с нашим городом, с Сибирью. В 1918 г. учёному пришлось уехать в Сибирь. Уже 1 октября 1918 г. Советом Омского сельскохозяйственного института он был избран ассистентом кафедры минералогии и геологии. В фондах есть документ, датированный 11 октября 1918 г. Это служебная записка на имя П. Л. Драверта из ректората Омского сельскохозяйственного института о передаче Семипалатинской Агрономической лаборатории Омскому сельскохозяйственному институту [3]. Драверт активно

включился в научную жизнь города, стал членом ЗСОРГО. Среди его личных документов есть квитанция о получении членских взносов от П. Л. Драверта за 1919 год, выданная казначеем Западно-Сибирского Отдела РГО 12 мая 1919 г. [4]. В фондах хранится и членский билет ЗСОРГО П. Л. Драверта за № 1, в котором указано, что он действительно состоит членом отдела и является его председателем (1922 г.) [5].

В 1920-1930-х гг. Пётр Людовикович был профессором кафедры минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института. Среди биографических документов имеется уведомление об избрании его на эту должность, датированное 2 ноября 1920 г. [6].

Среди личных документов есть членские билеты различных общественно-политических организаций. Это и Омская организация работников науки, литературы и искусства (Орналис) [7], и Сибирский Союз Писателей [8], и Западно-Сибирская организация Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий [9], и Всероссийское Общество охраны природы [10], и Общество Изучения Сибири и её производительных сил [11], и Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (ОСОАВИАХИМ) [12], и Омская организация Союза Воинствующих безбожников при Омском Горсовете [13]. Пётр Людовикович в суровое военное время являлся общественным пожарным инспектором Омского городского Управления пожарной охраны, о чём свидетельствует удостоверение, выданное 15 августа 1941 г. [14].

Профессор Драверт долгие годы работал в нашем музее, активно участвовал в формировании его коллекций. Музей считался тогда одним из центров научной работы в городе. В 1931 г. Пётр Людовикович вошёл в Музейный совет, заведовал минералогическим кабинетом. В фонде имеются документы, отражающие его деятельность в музее. Это удостоверение члена Музейного совета Западно-Сибирского Краевого музея (12 февраля 1931 г.) [15], временное удостоверение ударника, выданное Краевым музеем (20 января 1934 г.) [16], справка, выданная Западно-Сибирским Краевым музеем П. Л. Драверту в том, что он состоит на службе в Омском Областном Музее в должности заведующего геологическим отделом с окладом 310 руб. (7 мая 1935 г.) [17] и другие документы.

Самая обширная группа источников – материалы творческой деятельности. Это и рукописи научных статей, и заметки, и дневниковые записи, и опубликованные работы учёного, и его литературное наследие – стихотворения и статьи.

Приоритетным направлением его деятельности была метеоритика, поэтому значительная часть рукописей посвящена метеоритам, болидам, наблюдениям за ними: «Сибирские метеориты Орловка и Хмелевка» (1930-е гг.) [18], «Болиды и метеориты» (1936-1937 гг.) [19], «О падении каменного метеорита Кузнецово 26 мая 1932 г.» (1933 г.) [20], «Ташатканская глыба – древнейший метеорит в Омской области» (1945 г.) [21], «О влиянии лучистой теплоты болидов на температуру тропосферы» (1937 г.) [22] и другие. В музее хранится несколько записных книжек профессора с дневниковыми записями, которые он делал во время многочисленных экспедиций.

Важнейшим направлением в деятельности П. Л. Драверта в 1930-1940 гг. было изучение состава полезных ископаемых на территории Омской области и их применение. Им был опубликован ряд статей и заметок о различных видах полезных ископаемых, встречающихся на территории районов Омской области. В фондах музея есть рукопись «Полезные ископаемые Омско-Тарского края» (1933 г.) [23], вырезки из местной периодики со статьями профессора, посвящёнными данной теме: «Имеются ли каменный уголь и антрацит в Омско-Тарском Прииртышьи?» (1931 г.) [24], «Несколько слов о Прииртышском бурогольном бассейне» (1932 г.) [25], «Полезные ископаемые северной части Омской области» (1935 г.) [26] и другие. Помимо статей, в архиве имеются выписки из различных источников, заметки по метеоритике, палеонтологии, геологии, краеведению.

Поэтическое творчество Драверта – яркая страница в истории отечественной литературы. Оно представляет большой интерес как для специалистов, так и для любителей поэзии. Пётр Людовикович обладал ярким, самобытным поэтическим дарованием, вошёл в историю как автор стихов о Сибири, её суровой и красивой природе, её людях. В музее хранятся рукописи его стихотворений: «Падучая звезда», «Остячке», «Самоедскую девушку с круглым лицом...», «Любимой я отдам размеренные строки...», «В тундре...», «Предку», «Под звёздным дождём», «Девушка с Охотского берега», «Манские руны», «Мы рядом на стволе поверженного кедра...», «Мне было бы страшно попасть на планету другую...», «Болид», «Негранённые камни» и другие. К сожалению, не сохранилось изданных при жизни Драверта поэтических сборников.

Материалы служебной и общественной деятельности в основном представлены командировочными удостоверениями, служебными записками, извещениями, пригласительными билетами на различные мероприятия.

Одним из основных направлений научной работы Петра Людовиковича была экспедиционная деятельность. Он являлся участником экспедиций в различные районы Сибири и Казахстана. В течение своей жизни П. Л. Драверт совершил около пятидесяти поездок по Уралу, Поволжью, Сибири и Казахстану, в результате которых были собраны богатейшие образцы минералов и окаменелостей, интересные археологические и палеонтологические коллекции. В фондах ОГИК музея хранится 37 командировочных удостоверений профессора. Их временные рамки 1919-1945 гг. Самое последнее датировано 29 августа 1945 г. П. Л. Драверт командировался Комитетом по метеоритам в район села Рыбное Красноярского края [27].

Учёный занимался не только научной и экспедиционной деятельностью, но и активно участвовал в общественной жизни города и области. Об этом свидетельствуют многочисленные приглашительные билеты на различные мероприятия, проводимые областными, городскими и районными учреждениями, научной общественностью. В собрании имеется более 40 приглашений на собрания, выставки, литературные вечера, торжественные заседания. Среди них: приглашение от редакции газеты «Омская правда» на выставку художественных изделий из мамонтовой кости и совещание по поводу работ тобольской косторезной художественной артели [28]; от коллектива студентов Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства П. Л. и Н. В. Драверт – на вечер-концерт, устраиваемый силами студентов в пользу студенческого катка (1929 г.) [29]; от совета Русского Музея – на открытие отчётной выставки Этнографического Отдела за 1923 г. [30] и другие.

Один из основных разделов коллекции – переписка. В собрании хранится семейная переписка: письма родителей Петра Людовиковича – Варвары Дмитриевны и Людвика Станиславовича; послания от родственников Дравертов на польском языке, датированные 1870-1880 гг.; почтовые карточки и письма Людвика Станиславовича сыну из Казани в Омск (1920-1921).

Круг корреспондентов П. Л. Драверта весьма широк и в основном связан с его научными интересами – метеоритикой, минералогией. Среди корреспондентов профессора были как школьники, краеведы, сельские жители, ставшие свидетелями необычных природных явлений, падений метеоритов, болидов, так и известные люди, деятели науки и культуры. Пётр Людовикович вёл переписку с академиком А. Е. Ферсманом, известным геологом и минералогом П. Н. Чирвинским, астро-

номом, исследователем метеоритов И. А. Астаповичем, астрономом и геологом Е. А. Криновым, тюменским живописцем, краеведом, археологом П. А. Россомахиным, астрономом, специалистом по метеоритам Р. Л. Дрейзином, краеведом, библиографом Якутии Н. Н. Грибановским, экслибрисистом Б. А. Вилинбаховым, геофизиком В. В. Федынским, фольклористом, этнографом, литературоведом, историком Сибири М. К. Азадовским, биологом С. С. Голубинским, доктором медицины, профессором П. И. Зарницыным, академиком В. А. Обручевым, минералогом и метеоритоведом Л. А. Куликом, геологом Б. С. Митропольским, палеонтологом Ю. А. Орловым, ихтиологом И. В. Кучиным, известным художником П. Д. Покаржевским, писателем В. А. Итиным, писателем-фольклористом, краеведом И. С. Коровкиным и другими.

Особый интерес представляет переписка Драверта с академиком Владимиром Ивановичем Вернадским, с которым его связывала давняя дружба. В фонде содержится 36 писем Вернадского периода с 1930 по 1944 гг. и несколько копий писем П. Л. Драверта.

Судя по датировке и количеству имеющихся источников, переписка велась почти непрерывно на протяжении данного периода. Но началась она значительно раньше, о чём свидетельствует копия письма Петра Людовиковича от 13 июня 1909 г., в котором молодой учёный благодарил Вернадского за содействие в переводе его из Якутии в Томск. После этого он неизменно подписывался в письмах Вернадскому: «Преданный Вам Драверт». Вернадский же обращался к нему: «Дорогой Пётр Людовикович». Их связывали тёплые, дружеские, уважительные отношения. В конце Великой Отечественной войны, случайно узнав о бедственном положении Петра Людовиковича, академик Вернадский выкупил у него коллекцию минералов и метеоритов на деньги со Сталинской премии. «Мы с Вами старые друзья, и наши чувства обоюдны», – не раз писал великий учёный в своих посланиях к Драверту, подчёркивая большое сходство в их научных взглядах.

Основную часть содержания писем составляет обмен мнениями по вопросам развития метеоритики, минералогии, выражение взглядов на решение проблем.

Вернадский делился с Дравертом своими соображениями о необходимости больше уделять внимания изучению космической пыли, метеоритов, так как это может дать ответ на многие вопросы, связанные с изучением состава происхождения земных компонентов.

Изобразительные источники представлены в основном фотографиями. Интересны семейные фотоальбомы Дравертов. Их четыре.

В альбомах портретные снимки семейства П. Л. Драверта, родственников по материнской и отцовской линии. Самые ранние фотографии датированы 1864-1866 гг. Это портреты Игнатия Ивановича Драверта, родного брата деда Петра Людовиковича Станислава Ивановича Драверт (1864 г.) [31]; Людовика Станиславовича Драверта, отца П. Л. Драверта (1864 г.) [32]; С. И. Драверта, деда П. Л. Драверта [33]; А. А. Драверт (Токарской), бабушки П. Л. Драверта [34] и другие. Имеются снимки матери Петра Людовиковича Варвары Дмитриевны Драверт (Далматовой) [35], его братьев, сестры и других родственников. Довольно много изображений друзей, знакомых, сослуживцев семейства Дравертов Екатеринбургского, Вятского и Казанского периода.

Уникальны фотографии времён Якутской ссылки (1906-1910 гг.) [36]. На них запечатлена дикая природа сурового северного края, молодой учёный в интерьере деревянного жилища, делающий записи в тетради, охотничья избушка.

В собрании немного изображений Петра Людовиковича омского периода его жизни. Интересен его погрудный портрет 1930-х гг. Под снимком приклеена этикетка из белой бумаги с надписью красной тушью: «Заслуженному туристу проф. Драверт от Ом. Горсов. О.П.Т.Э.» [37]. Известно, что профессор состоял членом Западно-Сибирской организации Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (О.П.Т.Э.), что подтверждается наличием в фондах членского билета на его имя.

Экспедиционная деятельность была важной частью жизни профессора. Снимков из поездок по Сибири и Казахстану не так много. В основном, это видовые фотографии, на которых запечатлены природные объекты. На одном из снимков, сделанных во время экспедиции Петра Людовиковича по Казахстану в 1925 г., он запечатлён в групповом фото в казахской юрте [38]. Представляет ценность снимок «Экспедиция П. Л. Драверта в Тарский округ» (1931 г.) [39]. В 1920-х-1930-х гг. П. Л. Драверт активно занимался изучением состава полезных ископаемых. Он был членом Бюро по изучению полезных ископаемых Омской области, публиковал статьи по данной теме в периодической печати, был автором брошюры «Полезные ископаемые Омско-Тарского края». Профессор также непосредственно занимался изучением месторождения бурых углей и перспектив его использования. Месторождение лигнита в Тарском округе было открыто им в 1923 г. В конце 1931 г. Омский Стройсоюз командировал в с. Екатерининское экспедицию, которая осмотрела здесь выходы бурого угля и вывезла его образцы.

Последние снимки датированы 16 декабря 1945 г., днём похорон профессора Драверта [40]. На них Петра Людовиковича в последний путь провожают его друзья, коллеги, единомышленники. Гроб с телом учёного, накрытый съёмным шлейфом мундирного платья придворной дамы конца XIX в., несли по улице застывшего от декабрьской стужи, ставшего ему второй родиной Омска.

Материалы других лиц и организаций представлены бюллетенями Центральной комиссии по метеорам, кометам и астероидам (1939-1944 гг.), рукописями учёных, друзей, коллег Петра Людовиковича. В собрании есть рукопись статьи гидрогеолога В. В. Иванова «Гидрогеологический очерк района курорта Боровое Казахской А.С.С.Р.» (1930-1940 гг.) [41], документы П. Н. Чирвинского, материалы профессора Л. А. Кулика (автобиография, черновики статей, экспедиционных документов, вырезки из газет со статьями об экспедициях с его участием, отзывы академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского о его научной деятельности и другие), документы И. В. Кучина, оттиски статей В. В. Федьнского, И. С. Астаповича, Е. Л. Кринова и других. Интересны рукописи начинающих литераторов, присланные профессору для консультации. В 1944 г. Драверт вёл переписку с 17-летним Г. Я. Пановым, впоследствии ставшим известным писателем. Посылал Петру Людовиковичу свои стихи и Ю. И. Шухов. Обращался за советами И. С. Коровкин.

Сохранились в архиве и материалы Л. С. Драверта. Это выписки из различных источников по статистике войн, заметки по истории права, философии, сведения о известных исторических деятелях прошлого, стихи.

Большой интерес представляют коллекции П. Л. Драверта. Профессор известен как один из крупных коллекционеров страны, собиратель книжных знаков, нумизматики, филателии.

Коллекция книжных знаков П. Л. Драверта насчитывает около 3,5 тыс. единиц. В ней немало редких русских экслибрисов, хорошо представлена Сибирь, особенно омские книжные знаки. В собрании есть все виды книжных знаков: и штемпели, и ярлыки, и сюжетные экслибрисы. Оно очень разнородно по составу, временным рамкам (вторая половина XIX в. – 40-е гг. XX в.), видам книжных знаков, материалу, технике исполнения, ценности.

Коллекция почтовых марок насчитывает более 1500 единиц. Значительная её часть состоит из марок дореволюционной России, в том числе и т. н. Юбилейной Романовской серии. Есть марки-деньги, вы-

пуски Российской почты за границей. Имеются марки периода гражданской войны. Наиболее полно представлены почтовые марки СССР стандартных выпусков и памятные марки. Последние марки датируются 1945 г.

В собрании профессора Драверта кроме альбомов с экслибрисами, почтовыми марками хранятся и благотворительные знаки, марки, виньетки. Наиболее полно представлены благотворительные знаки времён Первой мировой войны. Имеются и советские благотворительные знаки. Интересна также коллекция табачных этикеток и конфетных обёрток 1920-1945 гг.

Более подробно о некоторых коллекциях П. Л. Драверта, хранящихся в фондах ОГИК музея, отмечалось ранее [42].

Личный архив П. Л. Драверта востребован исследователями Сибири, Урала, Казахстана, Поволжья. Документы и фотографии из его собрания постоянно участвуют в выставках. Продолжается работа по изучению и научному описанию фонда профессора. Его незаурядная личность, неутомимая энергия, научный и литературный талант, верность своему научному призванию вызывали уважение и восхищение современников, не оставляют равнодушными и тех, кто соприкасается с его наследием сегодня.

Библиография:

1. Фонды ОГИК музея. ОМК-8513/718
2. Там же. ОМК-8513/12147
3. Там же. ОМК-8513/11655
4. Там же. ОМК-8513/12089
5. Там же. ОМК-8513/741
6. Там же. ОМК-8513/1191
7. Там же. ОМК-8513/743
8. Там же. ОМК-8513/744
9. Там же. ОМК-8513/748
10. Там же. ОМК-8513/755
11. Там же. ОМК-8513/756
12. Там же. ОМК-8513/757
13. Там же. ОМК-8513/10718
14. Там же. ОМК-8513/735
15. Там же. ОМК 8513/12244
16. Там же. ОМК 8513/3331
17. Там же. ОМК 8513/3335

18. Там же. ОМК-8513/11405
19. Там же. ОМК-8513/11404
20. Там же. ОМК-8513/11137
21. Там же. ОМК-8513/11124
22. Там же. ОМК-8513/10674
23. Там же. ОМК-8513/11214
24. Там же. ОМК-8513/ 11805
25. Там же. ОМК-8513/11806
26. Там же. ОМК-8513/11804
27. Там же. ОМК- 8513/3408
28. Там же. ОМК- 8513/820
29. Там же. ОМК- 8513/11628
30. Там же. ОМК-8513/821
31. Там же. ОМК-8513/170
32. Там же. ОМК-8513/136
33. Там же. ОМК-8513/160
34. Там же. ОМК-8513/172
35. Там же. ОМК-8513/135
36. Там же. ОМК-8513/12149-12152
37. Там же. ОМК-8513/17)
38. Там же. ОМК-8513/436
39. Там же. ОМК-8513/459
40. Там же. ОМК-8513/11202-11205
41. Там же. ОМК-8513/11606
42. Буслаева Г. Б. Коллекция книжных знаков П. Л. Драверта в собрании ОГИК музея // Известия ОГИК музея № 16. – Омск, 2011. – С. 218-224; Буслаева Г. Б. Коллекция почтовых марок П. Л. Драверта в собрании ОГИК музея // Известия ОГИК музея № 17. – Омск, 2012. – С. 183-190; Российские благотворительные знаки времён Первой мировой войны в коллекции П. Л. Драверта // Известия ОГИК музея № 19. – Омск, 2014. – С. 42-46.

П. Л. Драверт о минеральных богатствах Горьковского района Омской области

Сельское хозяйство и промышленность используют для своих нужд различные виды минерального сырья.

Исходя из геологического прошлого Омской области, к недрам мы можем предъявить определённые требования.

В 1930 г. П. Л. Драверт совершил экспедицию по Омскому Прииртышью в поисках месторождений фосфорного сырья. Так, в своём выступлении на заседании общества изучения Сибири и её производительных сил, которое было опубликовано в 1931 г. под названием «Фосфориты в Омско-Тарском Прииртышье», П. Л. Драверт отмечал следующее: «Осенью 1930 г. я проводил минералогические наблюдения в Омско-Тарском Прииртышье и обнаружил присутствие фосфоритов в плиоценовой толще, разрезами которой так богат правый берег Иртыша».

Первая находка была сделана П. Л. Дравертом в обнажении близ деревни Бешаул. П. Л. Драверт обнаружил следы реакции разрушения марказита – нестойкого дисульфата железа вблизи многих прииртышских сёл: – Лежанка, Крупянской, Серебряного, Исаковой, Бешаула, Пустынного и др.

Также П. Л. Драверт упоминает ещё об одном фосфорсодержащем минерале, это – кремнисто-глинистые образования, опоки. Не особенно толстые, но значительные по простиранию прослои в песчаной свите плиоцена он наблюдал между Стрижевой и Серебрянкой на Иртыше. Из них также идёт вынос P_2O_3 , сопровождаясь интересным изменением породы.

В докладе «Полезные ископаемые Омско-Тарского края», прочитанном профессором П. Л. Дравертом на конференции научно-исследовательских учреждений и вузов г. Омска и опубликованном Омским бюро краеведения в 1933 г., отмечается: «В 1930 г. докладчиком были обнаружены фосфориты в плиоценовых отложениях на правом берегу Иртыша близ Бешаула, Стрижевой и Исаковой. Это – конкреции эллипсоидной формы от 5 до 30 см в поперечнике, состоящие обыкновенно из плотного тёмно-бурого ядра, окружённого рыхлой светло-серой оболочкой. Последняя представляет продукт выветривания первоначально однородного по всей массе фосфоритового желвака».

Ниже в своём выступлении П. Л. Драверт отмечал: «Большое значение я склонен придать костям крупных послетретичных млекопитающих, которыми так богаты соответствующие по времени отложения нашего края. Ещё путешественники XVIII века отмечали в своих записках поражающее их обилие костей вымерших млекопитающих по берегам сибирских рек. К сожалению, этот материал почти совершенно не используется в Прииртышье для промышленных целей, если не считать случайных сохранившихся бивней мамонта, обладающих высокой ценностью на внутреннем и внешнем рынках. Но бильярдные шары, изящные поделки из бивней ископаемых слонов не могут, конечно, удовлетворить насущных потребностей земледелия.

Мы знаем, что при обжигании костей остается только минеральный их остов, содержащий около 90 % средней фосфорно-известковой соли с примесью углекислого кальция и других солей. Опыты показали, что достаточно тонкий помол и присутствие в почве некоторых (особенно азотистых) веществ наравне с рыхлостью сложения фосфорно-известковой соли (как, например, выжженной из костей) делает излишней обработку кислотами фосфорных удобрений».

«Мы не впадем в преувеличение, если предположим, исходя из сделанных нами наблюдений, что ежегодно при размывании Иртышом своих берегов из последних вываливается на бичевник и в воду не менее 5 тонн разных костей на 1 км береговой полосы. Преобладают кости мамонта, носорога, лошади, зубра, но встречаются также кости оленей, лося, антилопы, медведя, кабана, волка и другие».

«Нам следует подумать о собственных ископаемых, бесполезно погребаемых из года в год под мутными водами Иртыша. Нашим колхозам, расположенным по Иртышу, необходимо организовать на своих участках сбор костей вымерших животных и перемол их в целях получения удобрительного тука для местного использования».

«Заботы о повышении урожайности зерновых и технических культур побуждают нас обратить внимание и на известковое удобрение, в котором особенно нуждаются подзолистые почвы северной части края. Но, так как среди осадочных отложений у нас нет известняков морского происхождения, то надо подыскать им соответствующую замену. В южной, черноземной полосе весьма распространены конкреции мергелистого известняка. Эти конкреции составляют довольно мощные прослои (иногда до 3-4 м) в пластических, зеленовато-серых глинах, обнажающихся в правобережных естественных разрезах по Иртышу и Оми. При постоянном обрушении берегов они выпадают на бичевник, где дают большие вторичные скопления. Содержания окиси кальция в

этих телах таково, что их вполне можно использовать в тонко-размолотом состоянии для известкования полей».

«Добыча минеральных красок у нас носит пока мелкий кустарный характер. Крестьянское население употребляет иногда для побелок печей и стен жилых помещений светлые разности подзола («белик») и более часто – белую глину. Последняя почти всегда фигурирует в виде скатанных руками колобков не только на сельских базарах, но и в городах Омске, Калачинске, Тюкалинске и Таре. Кое-где (например: в окрестностях Сыропятского, Богословки, Ливенки) крестьяне копают для своих нужд желтую охристую глину».

«Горючее ископаемое представлено в Прииртышском буроугольном бассейне прослоями лигнита, отложенного остатками растений в миоценовую эпоху. За последнее время мною зарегистрировано до 50 точек на территории бывших Омского и Тарского округов, где лигнит встречен или буровыми скважинами, или непосредственно наблюдался в естественных выходах на дневную поверхность.

К сожалению, значительная глубина, часто линзовидный характер залежей, малая мощность пласта (1-2 м), подстилаемого и перекрываемого водоносными песками и пльвунами, делают нерентабельным разработку лигнита. Лишь благодаря оползням и провалам грандиозных масс пород, слагающих правый берег Иртыша близ с. Крупянского и Серебрянского, лигнит иногда выдавливался на поверхность и здесь использовался как топливо местными жителями (1912 и 1927 гг.)».

«Следует обратить внимание и на железные ключи по правобережью Иртыша, могущие служить для терапевтических целей. По температуре они относятся к изотермическим. Холодная вода содержит в растворе заметное количество бикарбоната железа с некоторой примесью сульфатов. Местами (Лежанка, Серебрянка, Чередова) эти источники, стекающие по водоупорному пласту третичных глин, обладают настолько порядочным дебитом, что смогут обслужить в каждом пункте от 150 до 300 человек в теплый период года. Для близлежащих колхозов это очень удобно».

В заключении хотелось бы отметить, что, к сожалению, из-за сложности добычи определенных П. Л. Дравертом полезных ископаемых, на территории Горьковского района использовались только известковые конкреции для получения в годы Великой Отечественной войны извести в д. Исаковка. В настоящее время используются населением минеральные источники у с. Серебряное, более известные ныне под названием «источник святого Пантелеймона».

Увековечение имени П. Л. Драверга в культурном пространстве г. Омска

Современная историография уже не может пройти мимо того факта, что за последние 25 лет появилось множество различных подходов к изучению культурных пространств. Пробудившийся интерес к личности, персонификация истории требуют от исследователя конструирования принципиально новых теорико-методологических основ научного знания, контекстуализации социальных процессов. Одним из таких подходов, применяемых в новой локальной и интеллектуальной истории, стал биографический подход. Особенностью данного подхода является понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактором психологической, интеллектуальной и профессиональной биографии. Биография может по праву называться исторической, будучи помещённой в исторический контекст, причём взятый во всех его пересекающихся аспектах [14.10]. Анализ же этого контекста требует глубокого погружения в социокультурную среду. Формирование учёного-исследователя происходит благодаря (а порой вопреки) веяниям и течениям, свойственным профессиональной корпорации на определённых этапах развития. В то же время, функционируя в специфической социальной группе, учёный оказывает на неё пропорциональное влияние. Одной из таких выдающихся фигур в научном региональном пространстве Омска, в сибирской науке и культуре в целом был и остаётся учёный-минералог, профессор, поэт, коллекционер и общественный деятель Пётр Людовикович Драверт.

Любая крупная личность вносит значительные изменения в то социокультурное пространство, в котором существует. Уход из жизни такого человека непременно оказывает серьёзное влияние на изменение мироощущения его современников, а смерть становится последним физическим действием, направленным на изменение существующей целостности окружающего мира. Дальше в свои права вступают процессы исторического сознания и памяти как основного инструмента историчности. Сам факт ухода из жизни формирует новый исторический миф. Именно историческая память призвана отделить объективно реальную сторону биографии от мифологической. В зависимости от масштаба личности формируются границы памяти. Память сосредотачивается в

определённых хронологических, территориальных и дисциплинарных рамках.

Даже если мы придадим понятиям «историческая память» или «историческое сознание» некоторую условность (которая имеет место быть), то всё равно сможем выявить те формы, в которых коммеморативное сознание «консервируется», не позволяя стремительному историческому процессу вынести его за пределы объективной реальности. Эти формы единства духовного и материального порядка, со временем и по воле людей становящиеся символическими элементами исторической памяти общества, получили название – «места памяти». Автор концепции «мест памяти» – французский историк П. Нора – выделил такие типы «мест памяти» (с которыми общество связывает своё восприятие прошлого), как: топографические, монументальные, символические и функциональные музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности [12, 26]. Именно этот фактор во многом обуславливает поддержку «бастионов памяти» обществом, в связи с естественным желанием человека испытывать чувство сопричастности с национальной и мировой культурой, конструировать различные формы социальной идентичности.

Перемещаясь в локальное научное пространство г. Омска и Сибири, обращаясь к личности П. Л. Драверта, мы попытаемся проследить историю увековечения памяти об этом учёном и выявить те точки на городской карте, которые своим возникновением эту память формировали.

Первый шаг по конструированию «памяти о П. Л. Драверте» в социокультурном пространстве г. Омска был сделан в день похорон учёного 16 декабря 1945 г. Исследователь жизни и творчества П. Л. Драверта, писатель А. Э. Лейфер сумел в своей книге «Сибири не изменю!..» из разрозненных материалов создать целостную картину этого символического памятного события: «С 11 часов дня (16 декабря, воскресенье) для проводов и прощания стали собираться друзья, знакомые, бывшие ученики и почитатели П. Л. У изголовья гроба был возложен сосновый венок с красным бантом и такой же лентой с надписью золотом: «Дорогому Петру Людовиковичу Драверту от музея». В углу кабинета против изголовья, на тумбе с камнем был установлен живописный портрет П. Л., задрапированный бархатом / ... Директор музея А. Ф. Палашенков [прощание проходило в здании Омского краеведческого музея]

объявил об открытии траурного митинга... За А. Ф. Палашенковым выступили старый друг умершего – профессор Ивановский, доцент М. М. Садырин, проф. Шухов И. Н... Последним выступил Н. В. Горбань. Он сказал речь на латинском языке. По окончании речей гроб был вынесен из кабинета и поставлен во дворе музея для фотографирования. После фотографирования гроб вновь был поднят друзьями и на руках понесён до Казачьего кладбища... Процессия сопровождалась оркестром» [7, 109-110]. Таким образом, после символической церемонии в г. Омске возникает новое монументальное «место памяти» – могила П. Л. Драверта на Казачьем кладбище Омска.

Современные исследователи «исторической памяти» чётко разделяют такие понятия, как «мягкая» память (личная, запечатлённая в дневниках и воспоминаниях) и память «жёсткая» (закреплённая в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, мемориалов и церемониалов) [9, 153]. Именно тесное взаимодействие этих типологий памяти не позволило стереть с лица города важнейшее «дравертовское место памяти» – его могилу. В 1961 г. началась ликвидация Казачьего кладбища, и тогда друзья и ученики П. Л. Драверта (особую роль сыграл А. Ф. Палашенков) организовали перезахоронение на действующем Старо-Восточном кладбище. Перезахоронение праха П. Л. Драверта состоялось 20 июля 1961 г. Средства на это мероприятие выделил Омский отдел Географического общества [7, 110]. За состоянием могилы и памятника по сей день следят сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея. Памятник на могиле П. Л. Драверта (нынешний памятник, предположительно установленный в 1979 г.) представляет собой гранитную плиту с надписью «Исследователь Сибири, профессор-минеролог, поэт Драверт Пётр Людовикович 4.I.1879 – 12.XII.1945».

Фронтальный просмотр областной периодической печати позволяет утверждать, что наиболее активно интерес к личности и наследию П. Л. Драверта проявился за несколько месяцев до 100-летнего юбилея со дня рождения учёного. Осенью 1978 г. член Омского отделения Географического общества Г. И. Конев выступил в печати с инициативой закрепления имени своего учителя в городском пространстве: «Хотелось бы, чтобы в Омске память об учёном и поэте была увековечена. На доме, где жила семья Дравертов, на институте, где он работал, нужно установить мемориальные доски и этим отдать дань уважения известному человеку» [6].

В канун 100-летия со дня рождения П. Л. Драверта 24 декабря

1978 г. в Омском сельскохозяйственном институте состоялось собрание действительных членов Омского отдела Географического общества. Газета «Молодой Сибиряк» описывала это событие так: «С воспоминаниями о П. Л. Драверте, который был одним из активных членов Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (председатель отдела 1922-1923 годов) выступили профессора Д. Н. Фиалков, В. В. Бердников, В. И. Иржичко, М. Е. Бударин, кандидат наук Н. А. Плотников, Г. И. Кедров» [15]. Данное событие стало первым звеном в цепи крупных юбилейных торжеств в честь 100-летия со дня рождения П. Л. Драверта. Для исследователей сибирской научной жизни интересным является то обстоятельство, что именно это собрание послужило началом проведения в Омске «Дравертских чтений».

Все основные мероприятия, связанные со 100-летием П. Л. Драверта, проводились в январе 1979 г. В газете «Вечерний Омск» вышла статья критика, литературоведа Е. И. Беленького «Путиами поэта и учёного (к 100-летию со дня рождения П. Л. Драверта)» [1]. В статье весьма подробно было рассказано о жизни Драверта, перечислены основные литературные публикации, приведены некоторые стихи. Также в областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина состоялся литературный вечер, в одном из залов краеведческого музея была открыта выставка. Ежемесячное заседание Омского отделения географического общества было объединено с заседанием учёного совета Омского сельхозинститута им. С. М. Кирова и Омского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества. Мероприятия были проведены в формате научно-практической конференции, посвящённой П. Л. Драверту, на которой прочитаны доклады о научной и литературной деятельности профессора П. Л. Драверта. На юбилейные торжества приехал его сын, Виктор Петрович и поделился воспоминаниями о своём отце [16; 7, 126-127]. Итогом конференции стала установка (по решению учёного совета института) мемориальной доски на здании первого корпуса вуза с надписью: «Драверт Пётр Людовикович. 1879-1945. Профессор, известный учёный-минеролог и поэт, исследователь природных богатств Сибири. С 1920 по 1930 г. работал зав. кафедрой минералогии и геологии Омского сельхозинститута».

Таким образом, мы видим, что процесс фиксации воспоминаний о каком-либо событии или выдающейся личности стимулируется чаще всего в ходе коммеморативных церемоний, организуемых людьми по причине действия на коллективное сознание феномена «жёсткой памяти». Увековечение имени П. Л. Драверта в городском пространстве,

возникновение интереса к его наследию были связаны с потребностью омского научного и культурного сообщества в появлении новых символических и монументальных мест памяти.

Этой же потребностью была обеспечена и необходимость популяризации имени П. Л. Драверта в общественном сознании жителей Омска, вынесения памяти о Драверте за пределы научной корпорации.

В 1983 г., в канун очередного 105-летнего юбилея, активисты отделения Географического общества, учёные, краеведы предложили присвоить имя П. Л. Драверта улице в одном из строящихся микрорайонов. Такое решение было принято. Постановлением Омского горисполкома № 282 от 19.08.1983 г. в микрорайоне «Тополиный» (левый берег р. Иртыш) г. Омска появилась «улица Драверта». Однако, спустя год, новым постановлением горисполкома № 275 от 23.08.1984 г. улица Драверта с карты города исчезла, а появился известный нам «бульвар Архитекторов» [17. 26-27]. Столь любопытный факт внезапного необъяснимого переименования породил множество различных слухов и несколько городских легенд. Некоторое прояснение этой загадки можно найти в публикации А. Э. Лейфера 2009 г.: «... На стенах домов уже были «натрафаречены» надписи, а главное – в паспортах поселившихся на новёхоньком бульваре жителей уже стояли соответствующие регистрационные штампы. В редакции СМИ и административные структуры пошли недоумённые письма горожан... Говорили, будто кто-то вспомнил, что в молодые годы Драверт имел отношение к партии социалистов-революционеров. «Эсеров нам не надо», – и бульвар получил его нынешнее имя» [8, 14]. Хотя, публикации об этой запутанной «топонимической истории» появлялись и раньше. Так, за 5 лет до публикации А. Э. Лейфера, в омском еженедельнике «Ваш Ореол» журналист и краевед И. П. Шихатов поделился с читателями «полулегендарной» интерпретацией событий: «А вскоре тогдашние коммунистические власти спохватились. Оказалось, что, хотя учёный в прошлом и пострадавший от царского режима революционер, да не той масти!.. Улицу Драверта переименовали в бульвар Архитекторов. Но и на этом злоключения Петра Людовиковича не закончились. Местные старушки почему-то решили, что это – уточнённое название улицы, и до самой своей смерти гордо говорили, что живут они на «бульваре архитектора Драверта» [18].

Таким образом, мы можем заметить, что данная, почти детективная история (так и осталось точно неизвестным имя «начальственного лица», принявшего данное, говоря языком тогдашних руководящих работников, «волонтаристское» решение о переименовании) не только

породила несколько новых городских мифов, но и поспособствовала закреплению в культурном сознании горожан представления о личности П. Л. Драверта даже в большей степени, нежели если бы в его честь просто была названа очередная городская магистраль. «Включилась» ещё одна интересная способность исторической памяти – насильственная изоляция от прошлого, по сути являясь такой же формой закрепления знания, как и прямая фиксация фактов. Руководствуясь (с их точки зрения) «благими» намерениями, тогдашние советские руководители города дали имени Драверта новое рождение в культурном пространстве в статусе мифологизированного конструкта. Вот и получилось, что «затирание» имени Драверта – это в полной мере его сохранение, так как образ некоего «архитектора Драверта» зафиксировался в культурной памяти жителей города. Изменив название, власти поспособствовали тому, что в противовес всплыли «бессознательные» факторы восприятия исторических событий и персоналий. В конце концов, сопротивляясь изменчивости, фактор сознания становится полноценным элементом окружающего нас пространства. Из рассказчика оно становится рассказанной историей [4, 398].

Возможно, именно поэтому, дискуссии об увековечении имени П. Л. Драверта в городской топонимической среде не утихали после этих событий на протяжении долгих лет. Уже в постсоветскую эпоху этот вопрос неоднократно поднимался на страницах омской печати. В очередной юбилейный год – 1999-й со статьёй «А награды его обходили» выступил писатель, член Русского Географического общества В. А. Бородин. В статье автор акцентировал внимание на том, что, несмотря на весомый вклад в минералогию (а также геологию, палеонтологию), широкую известность в научном мире, при жизни П. Л. Драверт не был отмечен никакими почётными наградами, премиями, медалями, а за пределами научной корпорации известен больше как просветитель. Чтобы компенсировать эту несправедливость во времена, когда уже не стоят на пути идеологические препоны, Омское отделение Географического общества предложило «ходатайствовать перед администрацией о присвоении одной из новых улиц, строящихся в городе, имени нашего славного земляка – Петра Людовиковича Драверта» [2].

Инициатива с наименованием улицы осуществилась в Омске только в 2008 г. (таким образом, «мытарства Петра Драверта» в городской топонимической сети продлились четверть века), когда постановлением № 144 Омского городского Совета от 28.05.2008 г. одной из небольших улиц в Центральном округе (посёлок «Первокирпичный»)

было присвоено имя П. Л. Драверта. Кстати, по соседству с улицей Драверта появились также улицы в честь писателя Г. А. Вяткина, общественного деятеля и исследователя Сибири Н. М. Ядринцева, основательницы Омского русского народного хора Е. В. Калугиной [8; 11].

Разумеется, изменения ситуации в науке, общественной и политической жизни, наступившие в годы перестройки, способствовали стабилизации многих интеллектуальных процессов. С имени П. Л. Драверта были сняты нелепые обвинения в принадлежности к «противоположному лагерю», в той или иной степени культивирующиеся в общественном сознании до самой середины 1980-х гг. Имя Драверта перестало ассоциироваться с советской практикой нежелательности упоминания фамилий «старых интеллигентов» в любой ситуации, когда этого можно было избежать. Наоборот, в публикациях 1990-2000 гг. П. Л. Драверт раскрылся не только как пытливый исследователь и талантливый поэт, но и как яркая, сильная, неординарная личность, блистательный педагог, человек интересной и трудной судьбы, до последних дней сохранивший трепетное восприятие жизни и чувство юмора (несколькими такими «человеческими» историями в 2003 г. поделился с читателями профессор М. Е. Бударин в одной из своих последних прижизненных публикаций) [3, 139-140]. Все эти факторы, концептуализировавшиеся в условиях нового этапа конструирования исторической памяти, способствовали тому, что культурная общественность города выступила с инициативой об установке в Омске памятника П. Л. Драверту. Такие предложения начали звучать ещё в конце 1980 – начале 1990 гг. С инициативами об установке памятника (памятного знака) выступали члены Омского отделения Западно-Сибирского Географического общества, Омского отделения (филиала) Советского (Российского) фонда культуры. Но эта инициатива не воплощена и по сей день (2014-й – год 135-летия со дня рождения учёного). Однако, памятный знак Драверту-поэту всё же был установлен в 2009 г. в рамках проекта Общества коренных омичей по созданию «Аллеи литераторов» на бульваре Мартынова в Омске [10; 13,44]. Аллея стала своеобразным «растущим» памятником: каждый год здесь появляется новый камень, посвящённый одному из знаменитых омских писателей [5]. Белый мраморный камень с надписью «Петру Драверту» был торжественно открыт 30 июля 2009 г. в канун празднования 293-летия Омска и посвящён 130-летию со дня рождения П. Л. Драверта.

Итак, несмотря на то, что имя П. Л. Драверта увековечено в топонимике г. Омска, «дравертовскими местами памяти» являются: моги-

ла учёного, мемориальная доска на здании Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, мемориальный камень на Аллее литераторов. Говорить о том, что имя П. Л. Драверта полностью включено в региональный исторический контекст – преждевременно. Дом, где жил профессор П. Л. Драверт, не сохранился. Этот факт, конечно же, можно объяснить необратимостью естественных изменений в урбанизированной среде крупного города, которым является Омск. Да и сам «антикварный» подход к оценке состояния историко-культурного наследия был бы глубоко наивен. Но нельзя считать «провинциальным взглядом» обращение к тому обстоятельству, что, к сожалению, до сих пор не появилось в городском культурном ландшафте ни памятника, ни бюста, ни барельефа П. Л. Драверту, хотя инициативы упомянутых выше общественных организаций все эти годы звучали с трибун крупных региональных конференций и со страниц периодической печати.

Опыт осмысления научного и литературного наследия П. Л. Драверта, обращение к его трудам, спустя 70 лет после кончины учёного, показывают, что, безусловно, профессор Драверт имеет полное право считаться культовой фигурой в омском научном сообществе. Разносторонность его исследовательского и человеческого дарований, сохранность большей части свидетельств его жизненного пути говорят о значительной профессиональной самобытности Драверта как исследователя и литератора. Поэтому, ещё более значимыми становятся инициативы специалистов максимально использовать информативные возможности того огромного пласта источников, коим является творческое наследие П. Л. Драверта. Воссоздание картины его яркой жизни, встраивание этой картины в общую панораму истории омской научной корпорации, а также популяризация «дравертовской темы» в общественном пространстве позволяют трансформировать традиционные формы конструирования исторической памяти, делая их актуальными и востребованными для будущих поколений историков.

Список литературы:

1. Беленький Е. Путиами поэта и учёного (к 100-летию со дня рождения П. Л. Драверта) // Вечерний Омск. № 13. 1979. 16 января
2. Бородин В. А награды его обходили // Слово. № 19. 1999. 16 марта
3. Бударин М.Е. Есть такой предмет – омсковедение! // Омский краевед. 2003. № 1. – С. 134-140
4. Вернер В. От истории наций к истории личности. Эволю-

ция историографии с точки зрения «Несвоевременных размышлений (О пользе и вреде истории для жизни)» Ницше // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 7. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 390-412

5. Камень, посвящённый Драверту // Новое обозрение. № 18. 2009. 29 июля – 4 августа

6. Конев Г. Поэт земли и звёзд // Омская правда. № 249. 1978. 28 октября

7. Лейфер А. Э. Сибири не изменю!...: Драверт. Страницы одной жизни / А. Э. Лефер. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 133 с.: ил.

8. Лейфер А. К 130-летию со дня рождения Петра Драверта // Омская муза. 2009. № 2. – С. 12-15

9. Леонтьева О. Б. Дискурс, образ, миф: междисциплинарность в изучении исторической памяти // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции. – М.: Совпадение, 2012. – С. 152-160

10. Новый камень на Аллее литераторов – Петру Драверту // Омский вестник. № 65. 2009. 22 июля

11. Новым улицам – имена омичей // Омская правда. № 64. 2008. 16 мая.

12. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17-50

13. Панасенков В. Не время собирать камни? // Бизнес-курс. № 31. 2009. 19 августа

14. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 5-18

15. Рычков В. «Негромкая слава, но прочная» // Молодой Сибиряк. № 154. 1978. 26 декабря

16. Рычков В. Памяти П. Л. Драверта // Вечерний Омск. № 21. 1979. 25 января

17. Улицы города Омска. – Омск: ГУИПП «Омский дом печати», 2001 – 264 с.

18. Шихатов И. Бульвар «архитектора Драверта» // Ваш Ореол. № 4. 2004. 21 января.

Пётр Драверт и Сибак

Пётр Людовикович Драверт, уникальный человек, эрудит, поэт, писатель-фантаст, географ, профессор, преподаватель ряда специальных естественнонаучных дисциплин, основатель первого вузовского музея Охоты и Леса, в ноябре 1918 г. перевёз из Семипалатинска для агрономического факультета Сибирского института сельского хозяйства (СИСХ) пять вагонов с оборудованием агрономической (почвенно-ботанической) лаборатории С. С. Неуструева и К. П. Горшенина и нерастроченный кредит в 1000 «твёрдых рублей» (то есть, в ценах доинфляционного 1913 г.) [9]. Это было его первым вкладом в историю и организацию Сибирской сельскохозяйственной академии, по-простому – Сибак. Профессор ОмГАУ Л. В. Березин, например, отмечает, что далеко не все знают, что первым директором библиотеки Сибак был Яков Васильевич Шебалин – отец известного композитора, который первым обобщил результаты 25-летних исследований профессора П. Л. Драверта, бывшего «меньшевика», которому Органы НКВД в 30-40-е годы жестоко напомнили его дореволюционный период [1].

Пётр Людовикович Драверт родился 16 января 1879 г. в г. Вятке в семье государственного чиновника (по одной из версий, в семье потомков наполеоновского офицера, попавшего в плен и обрусевшего). Начинать учиться в Екатеринбургской гимназии, а закончил обучение в Казанской гимназии. Затем учился в Казанском университете на отделении естественных наук физико-математического факультета, где специализировался по минералогии. Будучи студентом, он активно участвовал в геологических, палеонтологических и минералогических экспедициях, был избран на должность консерватора минералогического кабинета университета, занимался систематизацией коллекции минералов Кеммера. В феврале 1901 г. Драверт был арестован за участие в революционной демонстрации студентов и выслан в Пермскую губернию. Осенью 1901 г. возвратился в Казань и продолжил обучение в университете. В 1906 г. Драверт был вторично сослан в Якутию на 5 лет за участие в революционном студенческом движении. Это событие круто изменило его жизненный путь. Он влюбился в суровый и прекрасный край, посвящал ему свои стихи и серьезные научные исследования [2; 13]. По сути, это и были его «главные университеты».

Пётр Людовикович официально завершил университетское обучение летом 1914 г., после ссылки в Сибирь (Якутия) в 1906 г. за участие в революционном студенческом движении («за красный флаг, за стрельбу из револьвера, за бросание камней в полицейских, с балкона отцовского дома»). Его отец Людовик Драверт был известным казанским юристом, что и спасло Петра Драверта от более сурового наказания). Будучи в ссылке, учёный вёл минералогические исследования в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах. В 1912 г., вернувшись в Казанский университет, занимался обработкой собранных в Сибири материалов. В мае 1917 г. Драверт был избран на должность ассистента кафедры геологии физико-математического факультета Казанского университета [2]. Впоследствии, в 1918-1930 гг. П. Л. Драверт собрал прекрасную геологическую и минералогическую коллекции образцов из Сибири и Урала для кабинетов геологии и минералогии Сиббаки.

В 1911 г. по инициативе академика В. И. Вернадского и по ходатайству Академии наук П. Л. Драверта переехал в Томск, где он находился под гласным надзором полиции. В Томске он принимал участие в экспедициях, организуемых научными учреждениями. В 1918 г. учёный уехал в Омск по приглашению геодезиста Н. Д. Павлова, одного из первых лекторов Сиббаки (топография, астрономия, геология) [2].

Первого октября 1918 г. Советом СИСХ Драверт был избран ассистентом кафедры минералогии и геологии, с 1920 по 1930 гг. являлся профессором и заведующим этой кафедрой. Драверт принимал активное участие в формировании материальной базы института. Был одним из инициаторов (наряду с П. П. Масловым, Н. Я. Новомбергским, В. Н. Ручкиным, Н. П. Огановским) биоинженерного (биотехнологического, кооперативного) факультета СИСХ, упразднённого советскими властями в декабре 1919 г. как чуждого идеологии. Студенческой аудиторией и учёному совету Сиббаки впервые была изложена тема исследований П. Л. Драверта и накопленные им научные геолого-палеонтологические и геолого-минералогические коллекции. Эти собрания, учебные кабинеты и музей Драверта, а также его служебная квартира располагались с 1922 г. (с момента объединения сельскохозяйственного и землеустроительного институтов в единый вуз), в «городской части Сиббаки», в бывшем доме А. В. Печокаса (Дом «Копикуза», ул. Тобольская, 14). Это здание принадлежало прежде АО «Кузнецкие угольные копи». Здесь же располагались открытые в 1910-1911 гг. Омское межеевое училище (с 1920 г. – Землеустроительный техникум) и межеевые классы [7]. При Драверте здесь же до 1941 г. проходили занятия первого

и второго курсов Сибачи и располагались кабинеты химии и зоологии. Здесь же в 1920-1921 гг. Драверт лично, при поддержке Н. И. Грибанова организовал Музей Леса и Охоты при кафедре лесного дела агрономического факультета, на базе материалов, оставшихся от учебного музея Омской казённой низшей школы лесного хозяйства Тобольского лесничества (осн. в 1898 г., тогда вуз именовался, по решению ещё колчаковского правительства от 25 июля 1919 г., Сибирским институтом сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП)) [11]. Позже материалы были перевезены на Институтскую (Сибачовскую) площадь, 2, а музей с лесным факультетом в 1930 г. – в Красноярск. С постройкой четвёртого учебного корпуса ОмСХИ (1979 г.) геологический кабинет (фактически остатки коллекции) [8, 1-54] располагались в нём.

Сам П. Л. Драверт писал об основании вуза следующее: «В необыкновенно тяжёлых условиях возникла первая высшая агрономическая школа Сибири. Апогей в развитии центробежных сил перестраивающегося заново государства, небывалая по своим размерам хозяйственная разруха, ожесточенная гражданская война, интервенция в стране чужеземных войск, катастрофическая смена различных правительств – всё это, казалось, менее всего должно было бы способствовать росту молодого учреждения. Однако неслучайно именно город Омск стал базой для сельскохозяйственного института. Физико-географические, культурно-исторические и политико-экономические условия предопределили его появление сегодня. Этими же условиями объясняется и то обстоятельство, что каждое из правительств, нарождавшихся в Западной Сибири в период 1918-1919 гг., выбирало своей резиденцией Омск, куда стягивались учёные силы России. Без натяжки можно сказать, что не найдётся ни одного высшего учебного заведения дореволюционной России, преподаватели или выпускники которого не побывали бы в Омском сельскохозяйственном институте в первые 3-4 года его существования» [5, 68-69, 12].

В 1921 г. Драверт был арестован органами ОГПУ за поддержку мятежа крестьян, протестующих против продразвёрстки. Три месяца содержался в Омской тюрьме под следствием, в подозрении связи с повстанцами (из числа бывших офицеров), но выпущен на поруки ходатайствовавших за него студентов института [8, 1-54].

В 1922-1924 гг. Драверт являлся президентом учёного бюро Сибачи. Преподавал минералогию, геологию и геофизику. В это же время был назначен председателем Западно-Сибирского отдела географического общества, создал один из своих наиболее масштабных геологи-

ческих трудов – «Определитель важнейших минералов Сибири с указателем их месторождений» [В экспозиции Народного музея истории ОмСХИ им. С. М. Кирова]. Стоит также отметить, что в окрестностях Омска Драверт обнаружил минерал группы каолина – ермакит, исследовал фосфориты Омско-Тарского Прииртышья, известковое сырьё в Омском Прииртышье, местный бурый уголь. В Горьковском районе Омской области есть уникальное место, названное именем этого учёного, его первого исследователя. Это геологический памятник «Берег Драверта». Здесь есть обнажение, провал, а геологический разрез представлен породами неогенового и палеогенового возрастов [2].

Музей истории Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства (позже – ОмСХИ) был впервые организован на общественных началах профессорами П. Л. Дравертом, К. П. Горшениным и К. Е. Мурашкинским в марте-июне 1928 г. [3, 11].

В 1930 г. учёный был уволен из ОмСХИ (в том числе и как «классово чуждый элемент») за то, что не ходил на общественные мероприятия и демонстрации, а стремился в научные экспедиции. С 1930 по 1931 гг. снова находился под арестом. По воспоминаниям ветерана ОмГАУ Галины Ивановны Зезиной (семьи поэта и учёного П. Л. Драверта и И. В. Зезина, первого председателя клуба «Землероб» и первого директора СибНИИСХ, дружили), в 1939 г. П. Л. Драверт посетил в ОмСХИ свой бывший кабинет (первый учебный корпус, бывшее ОССХУ) и «под влиянием чувств» разрушил собранную им коллекцию минералов. [Это было сделано, возможно, по причине переживаний, возникших после расстрела его старшего сына Леонида в 1937 г., в Москве по делу о левых эсерах.] Коллекцию удалось частично спасти сотрудникам Омского областного краеведческого музея.

В 1918-1930 гг. Драверт принимал активное участие в работе омских литературных организаций. С 1922 г. он стал членом правления Омской организации работников науки, литературы и искусства, являлся организатором ассоциации культурных работников. С 1925 г. входил в Омское отделение Сибирского союза писателей. Студентам Сибачи он запомнился как яркий декламатор лирических стихов на «геологическую тему». Часто по вечерам приходил в студенческое общежитие и устраивал там «театрализованные» чтения своих произведений, собирая большую аудиторию.

В фондах Омского областного краеведческого музея хранится пожелтевший листок со стихотворением Драверта, которое нигде, кроме газеты «Кировец», не публиковалось. Стихотворение посвящено жен-

скому общежитию, располагавшемся до 1928 г. на 4-м этаже главного корпуса института. По соседству на площадке находилась и одна из служебных комнат-квартир П. Л. Драверта [4, 11, 15, 36-37, 5, 68-69].

Первого июня 1921 г. вышел в свет первый и последний номер первого вузовского журнала «Дни нашей жизни». Это был печатный орган Красного рабоче-студенческого клуба «Землероб». Журнал был написан от руки и размножен на тонкой жёлтой бумаге на литографическом камне. Статьи для этого номера дали известные профессора Г. Г. Петров, В. С. Титов, П. Л. Драверт. Также в журнале имелись чёрно-белые рисунки и карикатуры [2]. Инициатором выпуска был П. Л. Драверт.

В последние годы жизни Пётр Людовикович состоял научным работником Омского краеведческого музея, преподавал юннатам минералогию и работал над составлением единственной в СССР библиографии по метеоритике, постоянно переписывался с В. И. Вернадским и К. Э. Циолковским. В годы Великой Отечественной войны Пётр Людовикович не прекращал своей научной и общественной деятельности. Он подготавливал большую сводку по полезным ископаемым Омской области, по метеоритам Сибири, проводил опыты по использованию минеральных суррогатов для замены дефицитного натурального сырья. Однако это является отдельной темой для исследования. Своей связи с учёными Сибачи, не смотря на конфликт интересов, не прерывал до конца жизни (умер П. Л. Драверт 12 декабря 1945 г. в Омске).

На фасаде главного корпуса ОмГАУ в 1979 г. установлена памятная доска. В музее истории ОмГАУ хранятся личные вещи П. Л. Драверта, в том числе осколок метеорита, найденный им в Сибири [4, 15, 36-37, 5, 68-69]. 30 июня 1908 г. в Восточной Сибири (Енисейская губерния) произошло аномальное явление, известное как «падение Тунгусского метеорита». На место природной катастрофы выезжал и Пётр Людовикович Драверт – известный геолог и метеоритолог. Он не мог не побывать там, потому что в то время в стране было всего два специалиста по метеоритике – он и В. А. Обручев (1863-1956). Но, поскольку любые экспедиции к месту падения Тунгусского метеорита после революции курировал НКВД, все документы засекречены и ждут своих исследователей [4]. В 1920-е гг. учёный снова увлёкся метеоритами и совершил ряд экспедиций в места падений метеоритов. Предположительно совместно с представителями Особого отдела ОГПУ и Совнаркома. Однако, например, в экспедициях 1928, 1938, 1939 гг. известного

советского метеоритолога Леонида Алексеевича Кулика (1883-1942) к месту падения Тунгусского метеорита фамилия Драверта не значится [12]. Также довольно затруднительно собрать материалы о сотруднике ОГПУ А. Н. Барковском (1895-1938) [14], участнике экспедиций по поиску метеорита. Из пятидесяти путешествий, совершённых им по стране, большая часть связана с поисками «небесных камней». Он разыскивал их по всей Сибири и Казахстану, в лесах, болотах, степях и даже писал о них стихи. Иногда поиски длились долгие годы. Около семи лет его жизни ушло на поиски только одного из семи исследованных метеоритов – Хмелевки, найденного на севере Омской области. К середине 1930-х годов П. Л. Драверт стал одним из крупнейших в стране специалистов-метеоритологов, членом Комитета по метеоритам Академии наук СССР, возглавил единственную в Сибири Омскую метеоритную комиссию.

Учёный был похоронен на бывшем Казачьем кладбище Омска. В 1961 г. его прах был перенесён на Старо-Восточное кладбище [2].

Таким образом, материалы, собранные Дравертом и «о Драверте», ещё ждут своего пытливого исследователя.

Список литературы:

1. Березин Л. В. К открытию нового помещения научной библиотеки [Электронный ресурс] /Л.В. Березин // История Сибачи: Огни Сибачи, № 12: Критические заметки/URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/ogni_sibaki_12_kriticheskie_zametki/0-115 (дата обращения 22 октября 2014)

2. Бондарь Е. Н. «Дни нашей жизни» – первый печатный орган Сибачи [Электронный ресурс]/Е.Н. Бондарь // История Сибачи: Записки краеведа: публикация/URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/zapiski_kraevedy/publikacija/0-159 (дата обращения 22 октября 2014)

3. Боровская Е. С. Народный музей ОмГАУ [Электронный ресурс] /Е. С. Боровская // История Сибачи: Музейное дело/URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/muzejnoe_delo/0-70 (дата обращения 22 октября 2014)

4. Возможно, он знал тайну Тунгусского метеорита! [Электронный ресурс] // История Сибачи: Сибача в лицах/URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/istorija_sibaki_v_licakh/0-78 (дата обращения 22 октября 2014)

5. Драверт П. Л. К обзору научной деятельности Сибирской сельскохозяйственной академии [Текст] /П. Л. Драверт // Сибирская сель-

скохозяйственная академия. 1918-1923. – Омск: Изд-е Сиб. сельск.-хозяйств. академии, 1923. – С. 68-69

6. Драверт Пётр Людовикович. Тунгусский феномен [Электронный ресурс] // URL: http://bvi.rusf.ru/fanta/esf_1/authors/d/dravert.htm (дата обращения 22 октября 2014)

7. Жуков И. Дом «Копикуза». Из истории Омска [Электронный ресурс] // И. Жуков // URL: <http://www.classomsk.com/city/1500-kopikuz> (дата обращения: 22 октября 2014)

8. Ишмаев Н. Е. Прошлое и настоящее Сибирской сельскохозяйственной академии [Текст] // Н. Е. Ишмаев // Сибирская Сельскохозяйственная академия. 1918-1923: Сб. науч. Статей//– Сост. Н. Е. Ишмаев, – П. Л. Драверт. – Омск: Изд - е Сиб. с.-х. академии. 1923.– С.1-54

9. Милищенко О. А. Очерк ранней истории агрономического факультета ОмГАУ [Электронный ресурс] /О. А. Милищенко // Сибака сегодня: К юбилею вуза/URL: http://sibaka-today.ucoz.ru/index/k_jubileju_vuza/0-35 (дата обращения 22 октября 2014)

10. Милищенко О. А. Миссия Омского сельскохозяйственного института [Электронный ресурс] // О. А. Милищенко // История Сибачи: Огни Сибачи, № 12: Миссия ОмСХИ//URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/ogni_sibaki_12_missija_omskhi/0-118 (дата обращения 22 октября 2014)

11. Милищенко О. А. История Кафедры лесомелиорации [Электронный ресурс] // О. А. Милищенко // История Сибачи: Огни Сибачи, № 9 // URL: http://story-sibaka.ucoz.ru/index/istorija_kafedry_lesomelioracii/0-39 (дата обращения 22 октября 2014)

12. Наука – За Тунгусским метеоритом. Л. А. Кулик, фотохроника экспедиции [Электронный ресурс] / URL: <http://www.mymeteorite.ru/containers/70/99.html> (дата обращения: 12 октября 2014)

13. Пугачёва Н. М. Драверт Пётр Людовикович [Электронный ресурс] // Н. М. Пугачёва // URL: <http://tunguska.tsc.ru/ru/science/5/dra/>; <http://www.univer.omsk.su/omsk/art/OGIK/Dictionary/Dravert.html>(дата обращения 22 октября 2014)

14. Тепляков А. Г. Барковский Александр Николаевич [Электронный ресурс] // А. Г. Тепляков. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936-1946 гг. ч.6 / URL: <http://d-v-sokolov.livejournal.com/72903.html> (дата обращения: 12 октября 2014)

15. Червоненко В. Н. Учёные Омского сельскохозяйственного института (1918-1993)[Текст] // В. Н. Червоненко // Омский сельск.-хозяйств. ин-тут. – Омск, 1995. – С. 36-37.

**Опыт организации
краеведческой деятельности в малом городе на примере
научно-краеведческого центра им. А. А. Жирова
Тарской центральной районной библиотеки**

Наличие единой площадки для концентрации усилий в области краеведческой деятельности крайне важно для малого города. Если для крупного города разрозненность краеведческих обществ и отдельных исследователей не критична, то в малом, каковым является Тара, отсутствие единого знаменателя превращается в ключевую проблему. Именно таким знаменателем стал для Тарских исследователей-краеведов научно-краеведческий центр им. А. А. Жирова Тарской центральной районной библиотеки.

Краеведческий фонд был выделен из фонда библиотеки в 1999 г., а открытие в Таре филиалов двух университетов повлекло за собой создание краеведческого сектора «Наследие», который с 20 марта 2008 г. носит имя Тарского историка-краеведа Александра Александровича Жирова. В январе 2013 г. центру краеведения присвоен статус научно-краеведческого.

На сегодняшний день центр располагает уникальным фондом, насчитывающим более 5 тыс. экземпляров книг и около 4 тыс. экземпляров периодических изданий, ведутся тематические пресс-досье (более сотни); работниками центра составляются и издаются брошюры краеведческого содержания, которые пользуются повышенным спросом у читателей. Современные электронные технологии обеспечивают свободный доступ к краеведческим документам, в том числе и оцифрованным изданиям Тарских авторов, выложенным на сайте библиотеки.

Исследовательская деятельность работников научно-краеведческого центра разнообразна. Условно её можно разделить на два ключевых направления: историческое краеведение, включающее в себя деятельность краеведческих обществ, организацию и проведение выставок, мероприятий краеведческого характера и литературное краеведение, охватывающее вопросы изучения творческого наследия писателей Тарского Прииртышья и включающее в себя, в том числе деятельность литературных клубов и писательских организаций г. Тары.

На основе работы в архивах Тары и Тобольского филиала госу-

дарственного архива Тюменской области собран уникальный материал по истории г. Тары, который представляется на научно-практических конференциях разных уровней. Особое развитие получила программно-целевая и проектная культурно-просветительская краеведческая деятельность библиотеки.

В рамках программы «Возвращение к истокам» реализован проект «Тарская крепость: реконструкция исторических событий XVI-XIX веков». Костюмы, изготовленные в рамках проекта, активно используются в формате исторических картинок и фотосессий в историческом интерьере. Экскурсии по исторической части города пользуются спросом не только у наших гостей, но и у школьников, для которых проводятся театрализованные мероприятия.

Не остаются без внимания государственные праздники и памятные даты. Научно-краеведческий центр – активный участник районных и городских мероприятий: митингов, празднований Дня города, районных и областных фестивалей.

Центр с момента его создания стал местом встреч краеведов г. Тары и иных городов. Исследователей купеческих фамилий, родственников выходцев из г. Тары неизменно тепло встречают местные краеведы и сотрудники библиотеки. Так, например, осенью 2013 г. из Москвы в Тару прибыли потомки семьи Щербаковых, с участием которых был организован круглый стол, собравший краеведов, преподавателей и учителей истории. В ходе дискуссии члены семьи Щербаковых рассказали немало незначительных, по их мнению, но крайне важных фактов из жизни своих предков. И это лишь одна из множества подобных встреч.

Активно и плодотворно выстраиваются партнёрские отношения с общественной организацией «Тарский уезд», юридическим адресом которой является районная библиотека. В 2013 г. реализован совместный проект «Эрудит-экспедиция «Тара купеческая». Во время работы над проектом сотрудниками центра проведён сбор данных по истории купеческих домов Тары.

Изготовлены баннеры, содержащие информацию об известных зданиях, их владельцах-купцах и общественных деятелях. В рамках проекта в научно-краеведческом центре оформлена книжно-иллюстративная выставка «Тара купеческая», на презентации которой побывали студенты высших и средних специальных учебных заведений города. Помимо этого, на месте прохождения через г. Тару Московско-Сибирского тракта, на ул. Советской (в прошлом Никольской) были установ-

лены караульная будка, верстовой столб и иные сооружения, необходимые для получения жителями и гостями Тары информации об этом периоде истории города. Исторические справки для баннеров и общая информация для размещения на информационной вывеске возле караульной будки скрупулезно собирались сотрудниками научно-краеведческого центра.

Одной из важнейших задач центра является популяризация истории города и края среди школьников и студентов, привлечение их к исследовательской деятельности. С этой целью реализуются различные проекты, в т.ч. «Малая академия краеведения». Данный проект, разработанный в 2013 г., подразумевает работу при научно-краеведческом центре им. А. А. Жирова полноценного научного общества учащихся школ г. Тары и Тарского района по двум секциям: «Историческое краеведение» и «Литературное краеведение», а также включает в себя серию интеллектуальных игр для учащихся школ, средних и высших учебных заведений г. Тары «Хроники старого города», проведение ряда исследовательских конкурсов (в 2014 г. конкурсы были приурочены к 420-летию г. Тары), в т.ч. «История купеческих фамилий», «Легенды и тайны старого города» и т.д.

Проект успешно отработал первый сезон (зима 2013 – весна 2014 гг.). В настоящее время сотрудники научно-краеведческого центра ведут подготовку ко второму сезону работы научного общества. В ходе работы удалось привлечь группу школьников к научно-исследовательской деятельности, систематизировать исследовательскую деятельность учащихся различных школ города и района, вооружить учащихся полезной информацией о ходе, специфике и ведении краеведческих исследований. В 2014 г. в качестве эксперимента принять участие в работе «Малой академии краеведения» в секции «Историческое краеведение» согласились студенты Тарского филиала Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Второе направление деятельности центра – «Литературное краеведение». В научно-краеведческом центре библиотеки действует литературный музей, в котором собраны материалы, освещающие творчество поэтов и прозаиков г. Тары, повествующие о творческих союзах и клубах города. По воскресеньям в литературном музее научно-краеведческого центра собирается Тарский городской литературный клуб «Вечера на Александровской». Также в научно-краеведческом центре проводит свои заседания Тарское отделение Омской областной общественной организации «Союз писателей России».

С 2006 г. реализуется совместный проект библиотеки и Тарского отделения Союз писателей России – «Дни поэзии в библиотеке». Организованный в рамках проекта поэтический десант побывал на творческих встречах с жителями отдаленных сёл не только Тарского района, но и ближайших районов области.

Благодаря тесному сотрудничеству молодых поэтов и прозаиков, состоявшихся литераторов и краеведов-историков, удаётся организовывать и проводить масштабные мероприятия общегородского, районного, регионального значения. Так, совместно с Союзом писателей России и клубом «Вечера на Александровской» в феврале-марте 2013 г. прошли Первые региональные чтения имени Леонида Чашечникова.

«Чашечниковские чтения» включали в себя множество мероприятий, проводимых в различных учреждениях культуры г. Тары на протяжении месяца: это и конкурсы чтецов (декламаторы исполняли произведения Л. Чашечникова), и конкурс песен на стихи Чашечникова, и конкурс иллюстраций к стихам прославленного земляка. Апогеем стал литературный праздник, собравший 9 марта в стенах Тарской центральной районной библиотеки и Северного драматического театра им. М. А. Ульянова поэтов и писателей со всей России и из стран ближнего зарубежья. К этому событию приурочено создание при научно-краеведческом центре Литературного музея, экспозиции которого отражают литературную жизнь Тарского Прииртышья.

Весной 2014 г. научно-краеведческим центром совместно с клубом «Вечера на Александровской» и Союзом писателей России был проведён литературный конкурс «Городок, окраина России...», нацеленный на выявление и поощрение талантливых самодеятельных поэтов и прозаиков Тарского Прииртышья. По итогам конкурса был сформирован сборник «Тара плюс...», под обложкой которого собраны стихотворения и проза Тарских поэтов: как профессиональных литераторов, так и авторов-любителей, а также воспоминания о культурной жизни г. Тары второй половины XX в.

В структуре научно-краеведческого центра находится общественный Музей истории культуры Тарского района, открытый в 2011 г. На сегодняшний день в музее действуют 18 экспозиций. Экспонаты музея, а их около 1,5 тыс., постоянно используются в мероприятиях учреждений культуры. При музее работает Клуб ветеранов культуры «Время». Кроме этого, при библиотеке действует Музей книги XIX – нач. XX вв., где предоставляется пользователям открытый доступ к раритетам библиотеки. В рамках программы «Старинных книг очарование» про-

ходят музейные уроки, лекции, экскурсии. На сайте библиотеки у Музея книги есть своя страничка. Ведётся работа над созданием сводного аннотированного каталога.

Таким образом, научно-краеведческий центр им. А. А Жирова является фундаментом для организации краеведческих исследований различной направленности в г. Таре и Тарском районе, местом встреч творческих и исследовательских коллективов, проведения занятий краеведческой тематики со школьниками и студентами. Краеведческая деятельность востребована среди населения Тары, исследователей из разных городов России и зарубежья и является признанным брендом нашей библиотеки.

Краеведческая работа Лежанской библиотеки Горьковского муниципального района Омской области

Краеведение всегда являлось одним из приоритетных направлений в работе библиотек. Прошлое и настоящее края, района, села, опыт предшествующих поколений, их традиции, быт, обычаи, природное своеобразие местности и многое другое – всё это нередко становится темой библиотечных мероприятий. Возрождение библиотечного краеведения вызвано подъёмом национального самосознания, оно способно восполнить в людях нравственный запас, о котором сейчас много говорят, поскольку нравственность прививается одновременно с любовью к отчему дому. Лежанская библиотека работает как краеведческий центр поселения, тесно сотрудничает со школьным музеем.

Село Лежанка Горьковского района расположено в 59 км к северо-востоку от города Омска. До райцентра – 83 км. Деревня основана в 1800 году на высоком берегу Иртыша, где располагались неосвоенные земли. В настоящее время в селе Лежанка действует школа, где обучаются 135 учащихся, детский сад (две группы детей), Центр культуры, филиал сбербанка, отделение почты, работает ООО АПК «Титан», СП «Дружба». В Лежанке проживает 1062 человека. К северу-востоку от села расположены городища «Чудская сопка» и «Фадеевка», рядом с селом расположен геологический памятник-урочище «Берег Драверта».

Библиотека обслуживает жителей села Лежанка. Фонд библиотеки – свыше девяти тысяч единиц хранения. Краеведческая литература является многоотраслевой, насчитывает около 300 экземпляров, примерно 3% от фонда. В читальном зале краеведческая литература собрана под заголовком «Город на Иртыше». Выделены разделы: история Омска, Омск в годы Великой Отечественной войны, природа Омской области, искусство Омска, храмы Омска. Важное место в краеведческом фонде занимают произведения художественной литературы омских авторов. Выделена литература о Горьковском районе. Большую ценность представляют папки вырезок из районной газеты «Горьковский вестник», которые библиотека собирала в течение тридцати лет. У нас собраны фотографии, которые сделаны 20-30 лет назад. К 90-летию Горьковского района, которое отмечалось в августе 2014 года, в

библиотеке оформлена выставка «История в лицах», где представлены фотографии и публикации из районной газеты.

В Лежанском поселении в деревнях Чучкино и Осиповка 20 лет назад жили в основном российские немцы. Многие из них уехали в Германию, но до сих пор поддерживают связь с Родиной. На базе Лежанского центра культуры действует центр немецкой культуры, с которым библиотека тесно сотрудничает. Наша библиотека работает по программе «Сельская библиотека – центр межнационального общения». Программа строится на гуманистических принципах, стремится к тому, чтобы люди терпимее относились к образу жизни, культуре других народов. Задачи программы:

- Воспитание толерантного отношения к иной культуре;
- Содействие восстановлению национальных традиций;
- Проведение поисковой работы по краеведению.

Программа состоит из трёх комплексов, один из них – «Российские немцы – дети двух великих культур». В 2009 году библиотека приняла участие в конкурсе грантов ЗАО «Общество развития Новосибирск» и выиграла конкурс. Проект, представленный на конкурс: «История жизни – история целого народа». Направление проекта: история и краеведение. Цель проекта – сохранение истории немецкой деревни Чучкино.

Программа проекта состоит из двух разделов:

1. Юбилейный вечер «История жизни – история целого народа».
2. Издание библиографического указателя «Деревня милая моя».

Вечер «История жизни – история целого народа» был посвящён 70-летию со дня рождения Эммы Иоганнесовны Масольд. Она родилась в 1939 году в Поволжье, в Саратовской области. Когда началась война, был издан Указ о депортации немцев Поволжья. Эмма Иоганнесовна вместе с семьёй была отправлена в Сибирь. Было ей тогда всего два года, но она тоже считалась репрессированной. История её жизни легла в основу нашего мероприятия.

Прошло целое столетие со дня основания деревни Чучкино Горьковского района Омской области. Её основали немцы, жившие на русской земле долгие годы и считавшие своей родиной Россию. У нас есть все основания гордиться историей своей деревни, людьми, которые здесь родились и работали на этой земле. В библиографическом указателе «Деревня милая моя», составленном в 2009 году, отражены документы по истории деревни Чучкино. Издание состоит из двух частей. В первой части – книги и статьи об истории деревни. Читателям интерес-

ны многие издания, выпущенные в рамках этого раздела, в том числе Я. В. Адам «Энциклопедия Горьковского района» (1999 год). В разделе энциклопедии «Населённые пункты» есть статья о деревне Чучкино: её месторасположение, история основания, современное состояние. Монография Т. Б. Смирновой «Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие», изданная в Новосибирске в 2003 году, исследует историю формирования немецкого населения Западной Сибири. В разделе об Омской области автор рассказывает об истории Горьковского района, в частности о деревне Чучкино. Приводятся воспоминания местных жителей-старожилов. Автор статьи «Память», опубликованной в журнале «Культура» № 5 2003 г., Эйхвальд Виктор Васильевич родился и вырос в Чучкино. В статье раскрывается история возникновения деревни, прослеживается тяжёлый период жизни во время войны, приводятся данные об эмиграции жителей из родной деревни в Германию. Во второй части указателя – статьи из районной газеты о жителях Чучкино, прославивших родное село своим трудом. Данное издание предназначено учителям, библиотекарям, краеведам, всем тем, кто интересуется историей своего края и историей российских немцев, снабжено указателем имён.

В краеведческом фонде библиотеки представлен раздел «Российские немцы: история и день сегодняшний». В нашей библиотеке есть книги, которых нет в других библиотеках Горьковского района: «История и этнография немцев Сибири», составитель П. П. Вибе, изданная в Омске в 2009 году, «Немцы России»: энциклопедия в трёх томах, изданная в 2006 году в Москве, «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941-1946», изданная в двух томах в 2008 году, и другие издания.

Минувшее столетие российской истории отмечено в нашей памяти великими свершениями предков. Они прославили Россию своими беспримерными подвигами, героическим трудом, выдающимися достижениями в науке и культуре. Но в исторической памяти поколений навсегда сохраняются мрачные страницы прошлого, трагические судьбы людей, ставших жертвами государственного террора, политических репрессий, преследование за инакомыслие.

Каждый год 30 октября мы отдаём дань памяти соотечественникам, пострадавшим от политических репрессий 1920-1950 годов. В Лежанском центре немецкой культуры в 2013 году прошло мероприятие, посвящённое этой скорбной дате: час истории «Перед этим горем гнутся горы». Собравшиеся участники встречи посмотрели выставку

«День памяти и скорби», документальный фильм о депортации немцев Поволжья в августе 1941 года. Численность репрессированных народов в СССР составляет более 2,6 миллионов человек, из них, по разным источникам, более 44 000 немцев Поволжья.

Л. П. Новицкая – заведующая Центром немецкой культуры – рассказала об истории праздника, о том, как коснулись исторические события её семьи. Заведующая Лежанской библиотекой Е. И. Эйхвальд познакомила участников встречи с книгами, раскрывающими правду об этой печальной странице нашей истории. «Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области» – это, в основном, списки с краткими биографическими сведениями наших земляков, подвергнутых репрессиям. Научно-публицистическое издание в двух томах «Книга памяти немцев-трудармейцев Богославлага. 1941-1946» основано на архивных материалах. В книге содержатся биограммы на 20 711 человек и около 100 фотографий. Эта страница нашей истории считалась закрытой, о ней до недавнего времени не принято было говорить. Но об этом надо говорить и помнить. Председатель совета ветеранов Лежанского поселения В. П. Березий рассказал об истории своей семьи, подвергнутой репрессиям.

Закончилась встреча в Лежанском центре немецкой культуры чаепитием, люди ещё долго делились своими семейными историями, у каждой семьи свои нерадостные воспоминания. Наш долг сделать всё, чтобы тот страшный период нашей истории не повторился.

Среди наиболее удачных мероприятий, посвящённых Великой Отечественной войне – патриотический час «В окопах Сталинграда», который прошёл в библиотеке 1 февраля 2014 года. В памяти всех поколений российского народа 2-е февраля 1943 года – дата переломного момента Великой Отечественной войны. Победа Красной Армии над фашистами под Сталинградом вписана в историю не только России, но и всего мира. По продолжительности и ожесточенности боёв, по количеству участвовавших людей и боевой техники Сталинградская битва превзошла все сражения мировой истории. Цель мероприятия в библиотеке – продемонстрировать единство фронта и тыла в переломный момент войны, а также участие жителей нашего села в Сталинградской битве. В программу патриотического часа вошли:

1. Беседа об истории Сталинградского сражения «Фашизм остановили здесь».
2. Викторина об истории войны.
3. Беседа «Военные дороги наших земляков».

В Сталинградской битве принимали участие наши земляки. Тихон Егорович Морозов первый бой принял на Мамаевом кургане, был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. В 1942 году попал на Сталинградский фронт, где решалась судьба страны. Василий Савельевич Алексеев – участник великого сражения. За героизм наш земляк был награждён медалью «За оборону Сталинграда». Об этих участниках войны можно прочитать в третьем томе издания «Солдаты Победы», представляющем собой серию книг об омичах – участниках Великой Отечественной войны, вернувшихся с полей сражений.

В нашей библиотеке есть брошюра «...Детям своим расскажите о них», которую написал учащийся 10 класса Сергей Глушко под руководством учителя истории и организатора школьного музея Т. М. Суховой. Автор рассказал о людях, чей героизм и мужество обеспечили победу над врагом, об участниках Великой Отечественной, которые жили в нашем селе после войны. Нельзя допустить, чтобы их имена были забыты. Военные биографии наших земляков (всего их удалось собрать более тридцати), – это легенды, которые несут огромный заряд жизненной энергии.

Не так просто сегодня говорить о патриотизме, люди во многом разобщены. Тем важнее говорить детям о великой истории нашей страны, города, села. «Россия – Русь, тобой горжусь» – такова тема урока гражданственности для учащихся 4-6 классов, прошедшего в июне 2014 года. Один из разделов этого мероприятия «Ты гордость наша и слава» – беседа-викторина о гербе и флаге России и Омской области. Совместно с работниками Дома культуры была подготовлена видеопрезентация «Город судьбы моей» о достопримечательностях Омска.

В День памяти и скорби библиотекарь провела беседу-обзор «Свет погибших душ»: о наших земляках, погибших на фронте (по «Книге памяти»), и участниках войны (по книге «Солдаты Победы»). Всё дальше отдаляется от нас время Великой Отечественной войны, всё меньше рядом с нами живых свидетелей тех страшных дней, героев фронта и тыла. Хочется сохранить в памяти их лица, гордиться их неустрашимым мужеством, отвагой и безграничной любовью к Родине. Это наши деды и прадеды, те, кто прошли дорогами войны от Москвы до Берлина, освободили народы Европы от фашизма и ценой собственных жизней принесли народам мир. Для моих односельчан, как и для всей страны, война была суровым испытанием. За годы войны из нашего села на фронт, в рабочие батальоны ушло 130 человек. На их место встали женщины, старики, подростки. Вернулись

с войны не все, в списках погибших, пропавших без вести числится 44 человека. Их могилы разбросаны по дорогам войны, неизвестны. Таковую цену заплатила маленькая сибирская деревня за великую Победу.

2013 год в России был объявлен Годом охраны окружающей среды. По данной теме года в библиотеке была оформлена книжная выставка «Люби природу, человек», эпиграфом к ней послужили стихи поэта М. Львовского:

*Процессы происходят во Вселенной,
И звёзды светят миллиарды лет,
Но самая прекрасная планета –
Земля, которой лучше в мире нет!*

Разделы выставки:

- «Крик земли»;
- «Как ты мне дорог, Омск»;
- «Берег Драверта – загадка земли Омской».

Материалы этой выставки активно использовались во время проведения массовых мероприятий, в справочной работе библиотеки. Представлены новые поступления книг, пользующиеся спросом. За год книговыдача составила более 150 изданий.

На протяжении многих лет тема экологического воспитания является одной из ведущих в библиотеке. Приобщать детей к миру природы, к пониманию её ценности в жизни каждого человека – такова цель всех экологических мероприятий. Такую цель имел праздник открытия «Недели детской книги» в 2013 году, который традиционно проходит в конце марта. Началась встреча в библиотеке с беседы об истории праздника и об объявленном Годе охраны окружающей среды. Библиотекарь представила детям выставку «Люби природу, человек», в частности раздел «Берег Драверта – загадка земли Омской». Безусловный интерес вызвала статья ученицы Лежанской школы Н. Лариной «Имя на карте», опубликованной в газете Горьковский вестник №17 2009 года. В ней речь идёт о памятнике природы близ села Лежанка. Именно Драверт первым обратил внимание на этот берег. Но про самого учёного люди знают немного, а ведь у него удивительная судьба. О его жизни, научных открытиях, поэтическом таланте рассказывает автор статьи. В другой работе – «"Берег Драверта" – Мекка школьного туризма» Надежда Ларина приводит описание статьи исследователя Драверта, опубликованной в 1928 году: «Преподаватели естествоведения в омских школах иногда находятся в затруднении при выборе места, подходящего по своим условиям для ученических экскурсий. Наиболее желательными

представляются пункты, не очень отдалённые от Омска, и которые могут дать разнообразный материал для педагогических и школьных коллекций. И мне хотелось бы поделиться исследованиями одного уголка, находящегося близ села Лежанка, который я недавно посетил».

В марте 2014 года в библиотеке была оформлена выставка творческих работ художника из Лежанки Е. Ю. Яковлевой (акварель, квиллинг). Выставка имела большой успех, многие посетители библиотеки оставили свои восхищённые отзывы о работах Елены Яковлевой, она – неоднократный участник районных выставок. Свои работы художница с удовольствием выставляет в библиотеке.

Лежанская библиотека, уделяет большое внимание библиографической работе, связанной с краеведением. В библиотеке есть краеведческая картотека. Каждый год издаётся библиографический указатель. Темы указателей всегда носят местный характер. Кто напишет о нашем селе, если не мы, его жители.

В Лежанской библиотеке в 2013 году издан список литературы по теме: «Берег Драверта – загадка земли Омской». Урочище «Берег Драверта» находится на правом берегу реки Иртыш в районе села Лежанка на территории Горьковского района Омской области. Геоморфологический памятник природы интересен для геологического туризма, занимает площадь 75 га. «Берег Драверта» назван в честь его первого исследователя. С 1918 по 1940 годы Пётр Людовикович Драверт был ассистентом, а затем профессором минералогии, геологии и геофизики в различных высших учебных заведениях города Омска. Геологический памятник «Берег Драверта» представляет собой обнажение и провал, геологический разрез включает породы неогенового и палеогенового возрастов, есть отпечатки древних растений, древних животных (мамонтовая фауна). Археологами в том месте была обнаружена стоянка древних людей. В пособии отражены документы об истории «Берега Драверта» – уникальном памятнике природы Омской области: книги, статьи из сборников, энциклопедий, имеющихся в фонде нашей библиотеки, электронные ресурсы. Список включает 18 изданий, снабжённых краткими аннотациями.

Проводя краеведческую работу, библиотека приобретает авторитет в местном сообществе. Интерес к истории родного края существует, и работники библиотек делают всё, чтобы этот интерес не иссяк. Благодарное это дело – помнить о своей Родине, большой и малой, о людях, что служили на благо Отечества.

Краеведческие информационные ресурсы в системе продвижения и развития территорий

В последние десятилетия создание брендов касается многих регионов. Это связано с тем, что в ситуации глобальных процессов властные структуры активно занимаются поиском уникальной конкурентной ниши, которая бы способствовала притоку крупных инвестиций и туристических потоков. На наш взгляд, одним из условий, снижающих последствия глобализации для России, является формирование региональных брендов, в том числе культурных. С одной стороны, региональные бренды создаются на основе региональной идентичности и общности культурных, а иногда этических и иных ценностей, многообразных ресурсов, а, с другой стороны, процесс создания регионального бренда основывается на реализации долгосрочной политической и макроэкономической стратегии региона, комплекса информационных и рекламных мероприятий, которые продвигают территорию. Процесс создания брендов территорий набирает свою силу как в европейской части Российской Федерации, так и в отдалённых её восточных, северных территориях [4, 427].

Региональные бренды должны формироваться целенаправленно с учётом стратегического плана, миссии региона, поскольку бренд является инструментом их воплощения. Яркий, эмоционально насыщенный, ориентированный на будущее региональный бренд способствует успешному развитию региона, стабильности притока финансовых, человеческих, информационных ресурсов.

По мнению ряда учёных [3, 16], в том числе антропологов и этнографов, индивидуальность, уникальность является одной из ключевых характеристик бренда, поэтому территории необходимо отказаться от комплекса типичных характеристик, присущих практически всем регионам (коммерческие, социальные, спортивные и т.д.), в пользу более узкой эксклюзивной специализации, а именно, – историко-культурной составляющей.

На сегодняшний день отсутствует чёткое определение понятия бренда, нет и общепринятого определения регионального культурного бренда, но существуют различные их трактовки (табл. 1). Бренд региона существенно отличается от брендов кампаний. Если бренд кампаний

можно чаще всего изобразить графически, записать одним-двумя словами и даже воспроизвести его звуковое оформление, то бренды территорий состоят из множества её разнообразных характеристик, описанных с определённой долей достоверности в буклетах, справочниках, книгах.

Региональные культурные бренды должны основываться на историко-культурных личностях, памятниках или на историко-культурных событиях, которые относятся не только к культуре и истории данного региона, но и имеют огромный вес в историко-культурном наследии страны. Региональные культурные бренды, в отличие от брендов коммерческих, социальных, не могут быть придуманы имиджмейкерами и сделаны под заказ, так как они основываются на историко-культурном наследии. Основой развития региональных культурных брендов являются *краеведческие информационные ресурсы* (далее – КИР), которые заключают в себе огромный потенциал для развития территории и представляют собой: научные достижения, произведения художественного творчества, традиции, обычаи, обряды и др., способствуя производству новых культурных ресурсов, обеспечивая устойчивость и продвижение региона в мировом сообществе. КИР являются своеобразным генетическим кодом инвариантной культурной среды, сохраняют её идентичность, обеспечивают устойчивость ментальных структур и защищают от воздействия импульсов внешних факторов, особенно, если те несут угрозу её жизнеспособности.

Особо важная роль в формировании региональных культурных брендов принадлежит главным держателям КИР – местным библиотекам, архивам и музеям, которые обладают уникальными КИР и являются центрами сосредоточения знаний о регионе, главными региональными хранилищами документного культурно-исторического наследия, а также позволяют удалённому пользователю получить интересующие сведения о регионе, представить экономический, культурно-исторический, природный, туристический потенциал территории, внося огромный вклад в формирование региональных культурных брендов. Региональные культурные бренды должны формироваться целенаправленно, при этом на каждом этапе это можно будет проверить через показатели, которые отражают сущностное содержание создаваемого бренда и элементы внешней среды (табл. 1).

**Система факторов и показателей, учитываемых
при формировании регионального культурного бренда**

Этап формирования бренда	Показатели	Преимущественный вид регионального культурного бренда
1. Выбор и создание стратегии бренда	1.1 Показатели внешней среды региона: месторасположение региона; уровень конкуренции; 1.2 Показатели структуры населения: половозрастной состав; 1.3 Показатели структуры населения: численность, темп прироста, плотность; 1.4 Показатели объема и структуры доходов и расходов населения: среднедушевой денежный доход.	Бренд историко-культурных памятников; бренд историко-культурных личностей
2. Создание компонентов брендов	2.1 Социально-культурные показатели: лингвистические и содержательные критерии.	Бренд социально-культурных событий; бренд социально-культурных личностей; бренд историко-культурных памятников
3. Продвижение бренда	3.1 Социально-культурные показатели: религиозная принадлежность; национальные традиции, традиции потребления товара; особенности восприятия рекламных обращений.	Бренд социально-культурных событий; бренд социально-культурных личностей
4. Управление брендом	4.1 Динамика изменения внешней среды региона; динамика изменения показателей структуры населения; динамика изменения показателей объема и структуры доходов и расходов населения; динамика изменения показателей уровня цен на продукцию.	Бренд социально-культурных событий; бренд историко-культурных памятников

Все указанные выше виды культурных брендов взаимосвязаны, однако, они могут быть соединены в один глобальный бренд территории [2, 121]. В целом, региональный культурный брендинг – это новая деловая философия, заключающаяся в создании и поддержании притягательности и престижа территории, а также привлекательности сосредоточенных на ней историко-культурных ресурсов и возможностей их реализации. Это направление деловой жизни быстро развивается и набирает обороты в нашей стране и по всему миру. Успешный культурный брендинг обеспечит региону привлечение на свои территории инвестиций, туристических потоков, а также привлечение квалифицированной рабочей силы.

Специалисты используют разные технологии создания и продвижения региональных брендов территории, но все они в сжатом виде подчёркивают её позитивные и необычные качества, затеняя или замалчивая другие.

Информационный потенциал сибирской сельскохозяйственной периодики конца XIX – начала XX вв.

(на примере журналов Омского отдела
Московского общества сельского хозяйства)

В системе исторических источников, посвящённых экономической жизни сибирской деревни, периодическая печать занимает весьма существенное место. Редкое историческое исследование по истории сельского хозяйства или аграрному предпринимательству в Западной Сибири конца XIX – первых десятилетий XX вв. обходится без обращения к материалам периодики. В последнее десятилетие в исторической науке приобрели популярность исследования, посвящённые характеристике региональных периодических изданий, их информационным возможностям [1]. Однако до настоящего времени окончательно не выяснен исследовательский потенциал специализированных сельскохозяйственных журналов, издаваемых в регионе.

Следует отметить, что периодическая печать является богатейшим источником информации. Она отличается, во-первых, непрерывным, текущим характером сообщаемых сведений; во-вторых, сложным комплексным составом, свойственным в гораздо меньшей степени другим типам источников; в-третьих, доступностью для историка. Поэтому, современный научный дискурс определяет периодику как «комплекс источников», содержащий в себе источники практически всех видов [2].

Особый интерес для исследователей представляют специализированные сибирские издания сельскохозяйственного профиля [3], которые стали активно появляться в регионе, благодаря развитию общественных инициатив, открытию в сибирских городах сельскохозяйственных обществ, союзов кооперативов и потребительских товариществ, их разноплановой культурно-просветительской работе [4].

На рубеже XIX-XX столетий в крупных административных центрах Сибири начали выходить периодические издания, прежде всего журналы, посвящённые вопросам сельского хозяйства и экономики деревни. По точному замечанию современного исследователя А. В. Яковенко, сельскохозяйственная и кооперативная печать являлась самым «массовым типом специализированной повременной печати в дорево-

люционной Сибири» [5]. По подсчётам данного автора в регионе выходило около 30 периодических изданий, так или иначе связанных с сельскохозяйственной и кооперативной тематикой [6].

В связи со строительством Сибирской железной дороги и усилением переселенческой волны, в регионе осуществлялась модернизация базовой отрасли – сельского хозяйства. Развитие товарно-денежных отношений способствовало превращению местного натурального хозяйства в товарное, всё сильнее связывало его с внутренним рынком европейской части империи, а чуть позже и с мировым. У динамично развивающегося аграрного сектора сибирской экономики возникали специфические проблемы, которые требовали быстрого решения. Это, прежде всего, вопрос о возможностях района по приёму новых переселенцев, вопросы оптимальной организации их хозяйственной жизни в местах водворения, сугубо экономические вопросы, связанные с развитием местной промышленности, торговли, предпринимательства и пр. [7].

Актуальные проблемы состояния и перспективы развития сельского хозяйства обсуждались учреждёнными в 1890-е гг. сибирскими отделами Императорского Московского общества сельского хозяйства, а именно Омским отделом (образован в 1900 г.), Красноярским (1891 г.), Томским (1895 г., с 1898 г. преобразован в Западно-Сибирское общество сельского хозяйства), 1-м Тобольским (1898 г., впоследствии переименованным в Курганский отдел), а также Ялуторовским (1903 г.) [8]. При этом сельскохозяйственные общества могли заниматься активной издательской деятельностью: печатать журналы своих собраний, отчёты о деятельности, вопросные листки и программы для сбора различных сведений, а также материалы устраиваемых выставок. При наличии желания и специального разрешения, общества могли издавать даже газеты или журналы.

В начале XX столетия среди сибирских отделов Московского общества сельского хозяйства, центром сельскохозяйственной мысли и агрономических мероприятий в регионе был Омский отдел [9].

Программа деятельности Омского отдела была очень разнообразной и включала в себя различные направления работы, в том числе и «обнародование посредством разных изданий своих действий, наблюдений и открытий в области сельского хозяйства и сельской промышленности» [10]. В соответствии с последним, в марте 1913 г. Омский отдел начал издавать ежемесячный журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства». Цель этого издания была чётко определена в пер-

вом его номере – «знакомить население с результатами работ, наблюдениями и предложениями в области прогресса агрокультуры сельских хозяев и прилегающих к хозяйству организаций» [11]. Так, в 10 первых номерах издания было напечатано 50 оригинальных статей, освещающих нужды местного сельского хозяйства, кооперации и общественной агрономии. Анализ редакционных статей, обращений сотрудников журнала к читательской аудитории свидетельствует о том, что издание ставило своей главной задачей помочь сельскому товаропроизводителю успешно вести хозяйство, распространяя новейшие сельскохозяйственные знания. Это была ключевая идея журнала, своеобразная его программа, которая позволяет понять специфику данного издания, предположить круг потенциальных и фактических читателей.

В 1913 г. вышло 10 номеров журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства», каждый из которых имел тираж до 2000 экземпляров. В это период издание большей частью распространялось бесплатно первичным кооперативам, мелким сельскохозяйственным обществам, агрономическим и опытным организациям [12]. Позже журнал стал распространяться во властные структуры региональной администрации, в редакции родственных периодических изданий, в библиотеки общественных организаций. Следует отметить, что журнал как форма являлся одним из самых массовых типов российской специализированной повременной печати в дореволюционный период.

С 1914 г. журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» издавался в форме книжки, где помещались объёмные статьи по вопросам сельского хозяйства и кооперации (вышло 6 номеров). Для удовлетворения запросов широкой массы рядовых читателей, Омский отдел общества организовал выпуск популярного приложения к основному органу – газете, а в последующем журнала – «Сельскохозяйственная жизнь» [13]. По мнению А. В. Яковенко, это была общая тенденция, направленная на постепенное слияние практического сельского журнала с кооперативным изданием [14].

Журнал «Сельскохозяйственная жизнь» стал издаваться Омским отделом в надежде на увеличение денежного пособия от Департамента земледелия. Однако субсидия была сокращена, и издание популярного приложения осуществлялось в уменьшенном объёме. В течение 1914 г. вышло 12 номеров. При этом отметим, что публикация журнала стала возможной благодаря согласию многих авторов поместить свои материалы в данном издании бесплатно.

В состав редакционного комитета обоих изданий входили из-

вестные в регионе люди, такие как А. В. Арефьев, В. П. Балиев, И. М. Бобров, И. М. Карзии, С. М. Косарев, А. А. Митаревский, С. С. Марковский, С. П. Окуневич, Ф. Ф. Штумпф, П. П. Преображенский, Ю. И. Теккер.

Структура публикаций данных журналов включала в себя материалы официального характера, так как на страницах изданий активно обсуждались распоряжения правительства, относившиеся к сельскохозяйственной жизни Сибири. Кроме того, освещалась экономическая и агрономическая деятельность местных общественных и государственных организаций, публиковались многочисленные статьи по различным сельскохозяйственным и технологическим вопросам, пропагандировавшие рациональные методы ведения хозяйства. На страницах изданий освещались и проблемы сельского хозяйства за рубежом. В рубрике «Корреспонденция» отражался опыт работы различных хозяйств губернии. В разделе «Вопросы и ответы» помещались ответы специалистов на письма в редакцию. Цены на рожь, овёс, ячмень и масло публиковались в рубрике «Омский рынок». В журнале «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» помещалось большое количество объявлений, доходы от публикации которых шли на издание журнала. Денежные средства, как мы уже писали выше, поступали также от Департамента земледелия. Авторами многих статей являлись сельские предприниматели, образованные крестьяне, которые делились своим опытом и знаниями с читателями. В целом, сотрудники этих изданий постоянно искали новые формы сотрудничества с читательской аудиторией и привлечения корреспондентов из числа сельского населения, стремились к увеличению количества подписчиков.

В 1915 г. издание журналов расширилось, причём больше 60% подписчиков являлись платными, число оригинальных статей достигло 120 [15]. Выше приведённые факты свидетельствуют о том, что журналы пользовались большой популярностью у местного населения, государственных и общественных сельскохозяйственных организаций. Круг актуальных тем и проблем, освещавшихся в данных изданиях, был довольно широк и в целом отражал развитие в Сибири конкретных отраслей сельского хозяйства.

Поступающий в редакцию изданий материал для предварительного просмотра передавался специалистам, но фактически редактирование и издание возлагались на секретаря редакции. В 1915-1916 гг. изданием журналов руководили секретарь редакции Н. Н. Суслов, агроном отдела В. А. Федоровский, заведующий кооперативным отделом

Ф. Г. Ягодин-Виноградов, а также несколько постоянных сотрудников. При этом они занимались издательской практикой только в свободное от других обязанностей время. В. А. Федоровский, являясь фактическим редактором журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и сотрудником в обоих журналах, вёл просмотр сельскохозяйственных статей для журнала «Сельскохозяйственная жизнь» [16].

Сельскохозяйственные журналы привлекали к сотрудничеству, с одной стороны, специалистов по сельскому хозяйству, практиков, которые в своих статьях знакомили читателей с актуальными и порой необходимыми знаниями, с другой, крестьянских корреспондентов, которые делились своим значимым опытом. Так, на постоянной основе сотрудничали с журналами известные в Западной Сибири личности: агроном В. А. Федоровский, коммерсант, общественный деятель Ф. Ф. Штумпф.

Ф. Ф. Штумпф был выходцем из немецких колонистов. Он окончил Томский университет с отличием, был удостоен почётного звания кандидата сельского хозяйства. В 1898 г. по приглашению генерал-губернатора М. А. Таубе он прибыл в Омск на должность главного агронома Степного края. В 1900 г. Ф. Ф. Штумпф организовал своё предпринимательское хозяйство, ставшее через несколько лет одним из крупнейших, технологически и технически развитых в Сибири. Помимо коммерции, Ф. Ф. Штумпф был активным общественником, одним из организаторов Омского отделения Московского сельскохозяйственного общества, Омской торгово-промышленной биржи, Омского коммерческого училища и других научных, образовательных и общественных организаций. В 1913 г. Ф. Ф. Штумпф являлся членом редколлегии журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства», в 1914 г. – ответственным редактором журнала «Сельскохозяйственная жизнь». Он являлся также автором ряда статей, опубликованных на страницах этих изданий [17].

Активным сотрудником обоих журналов был агроном отдела В. А. Федоровский. Так, в 1916 г. им было опубликовано 8 статей, из них 3 – в журнале «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и 5 – в «Сельскохозяйственной жизни». Работы были посвящены проблемам селекции, огородничеству, сбору лекарственных растений, борьбе с сорными травами в регионе, обеспечению населения сельскохозяйственным инвентарём и обзору результатов выставки рогатого скота и свиней [18].

Анализ структуры публикаций журнала за 1913 г. показывает, что приоритетное внимание деятели сельского хозяйства, редакционный комитет уделяли проблемам полеводства. Посвящённые им статьи

Проблематика	Частота публикаций		Общее количество по проблеме	% отношение строк и символов
	общая	%		
	<i>Полевое дело</i>			
Опытное дело	4	4,5	549	21411
Обработка почвы	3	3,4	849	33111
Посевной материал	3	3,4	649	25311
Новые сорта хлебных культур	4	3,4	1907	74373
Борьба с вредителями	4	4,5	374	14586
Сбыт хлеба	6	6,8	2503	97617
Усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия	3	3,4	2114	82446
Всего	26	29,4	8945	348855
	<i>Животноводство</i>			
Молочное животноводство	1	1,2	286	11154
Мясное животноводство	4	4,5	644	25116
Выставочное дело	7	8,0	1653	64467
Всего	12	13,7	2583	100737
	<i>Отраслевые организации</i>			
Деятельность ОО МОСХ	10	11,4	2873	112047
Кооперативное движение	1	1,2	441	17199
Агрономические организации	5	5,7	907	35373
Всего	16	18,3	4221	164619
	<i>Организация хозяйства</i>			
Рациональная постановка хозяйства	2	2,3	1007	39273
Сельскохозяйственный кредит	4	4,5	924	36036
Всего	6	6,8	1931	75309
	<i>Наука и образование</i>			
Сельскохозяйственное образование	4	4,5	591	23049
Сельскохозяйственная жизнь зарубежных стран	4	4,5	1313	51207
Всего	8	9,0	1904	74256
Метеорологические наблюдения	7	8,0	1151	44889
Всего	7	8,0	1151	44889
Разное (цены, российская хроника, письма и т.п.)	13	14,8	4144	161616
Всего	13	14,8	4144	161616
ИТОГО	88	100	24879	970281

* Составление и подсчёты автора. Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. – №№ 1–10.

составляют 29,4 % всех материалов и 36 % печатной площади издания за 1913 г. При этом рассматривались, прежде всего, научно-практические вопросы: условия обработки почвы, сроки и густота посевов, особенности работы с различными сортами хлебных культур, методы и средства борьбы с сельскохозяйственными вредителями, а также затрагивались разные стороны опытного дела, его организации.

Другой, наиболее обсуждаемой проблемой, была проблема образования и функционирования различных государственных и общественных сельскохозяйственных организаций, кооперативного движения. Обозначенные вопросы занимают 18,3 % материалов общей печатной площадью 16,9 %. Сельскохозяйственные организации, в том числе и кооперация, рассматривались журналом как эффективное средство объединения крестьянской массы с целью донести до неё передовые достижения производственных технологий.

Животноводству, новым продуктивным породам скота, селекционной работе, а также правильной организации скотоводческого хозяйства в местных условиях посвящено 13,7 % материалов издания общей площадью 10,4 %.

Редакционный комитет публиковал на страницах журнала метеорологические наблюдения, цены на сельскохозяйственную продукцию, обзоры газет, издаваемых в Европейской России, письма читателей и многие другие интересные материалы, которые составляют 36,7 % печатной площади (или 38,6 % всех публикаций). Население, как показывают источники, активно старалось применять на практике советы и рекомендации, которые были опубликованы на страницах периодики. Крестьяне выражали признательность через письма в редакцию.

В целом деятельность редакции журнала соответствовала общим тенденциям выпуска печатной продукции региона. В 1895-1917 гг. в Сибири вышло более тысячи монографий, брошюр, отдельных оттисков, листовок и прочих изданий статистического, организационного, научно-практического, ознакомительно-просветительского характера, посвящённых сельскому хозяйству, а также вопросам кооперативного движения [19].

В 1915-1916 гг. на страницах обоих журналов было помещено 223 публикации, которые были посвящены проблемам кооперации, сельского хозяйства, российской и региональной экономики (см. табл. 2).

Количество оригинальных публикаций в журналах
«Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и
«Сельскохозяйственная жизнь» за 1915–1916 гг. *

Журналы/годы	Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства		Сельскохозяйственная жизнь		Итого
	1915 г.	1916 г.	1915 г.	1916 г.	
Сельское хозяйство	6	8	26	27	67
Общеэкономические вопросы	2	2	21	10	35
Кооперация	2	3	45	33	83
Холодильное дело	1	1	6	1	9
Пчеловодство			20	7	27
Кустарное дело			1		1
Биографии	1				1
ВСЕГО	12	14	119	78	223

* Базылева Е.А. Из истории издания сельскохозяйственной литературы в Сибири // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2001. № 4(13). – С. 32-38.

Первая мировая война негативным образом сказалась на деятельности журналов. Трудности финансирования, мобилизация в армию наиболее активных сотрудников редакции, перебои в работе типографий из-за недостатков материалов (бумаги) оказывали влияние на своевременность выхода журналов, на полноту наполняемости рубрик и качество публикуемых статей. Так, в 1915 г. вышло только 3 номера журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и 15 из 24-х номеров «Сельскохозяйственной жизни». В 1916 г. журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» вышел в свет в количестве 6 номеров (так как в ноябре было принято решение о временном прекращении издания журнала), а приложение к нему «Сельскохозяйственная жизнь» – в 15 номерах. Несмотря на определённые трудности, «Сельскохозяйственная жизнь» в 1915 г. вышла тиражом 2500, а «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» – 800 экземпляров. При этом некоторые номера журналов этого периода были сдвоенными [20].

Рамки настоящей публикации не позволяют более подробно рассмотреть наиболее содержательные с научно-практической точки зрения статьи изданий. При этом без преувеличения можно сказать, что

журналы «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и «Сельскохозяйственная жизнь» были лучшими сельскохозяйственными изданиями региона. Они дали мощный толчок развитию различных отраслей сельского хозяйства в регионе, внесли существенный вклад в развитие «местной агрономии» и сибирского книгоиздания конца XIX – начала XX вв. Таким образом, журналы являются информационно ценным проблемно-комплексным источником, освещающими преобразования в аграрном секторе экономики Западной Сибири в условиях экономической модернизации и актуальные вопросы социальных трансформаций сельского локального сообщества.

Сноски:

1. Подробнее см.: Родигина Н. Н. Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах // Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 76-80; Котович Л. В. Журнал «Сибирские отголоски» и репрезентации сибирских городов на его страницах // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. Омск, 2014. Вып. 8. – С. 36-41; Кузнецова Т. А. Сатирические журналы как источник изучения истории Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII – XXI вв.: коллективная монография / Под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родигиной. Новосибирск, 2013. – С. 85-93; Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв.: аннотированный библиографический указатель / под ред. Н. Н. Родигиной. Новосибирск, 2014. Т. 1 «Тема Сибири в ежемесячных изданиях второй половины XIX – начала XX в.»; Т. 2. «Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в.» и др.

2. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. – С. 44-50

3. В Сибири получили своё развитие несколько типов специализированной сельскохозяйственной периодики: официальная, научно-популярная, научно-практическая, кооперативная, узко специальная.

4. Подробнее см.: Яковенко А. В. Из истории сельскохозяйственной и кооперативной периодики Сибири начала XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8. Вып. 1. История. – С. 126-128

5. Там же. – С. 126

6. Там же

7. 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельско-

хозяйственного общества. 1900-1925 гг. – Омск, 1926. – С. 3

8. Базылева Е. А. Из истории издания сельскохозяйственной литературы в Сибири // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2001. № 4(13). – С. 32

9. 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества... – С. 50

10. Кузнецов Д. В. К столетию образования Омского отдела Московского общества сельского хозяйства // Омский научный вестник. – Омск, 1999. Вып. 9. – С. 8; ИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д 1. Л.7.

11. Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 1

12. 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества ... – С. 16

13. Сельскохозяйственная жизнь. – Омск, 1914. № 1

14. Яковенко А. В. Из истории сельскохозяйственной и кооперативной периодики Сибири начала XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8. Вып. 1. История. – С. 126-128.

15. 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества ... – С. 16

16. Базылева Е. А. Из истории издания сельскохозяйственной литературы в Сибири // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2001. № 4(13). – С. 32-38

17. Вибе П. П. Штумпф Ф. Ф.: судьба предпринимателя и его хозяйства // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: Сборник научных трудов / Научный редактор П. П. Вибе. – Омск, 2014. № 19. – С. 83-87

18. Базылева Е. А. Из истории издания сельскохозяйственной литературы в Сибири // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2001. № 4(13). – С. 32-38.

19. См.: Базылева Е. А. Книгоиздание научных учреждений и вузов Сибири. Вторая половина XIX в. – 1917 г. – Новосибирск, 2003; Эрлих В. А. Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2005

20. Базылева Е. А. Из истории издания сельскохозяйственной литературы в Сибири // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2001. № 4(13). – С. 32-38.

Пётр Драверт и Кемпендяй

В 1905 г. за активное участие в революционном движении П. Л. Драверт был арестован и сослан на 5 лет в Якутскую область, куда прибыл 3 (16) июля 1906 года. Во время ссылки принимал участие в изучении природных богатств края: в 1907 г. разведовал соляные месторождения по реке Кемпендяй, в 1908 г. ездил в устье р. Лены для исследования побережья, а в 1909 г. изучал озеро Баян Кель. Своими трудами: «Экспедиция в Сунтарский соляносный район», «Материалы к этнографии и географии Якутской области», «Гипс в Якутии», «К вопросу о «драгоценных» камнях Якутской области», «Опалы в Якутской области» он внёс важный вклад в изучение края.

В июле 1907 г. в Якутске по инициативе П. Л. Драверта, В. Н. Цветкова и других политических ссыльных стала издаваться прогрессивная газета «Якутский край».

Последний год ссылки он провёл в Томске, в 1912 г. возвратился в Казанский университет и оканчил его в 1914 г. В эти годы Драверт провёл ряд геологических исследований, а в 1916 г. участвовал в экспедиции Геологического комитета, изучавшей золотоносные россыпи в бассейне р. Вилюй.

Вся его дальнейшая жизнь протекала, в основном, в Омске, где он был профессором ряда высших учебных заведений и членом Комитета по метеоритам Академии наук СССР. За 45 лет научной и педагогической деятельности им написано около 150 научных работ и более 500 популярных научных очерков. С 1900 по 1941 гг. учёный совершил около 50 поездок и экспедиций по Среднему Поволжью, Уралу, Башкирии, Восточной и Западной Сибири. В последние годы занимался составлением библиографии метеоритов.

П. Л. Драверт известен и как поэт. Первые его стихи появились в печати в 1903 г. и быстро получили известность. Всего вышло шесть книг: «Тени и отзвуки» (1904 г.), «Ряды мгновений» (1908 г.), «Под небом Якутского края» (1911 г.), «Стихотворения» (1913 г.), «Сибирь» (1923 г.) и «Стихи о Сибири». Темой поэзии Драверта была суровая и величавая природа Сибири, её изумительные по разнообразию богатства. Первая книга «Под небом Якутского края», куда вошло 16 стихотворений, быстро разошлась и пользовалась большим успехом.

В своей поэзии Драверт уделяет много внимания Якутии. Он восхищённо поэтизирует своеобразную и суровую красоту якутской природы.

27 июля 1907 года из Якутска выехала Сунтарская экспедиция П. Драверта и П. Оленина для исследования Кемпендяйского соляного источника. Главная задача экспедиции заключалась в том, чтобы детально обследовать Кемпендяйские соляные источники и месторождения каменной соли, а также изыскать наиболее удобные пути для вывоза соли. П. Л. Драверт писал, что исследованные запасы соли в урочищах Кысыл-Тус, Кемпендяй, Намана, Эскулап впечатляющие. Помимо соляных месторождений П. Л. Драверт представил карту других минералов. Недалеко от с. Сунтар нашёл залежи железной руды, каменного угля, причём высшего качества, вдоль бассейна речки Намана – запасы медной руды, граната, магнитного железняка, бария, мрамора, серного колчедана, агата, кремния, яшмы, малахита, цеолита и других минералов. Он пришёл к выводу, что на Кемпендяйских источниках можно будет построить оздоровительный курорт.

Село Кемпендяй – населённый пункт в Сунтарском улусе (районе) Республики Саха (Якутия). По географическому положению Сунтарский район расположен в западной части республики и занимает площадь в 57,8 тыс. кв. км. Это один из интереснейших в природном, этнографическом, экономическом плане регионов Республики.

Природа района многолика и разнообразна. Около тридцати процентов всей площади занимают особо охраняемые природные территории республиканского и местного значения. Ресурсные резерваты представляют лесные зоны и водные объекты девственной красоты – нетронутые рукой человека, они несут в себе отпечаток прошлого, мощную энергетику предков. Плоскогорный рельеф сочетает в себе раздольные луга, богатую живностью тайгу и многовековые хребты. Многочисленные речные «вены» – красивейшие ручейки – разделяют леса, в которых соседствуют лиственные и хвойные породы деревьев.

Несомненной гордостью района является с. Кемпендяй, расположенное в 54 км. от районного центра – с. Сунтар. Первые упоминания об этой местности датируются 1640 годом, когда русский казак Шахов вывез из Кемпендяя 100 пудов соли. Соляные источники были впервые исследованы в 1736 году участниками второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга С. Крашенинниковым и А. Ивановым, вследствие чего в 1792 году местность Кемпендяй была введена в атлас России под названием Вилюй.

В дальнейшем основой появления поселения в таёжной глуши стало освоение его недр и природных ресурсов.

Природные ресурсы Кемпендяя разнообразны и богаты. Село расположено на правом берегу одноимённой речки, которая славится солёной водой. Основной гипотезой появления в тайге минеральных источников служит предположение о том, что много миллионов лет назад на территории современной Якутии было большое море. В результате поднятия земной коры море отступило, оставив за собой залежи соли, которые местами достигают толщины в несколько десятков метров. Проходя через эти залежи, подземные и поверхностные воды приобретают свои необычные свойства.

По своему составу воды р. Кемпендяй относятся к хлоридно-натриевым минеральным. Уникальность этих источников обусловлена высокой минерализацией воды и своеобразным газовым составом: сумма растворённых в воде веществ достигает 350 г/л, что относит их к крепким рассолам бальнеологического назначения для наружного применения. Бальнеологические свойства и химический состав делают их аналогичными минеральным водам таких известных курортов, как Усолье-Сибирское и Усть-Кут. А некоторые учёные сопоставляют лечебные свойства р. Кемпендяй со знаменитым Мёртвым морем.

Речка Кемпендяй достигает в ширину 10-15 м, глубина её составляет 1-1,5 м. За короткое северное лето жители села Кемпендяй успевают понежиться в лечебных водах, находятся и те, кто сплавляются по реке. Отсюда открывается красивейший пейзаж, водная гладь действует умиротворяюще, а плотные ряды сосен, расположившихся на горных берегах речки, дарят ощущение надёжности и защиты.

Для промышленной добычи соли в селе имеется сользавод, который представляет собой огромный бассейн. Зимой и летом, круглосуточно солёная вода изливается сюда из-под земли по вертикальным трубам. Зимой соль вымораживают из воды, а в тёплое время года под действием солнечного тепла вода постепенно испаряется, и соль оседает на дне бассейна. Летом накопившуюся соль сгребают и тарируют. Эта технология удивительно проста и эффективна.

Выходы природных солей в местности Кемпендяй также наблюдаются в 27 км от посёлка на горе Таас-Туус. На крутом обрывистом южном склоне этой горы, на протяжении 400 м среди красноцветных, сильно разрушенных и загипсованных глинистых доломитов и доломитовых глин верхнего девона, наблюдаются восемь выходов каменной соли в виде утёсов неправильной формы размером 12x25 м. На окружа-

ющих гору склонах представлен типичный спектр таёжных ландшафтов. Соль на г. Таас-Туус находится в твёрдом состоянии, что оправдывает название горы – Таас-Туус. Оно переводится с якутского языка как каменная соль. В настоящее время эта соль не добывается.

На горе, на высоте около 20 м имеются соляные шахты, представляющие собой пещеры из красной глины, покрытые «инеем» соли. Привлекательность данного объекта объясняется эстетической ценностью его пейзажей.

Природные ресурсы, молчаливо затаившиеся в величественной красе безграничной кемпендяйской тайги, обширны и многообразны – это каменная и поваренная соль, лечебные грязи, целебные ключи, фарфоровая глина, минеральные краски, известь, гипс, бурый уголь и цеолит. Многие из этих полезных ископаемых добываются и используются в промышленных, хозяйственных и лечебных целях.

Одним из редких полезных ископаемых является цеолит – минерал XXI века, как его называют учёные-геологи. В 22 км от посёлка имеются Хонгуринские месторождения цеолитов. Первым этот удивительный минерал обнаружил П. Л. Драверт в 1907 г. Это минерал вулканического происхождения, что объясняет его сложный состав. Химические свойства цеолита позволяют широко использовать его в технологии очистки воды, в химической промышленности, а также в качестве поглотителя влаги, запахов и газов, в производстве бумаги и картона. Ещё одной областью применения является сельское хозяйство, где добавка цеолитов в корма животных служит адсорбирующим средством, выводящим из организма соли тяжёлых металлов. В медицине цеолит применяют для заживления гнойных ран, ожогов и пролежней. Поглощающие, питающие свойства, способность активизировать и сохранять позволяют использовать цеолит и в косметологии. Смесь природных солей и измельченного цеолита, нанесённая на влажную кожу, вытягивает из неё вредные частицы, крепко засевшие в волокнах кожи, при этом смесь способна к избирательному обмену частицами: забирая вредные, цеолит одновременно поставляет организму недостающие микро- и макроэлементы. В Кемпендяе функционирует организация, занимающаяся добычей и первичной переработкой данного минерала и поставкой его в промышленные районы Республики. Сегодня жители села используют данный минерал в хозяйственно-бытовых, сельскохозяйственных и косметологических целях.

Бродя по окрестностям Кемпендяя, можно наткнуться на ещё одно чудо природы – Уэннээх Хайа. Это реликтовая гора, в окаменелых

породах которой чётко различаются останки микроорганизмов отдалённых эпох существования Земли. Эти палеонтологические находки привлекают сюда и археологов, и любознательных туристов.

На территории Кемпендяйского наслега более 40 больших и малых озёр и ручейков, которые богаты рыбой. Среди всего многообразия здесь обитают нетипичные для озёр виды рыб, такие, как елец, окунь, щука, таймень и ёрш. Это озёра Чайынгда, Арбанда, Сордонноох и озеро Муосааны, входящее в список уникальных озёр Республики.

История Кемпендяйской сельской библиотеки началась в 1938 году, когда при клубе сользаводе была открыта первая изба-читальня. Одним из первых заведующих работал М. Н. Герасимов. После окончания войны книжный фонд постепенно увеличивался, изменялись и расширялись функции библиотеки, росло и количество читателей. В 1949 г. она получает статус сельской библиотеки, последняя становится центром культурной жизни села: здесь собираются местные жители, проводятся громкие чтения, беседы, обсуждаются важные события. В разные годы библиотекарями работали Шестаков Валентин Григорьевич, Семёнова Александра Константиновна, Евсеева Ксения Григорьевна, Евсеева Мария Афанасьевна, Сергеева Варвара Яковлевна, Саввинова Наталья Тимофеевна, Жиркова Изабелла Ивановна и др.

В 2014 библиотека получила статус модельной библиотеки.

Сегодня книжный фонд Кемпендяйской сельской модельной библиотеки составляет 11498 экз. Общее количество читателей – 404. Ежегодно выдается 8500 книг. Заведующей библиотекой с 2012 года работаю я, Местникова Татьяна Ивановна.

В конце 2012 года мы представили проект «Год Чтения в Кемпендяе», который был поддержан депутатами наслежного Совета. 2015 г. был объявлен Годом литературы. Цель работы в библиотеки в этом году – повышение нравственной и духовной культуры населения через приобщение к чтению в условиях социально-экономического развития села. В течение года были проведены различные мероприятия.

В июне 2014 г. библиотека выиграла грант «Сунтарский улус» в области культурного наследия и народного творчества за поисково-исследовательский проект «Мы помним...», посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Предстоит большая работа по выявлению истории кемпендяйской колонии репрессированных.

В 1996 г. в селе Кемпендяй в на общественных началах был организован музей Трудовой Славы. Первоначально это была небольшая комната в здании конторы Кемпендяйского сользавода. Здесь были собраны материалы и экспонаты истории села, сользавода, воспоминания жителей и старожилов села Кемпендяй, утварь народа Саха. Организаторами музея стали ветераны труда и тыла, общественники с активной жизненной позицией – Почётный ветеран РФ Ксения Григорьевна, Мария Афанасьевна Евсеевы.

В 1998 г. в средней школе был организован школьный музей, отражающий историю школы. Организатором этого музея стала отличник Просвещения РСФСР Мария Гаврильевна Романова.

В 2003 г. эти два музея были объединены в краеведческий музей «Кэскил», целью которого стало патриотическое воспитание школьников и привитие любви и гордости к родному краю. Администрация села выделила для музея в здании МБУ КСЦ «Сайды» помещение с площадью 81,5 кв. м. В настоящее время в музее собрано 4680 экспонатов. Они распределены в 7 отделах: «Кемпендяй – чудо природы», рассказывающий о природных богатствах, исследователях и путешественниках, изучавших Кемпендяй с 1638 г., о посещении Кемпендяя казачьим атаманом Ерофеем Хабаровым, атаманом Николаем Шаховым, учёным Степаном Крашенинниковым, Ричардом Маака, минералогом Эриком Лаксманом, иркутским губернатором Карлом Венцелем, поэтом и учёным Петром Дравертом и многими другими геологами, а также повествующий о собрании научных трудов исследователей, о коллекции кемпендяйских минералов. В экспозиции «Человек и природа» собраны чучела птиц и животных, планшеты о знаменитых охотниках села, экспонаты охотничьих снаряжений, фотографии уникальных достопримечательностей Кемпендяя; документы «Труд красит человека» – о передовиках производства Кемпендяйского сользавода, о первом стахановце Сунтарского улуса А. В. Евсееве; «Никто не забыт, ничто не забыто» – о ветеранах войны и тыла, воспоминаниях детей времён войны. Раритетами этого раздела являются газета «Речной транспорт» от 10 мая 1945 г. с обращением И. В. Сталина к советскому народу и письмо сестры М. Егорова, водрузившего Знамя Победы на Рейхстаге в Берлине. С 1943 г. по 1945 г. в Кемпендяе находилась колония № 8 для репрессированных. Часть арестантов работала на солеваренном заводе, другая часть – на лесоповале. История колонии до сих пор не изучена. Неизвестно сколько всего людей было в колонии, сколько умерло... В музее собраны воспоми-

нения и фотографии немногих очевидцев, которые были арестантами колонии, ныне это – «Санаторий-профилакторий им. Г. Е. Чолбодукова», об истории становления, о врачах и медсестрах, о самом Г. Е. Чолбодукове. Экспозиции: «Кемпендяйский сользавод» – об истории первого промышленного предприятия Республики; «История школы» – об учителях и выпускниках школы, об истории пионерской организации, первых ТСО; «Утварь народа Саха» – собрание предметов обихода, творчество детей и жителей села.

В музее проводятся открытые уроки, классные часы, экскурсии, встречи с ветеранами тыла и труда. Богатые материалы музея помогают учащимся и учителям школы писать рефераты и доклады по различным темам, в том числе по краеведению. Проводятся улусные и школьные научно-практические конференции (НПК) «Мой родной край».

В 2007 г. Сунтарская МЦБС передала для музея ксерокопию работы П. Л. Драверта «Экспедиция в Сунтарский соленосный район», напечатанной в 1908 г. в Якутской областной типографии. Эта работа стала толчком для собрания научных работ исследователей Кемпендяя, начиная с 1640 г. Сегодня в библиотеке и в музее «Кэскил» собраны много копий научных работ исследователей, путешественников, изучавших Кемпендяй. Развитие информационных технологий, сети Интернет стало для нас, удалённых от центральных библиотек и музеев, большим подспорьем в поисках краеведческих информаций. Много работ получено через МБА из Национальной библиотеки РС(Я) (<http://www.nlib.sakha.ru>) и РБА, с сайтов Электронная память Арктики (<http://www.emaproject.com>), Электронная Сибирь (<http://elib.ngonb.ru>), Руниверс (<http://www.runivers.ru>) и др.

Из научных работ П. Л. Драверта у нас имеются: «Экспедиция в Сунтарский соленосный район», «Материалы к этнографии и географии Якутской области», «Гипс в Якутии», «Список минералов Якутской области». Все эти работы связаны с Кемпендьяем и используются в нашей работе по краеведению. В 2007 г. к 100-летней дате его экспедиции была проведена краеведческая научно-практическая конференция «100 лет экспедиции П. Л. Драверта». Целью конференции являлось знакомство с биографией и творчеством Петра Драверта. В конференции учащиеся защищали свои исследовательские работы, была организована выставка-конкурс творческих работ по произведениям Драверта, проведён конкурс чтецов его стихов. С докладами ребята позже участвовали в районных и республиканских НПК «Шаг в будущее».

В библиотеке и музее разработаны туристические маршруты по краеведению. Перед выходом на эти маршруты ребята в библиотеке и в музее знакомятся с работами исследователей, с целью маршрута, выполняют определённые задания. Интересными для них являются те места, которые изучал П. Драверт. В планах 2015 г. организовать маршрут до месторождений гипса и бурых углей.

После прохождения краеведческих туристических маршрутов ребята работают над проектами, пишут доклады, статьи в улусных и республиканских газетах, участвуют в конференциях. Главная цель маршрутов – дать детям знания о родном крае, чтобы они гордились богатством и красотой его природы, бережно относились к природе, сохраняя традиции своего народа, знали историю своего края.

П. Л. Драверт – учёный и поэт

В числе первых трёх литературных сборников, вышедших в издании Н. Е. Олейникова в 1908 году в Якутске, была книга стихов «Ряды мгновений» известного учёного и поэта Петра Людовиковича Драверта, отбывавшего тогда ссылку в Якутии. Наследие этого удивительного человека совмещает в себе науку и поэзию.

Целый ряд исследований, посвящённых П. Л. Драверту, характеризует его как учёного, внёсшего важный вклад в историю метеоритики. Наша цель – рассказать о другой стороне его деятельности – о Драверте-поэте, оставившем после себя несколько стихотворных сборников, талантливых и своеобразных.

В начале XX века в казанских газетах стали появляться лирические стихи, подписанные псевдонимом Тревард. Стихи принадлежали Петру Драверту (1879-1945), студенту естественного отделения физико-математического факультета Императорского Казанского университета. Учился он весьма успешно, писал стихи, покуда не был вовлечён в студенческие восстания, что обернулось для него в 1901 году арестом и ссылкой в Пермскую губернию.

*Это было... Давно это было,
Но я помню прекрасно себя;
Ты случайно меня полюбила,
И за то полюбил я тебя...*

Это стихотворение Петра Драверта из небольшого, в 46 страниц, сборника его стихов «Тени и отзвуки», вышедшего в Казани в 1904 году и отпечатанного в «Универсальной типографии», что находилась на улице Университетской. В годы Первой русской революции Драверт активно включился в революционную деятельность, был исключён из университета, а в 1906 году выслан в Якутский край на пять лет. Он влюбился в русский Север и всю свою дальнейшую жизнь посвятил науке. Уже в 1907 году он участвовал в минералогических экспедициях, в 1908 году проводил исследования в устье реки Лены, а в 1909 г. – на озере Баянкель. В Якутске Драверт издал книжку стихов «Роды мгновений». В 1909 г. – «Повесть о мамонте и ледниковом человеке», в 1911 . в Томске, куда его перевели по инициативе академика В. И. Вернадского, вышел сборник великолепных стихов «Под небом Якутско-

го края». Этот сборник вошёл отдельной главой в книгу «Стихотворения», изданную Дравертом в Казани в 1913 году в типо-литографии М. А. Семёнова. В ней было три главы («Жертва утренняя», Siberica, «Под небом Якутского края»), где собрано более 70 стихотворений, написанных в 1910-1913 годах, большинство из которых было посвящено Сибири. Ему разрешили вернуться в Казань в 1912 году, после успешной экспедиции на северо-востоке Алтая, куда его командировало Казанское общество естествоиспытателей. Казанский университет П. Драверт окончил в 1914 году. В 1915-1916 годах Пётр Людвинович как действительный член Русского географического общества участвовал в экспедициях на Енисей и Вилюй, а в 1917 был принят ассистентом на кафедру геологии Казанского университета. В 1918 году Драверт оставил Казанский университет и уехал в Омск.

Север манил его неодолимо. В 1929 году он участвовал в экспедиции по изучению знаменитого Тунгусского метеорита. Он первым предложил использовать для поиска упавших метеоритов воздушную разведку. Драверт по праву считается (наряду с академиком Вернадским) основателем науки метеоритики. В 1979 году Западно-Сибирское книжное издательство выпустило книгу его стихов, рассказов и очерков – сборник лучших произведений из 224 страниц, а в 1993 году – стихи Петра Людвиновича были включены в сборник ведущих поэтов России Серебряного века. Драверт состоял в переписке с учёными России: Ю. Д. Орловым, В. И. Вернадским и другими. Многие просили Драверта: «Пришлите стихи». В своём творчестве поэт часто обращался к теме сибирской природы. Не случайно Вячеслав Шишков назвал его «верным рыцарем незабвенной Сибири». В литературе того времени существовала традиция изображения этого края как гиблого места (здесь уместно вспомнить «изгнанническую» лирику поэтов-декабристов). Поэт не идеализировал природу Сибири. Его лирический герой хорошо понимает, что есть места, где пейзаж богаче и ярче. Но для него этот край стал родным и милым, при всей его скудости и суровости.

К сожалению, многое из того, чем занимался П. Л. Драверт в своих научных изысканиях, всё ещё остается недостаточно изученным. Таковы его мысли о космосе, воспринимавшиеся в ту пору как нечто странное, бесполезное. Сохранилась его переписка с К. Э. Циолковским и В. И. Вернадским, в работах которых нередко встречаются ссылки на труды Драверта. Пётр Людвинович – крупный учёный-геолог и минералог, в течение всей своей жизни писал стихи. Якутская ссылка, как писал он сам, оказалась для него особенно тяжелой. Но в этих трудных

условиях проявилась сила его характера. Он предпринимал многочисленные экспедиции, в результате которых находил месторождения полезных ископаемых.

В 1907 году, участвуя в экспедиции по изучению Сунтарского соленосного района в Якутии, обследуя известные ныне Кемпендйские источники, П. Л. Драверт одним из первых русских учёных обратил внимание на явление естественной радиоактивности. Одним из первых он указал на возможную алмазоносность коренных пород Енисейско-Ленского междуречья. В статье «Драгоценные камни Сибири» он писал о находке алмазов в районе реки Пит, правого притока Енисея. Находясь в Сунтарской экспедиции, из глухого, заброшенного тогда местечка Эльгыя слал он восторженные слова восхищения природой: «Ах, как красивы места, где стоит наша юрта!..»

В 1910 году Драверту было разрешено переехать из Якутска в Томск. В 1927 году в письме к известному фольклористу и литературоведу М. К. Азадовскому признавался: «Природа Якутии показалось мне своей, родной. Первое, навеянное ею стихотворение «На Вилюе в начале зимы», я написал будучи в Сунтарской экспедиции». «Мне стал подражать местный якутский поэт Пётр Черных, недавно из Москвы он в своём письме назвал меня своим учителем. В Томске, куда я попал из Якутии, я стал писать стихи, преимущественно посвящённые природе Якутского края. Была какая-то сильная потребность передать в этой форме свои впечатления». «Впоследствии я узнал, что книжка «Под небом Якутского края» была принята, как учебное руководство в Вольском Кадетском корпусе и в Иркутской учительской семинарии. Многие стихотворения задавались учить ученицам Томской гимназии. На Сибирских вечерах в Петербурге читались со сцены. Это показало мне, что инстинктивно я встал на правильную дорогу. А когда по моему пути пошли другие молодые поэты Сибири, я почувствовал удовлетворение, т.к. всё-таки сомневался в своих силах, ибо – повторяю – ни у кого мне не приходилось учиться».

«Может быть, первым из русских поэтов Драверт сумел воспеть романтику изыскательных странствий, но, вместе с тем, и радости кропотливой, «камеральной» работы, счастье наблюдения и открытия...» – писал поэт Илья Фоняков.

В пяти книгах стихов «Тени и отзвуки» (1904 г.), «Ряды мгновений» (1908 г.), «Под небом якутского края» (1911 г.), «Стихотворения» (1913 г.) и «Сибири» (1923 г.) сосредоточено поэтическое наследие П. Л. Драверта. Лучшие из этих стихов переизданы в виде сборников

«Стихи о Сибири» (Омск, 1957 г.) и «Северные цветы» (Новосибирск, 1968 г.). Большое количество стихов посвящено Якутии. Через поэтически воссозданные картины якутской природы Драверт выразил своё мировосприятие, своё видение мира, свою душу. Приехав в Якутию ссыльным, поэт увидел её не только как «необъятный край необъятного горя», место ссылки и каторги, но и как край необычайно богатый, известный своей величественной и своеобразной красотой. Он горячо, всем сердцем и на всю жизнь полюбил этот край и его местное население. Якутия, как и вся Сибирь, стала ему родной и бесконечно близкой. Об этом он пишет в стихотворении «Сибири», в котором подводит итог своим поэтическим раздумьям и переживаниям после более чем десятилетнего пребывания в Сибири. «Моя», «родная», «великая», «любимая» – вот постоянные эпитеты поэта, обращённые к Сибири.

Картины сибирских пейзажей, красота их были чем-то созвучны душе поэта, его настроениям. Не будет преувеличением сказать, что Сибирь, в частности Якутия, с её величественно-суровой природой, пробудили в Драверте чувство настоящего поэта. Его книжка «Под небом якутского края» сразу завоевала успех.

География поэзии Драверта о Якутии отличается большой широтой. Он описал природу таких мест, которые до него почти не упоминались в пейзажной лирике. Он нисколько не стремится поразить читателя своеобразной экзотикой якутского края. Драверт естественно и органично вводит в поэзию олекминские пещеры, природу на берегах Вилюя, Чучур-Муран, белые ночи Верхоянска, дым лесных пожаров в устье Алдана, закаты на Лене, своеобразие тундры и Ледовитого океана и многие другие образы, обогащающие эстетический мир читателя.

Сибирь для него не просто край, а страна, родная, отдельная страна. В стихотворении «Сибири» (1922) есть строчки: «Тебе одной мои напевы, Стране холодной, но живой» [1]. Это не оговорка, не красное словцо. И поэтому уехать в тишь Сергиева Посада для него невыносимо. Это измена Сибири. Драверт это хорошо понимал.

Не будь он учёным, не было бы у него такой удивительной научной поэзии. Драверт принёс в поэзию свой словарь, свою музыку. Именно своему научному опыту Драверт обязан многими поэтическими находками. Поэт стоит на уровне современного научного знания. Уже из этого факта следует то, что такой автор не сможет говорить о каких-то вещах также, как любой другой, это уже особый взгляд, «глаз геолога». Ему недостаточно передать общее впечатление: например, берег реки, усеянный цветами, звёздное небо. Он знает, какие цветы растут на этом

берегу, он знает, какая речка здесь течёт, он знает, какие звёзды сияют над его головой и какие породы и минералы находятся у него под ногами. И, зная всё это, он и пишет иначе. Его энциклопедическому кругозору тесно в пределах традиционной образности и тематики.

*Таёт флер морозного тумана,
Сонмы звёзд в бессмертной нагоде.
Ярок блеск лучей Альдебарана,
Альтаир в спокойной красоте [2].*

В 1908 году во время научной экспедиции на пароходе «Север» к устью Лены Драверт наблюдал исключительно редкостное, удивительное по своей необычности явление – плавающий остров. Поэт был захвачен этим явлением, взволнован им. Он создал целую поэму с верным описанием деталей, поэтизацией увиденных картин природы. Любовь к северной природе звучит в стихотворении «Ягоды тундры». Стихотворение «Той, которая ждёт» написано в дни, когда поэт по какой-то причине уезжал из Якутии. Покинув полюбившийся ему край, Драверт сильно тосковал о нём. Оставил он там и любимую женщину. Поэт пишет о том, как он вернётся в родные места, к своей любимой, когда благоухающая, шумная и гулкая якутская весна раскуёт реки, покроет многоцветным ковром землю и огласит окрестности приветным журавлиным криком.

Условное представление о Сибири, бытовавшее в русской литературе с начала XIX века, было устойчивым и держало в плену своём многих литераторов на протяжении длительного времени. Поэтическое творчество П. Л. Драверта свободно от такого представления о Сибири. В его стихах встаёт перед нами реальная страна с реальными людьми. Он видит суровую красоту края, но не идеализирует. Продолжая прогрессивные традиции, заложенные предшественниками, прежде всего декабристами, он идёт дальше в понимании будущего страны.

Все четыре цикла, входящих в сборник «Ряды мгновений» («Одиночество», «Голубая спираль», «На Зелёной планете», «В предраассветности»), посвящаются теме человека, раскрывают его отношение к природе и природы к нему. Наиболее значимым и совершенным представляется цикл «На зелёной планете», созданный под впечатлением якутской ссылки. Кстати, все без исключения произведения, вошедшие в этот цикл, позже включались поэтом его издателями во все последующие сборники, выходившие в разные годы после отъезда из Якутии.

Большая смысловая ёмкость стихов Драверта достигается за счёт

того, что специальные изобразительные средства плотно заполняют стихотворный текст. Эпитеты – художественные определения:

– постоянные (вечерние гости, железный замок, дальний путь, сырая земля, моя великая Сибирь);

– изобразительные (сыроватый дымок, янтарная луна, тенистый сад, серые кусты, радужные сны);

– лирические (живая струя, пустынный уголок, прощальный свет);

– сложные (тёмно-синяя ночь, бледно-тревожные сны);

– метафорические (снежинка смелая, нежная берёзка, истомная тоска, туманящий сон).

Эпитеты выделяют свойства, качества, существенные стороны, признаки, передают впечатление, отношение автора. Они также задают настроение, создают образ.

Сравнение – способ описания или характеристики природы, человека, действия через сходство. Присоединяются словами: *как, точно, будто, подобно, словно, что*.

Метафора – скрытое сравнение, в основе которого лежит переносное значение слова.

Символ – многозначный предметный образ, объединяющий разные планы изображаемого.

Олицетворение – частный случай метафоры, уподобление неживого живому.

П. Драверт удачно использует метафоры: «задышит грудь земли», «серп луны алеет за косой», «будет волны жизни колыхать», эпитеты: «моя великая Сибирь», «вечерние гости», «железный замок» и т.д., изобразительные: «сыроватый дымок», «янтарная луна», «радужные сны», лирические: «живая струя», «мягкая прохлада», сложные «тёмно-синяя ночь», «бледно-тревожные сны» и многие другие помогают нам ярко представить картину северного края.

Стихотворения П. Драверта богаты олицетворениями: «ласково вздыхает пробужденный лес», «И целует солнце жёлтый их наряд», «хмурится тайга», «долгий день обнимет вышину» и т. д.

Автор нередко использует сравнения: «снег на Лене блещет – яркий, как алмаз», «как снег, блистает их оперенье (о чайках)». Своеобразный нужный колорит той или иной картины Драверт умеет создать путём введения в свои стихи ярких деталей, заимствованных из местного быта, характерных сравнений. Например, рисуя типичный

якутский пейзаж, поэт в стихотворении «Среди бадаранов» пишет: «Как бубен священный шамана, повисла на небе луна...». Это сравнение луны с бубном шамана придаёт пейзажу не только географическую определённую, но и известную этнографическую окраску. Чтобы создать необходимый колорит, Драверт широко, но с большим тактом использует в стихах местные выражения, такие, например, как «бадаран» (болото), «этербесы» (кожаная обувь), «юрта» (жилище якутов), «ураса» (летнее жилище эвенков).

П. Л. Драверт сумел увидеть Якутию не как место гибели надежд, как «необъятный край необъятного горя», но и как край, необычайно богатый полезными ископаемыми, край величественной и своеобразной красоты. Любовь к Якутскому народу диктовала поэту строки, исполненные нежной страсти и необычайной силы.

*... Ах, остаться бы тут до конца, навсегда
И водить тонконогих оленей стада,
Серебристую нельму ловить
И на лыжах по насту скользить...*

Эта страна ссылки холодна, безлюдна:

*Белое поле. Белая даль.
В бледной лазури облако белое.
Лес оголённый. Солнце несмелое.
Шелест могильный. Холод. Печаль...*

Сам пейзаж кажется сотканным из «сырых туманов», болот, «дышащих отравой», сумрачных, печальных вечеров. И белый цвет – белизна этой безбрежной дали с её белым полем и одиноким белым облаком «в бледной лазури» – воспринимается как символ одиночества и печали. Символом судьбы самого изгнанника кажется и белеющий «там, за утесом, на взрытом песке» остов тонконогого оленя, усеянный чёрными хищными птицами, как контраст светлому началу:

*Чёрные вороны возле него,
Чёрные вороны жадно сидят...
Близится грозное их торжество,
Мрачен упорный, пронзающий взгляд...*

Но пройдут годы, вернётся поэт домой под ласковое солнце и поймёт он, что сердце его осталось там, на хмуром Севере, где неизведанные тайны нашептала ему дикая тайга, где рыщет в унылом поле белоснежная собака Намана, и она, всё та же неразгаданная северянка, ждёт его у опушки леса...

*Это будет, будет неотвратно –
Мы одним лучом опалены.
Суждено вернуться мне обратно
Из далёкой западной страны.
Я приду с распадом льдов Вилюя –
В дни, когда, заливши берега,
Он възграет, радостно целуя
Склоны гор, где хмурится тайга.
Я вернусь, когда в цветной одежде
Средь озёр задышит грудь земли.
И меня, приветствуя как прежде,
Громким криком встретят журавли...*

В стихотворении «Северные цветы» П. Л. Драверт писал:

*Обласканы светом и зноем,
Растут и не знают цветы,
Что ниже, под почвенным слоем,
Лежат ледяные пласты...*

Это о цветах, чудом выросших на тонком слое почвы, под которым лежат тяжёлые пласты вечной мерзлоты. Он сумел увидеть и создать этот образ двойным зрением: поэта и учёного. Только в результате такого видения могло появиться стихотворение «Забытые могилы». Мысль о бессмертии погибших в якутской ссылке героев революционного движения, представителей всех его поколений выражена средствами словесной живописи: поэт видит над кладбищем «холодное небо окраины северной», «жёлтые сосны, морозом побитые», «бугры незаметные, могилы бескрестные»... Но его знание богаче этого непосредственного восприятия. Знакомство геолога с особенностями климата и почвы Якутии даёт возможность поэту прийти к неожиданному обобщению, на нём зиждется художественный эффект всего стихотворения:

*... Где рядом лежат – никому неизвестные –
Изгнанники юга, чужими зарытые.
Их трупы не тлеют со дня погребения,
В промерзлых слоях неизменно сохранены;
И мнится, что будут лежать они странные,
Пока не займётся заря обновления....*

Ярко представлен в изображении П. Л. Драверта весенний якутский пейзаж, когда, словно бы стосковавшись за долгую зиму по солнцу, по теплу, вся природа спешит, торопится встретить лето, вобрать в

себя каждый луч солнца и отзывается на него мгновенным расцветом. И вот уже на крутых склонах Чучур-Мурана появляются первые цветы:

*Им солнце бросало пучки теплоты,
Для них миновала колдунья-зима...
...Им грезилось жгучее лето вдали,
Могучее лето в красе золотой...*

Яркий, как алмаз, блещет на Лене снег, а горный ветер танцует, и так ласково «вздыхает пробуждённый лес»! Поэт любит якутской природой, восхищается её картинами, и чувства его глубоки и сильны, как сама северная природа.

Можно сказать, что пейзажная лирика П. Л. Драверта – это всегда художественное и вместе с тем географическое открытие. Трудно найти другого такого поэта, который охватил бы столь широко мир природы, открыл читателю столько новых пейзажей, как это сделал он. В его стихах читатель увидел «бахрому висячих сталактитов» Олекминских пещер, закаты на Лене, белые ночи Верхоянска, дым лесных пожаров в устье Алдана, падь Чучур-Мурана, ощутил «дикий аромат» оранжево-жёлтой морошки – ягоды тундры, окунулся в удивительные олекминские озера в высоких горах, питаемые только влагой туманов и облаков...

*Есть озёра в горах, удалённые
От кипучего мира страстей.
В каменной груди углублённые,
Недоступные взорам людей.
Не тревожит их влагу хрустальную
Ни ручьи, ни струи родников,
И глядят на поверхность зеркальную
Только звёзды и очи орлов...*

Драверт – поэт-пейзажист. Но его пейзажная лирика менее всего похожа на «чистую лирику» поэтов, уходивших в мир природы, чтобы не знать бед и горестей окружавшей их реальной жизни. Вот он говорит о закате солнца над Якутском:

*За горы, далёкие горы
Далёкое солнце садилось,
Темнели деревьев узоры,
И сердце с какою-то болью
Мучительно билось...
За горы, далёкие горы
Кровавое солнце садилось...*

А вот перед нами начало зимы на Вилюе:

*Это – вовсе не ночь! Это – вдумчивый день,
Углубленный в себя, заостривший свой внутренний взгляд.
Величавые ели свою тёмно-синюю тень
Положили на снег и вершинами в небо глядят...*

.....
*Ветер скрыл за горами живую струю,
Но ведут разговор в перелеске седые кусты...
Нет! Не ночь опустила гнетущую руку свою.
Это день отрицает смертельность ночной темноты!..*

Поэт полюбил не только природу, но и людей, живущих в этих краях, и тех, кто стал невольным пленником Якутии. Ссылным посвящены его стихотворения «Забывшие могилы», «Еврейской девушке», «В подземелье». Глубоким чувством симпатии и любви к коренным жителям Якутии отмечены стихотворения П. Л. Драверта «Вечер в ала-рах», «Среди бадаранов», «Самоедскую девушку с круглым лицом», «Из якутских мотивов», «Танец тунгусов», как воспоминание о неведомых тайнах таёжных племён, детей суровой природы, сохраняет непосредственность художественного восприятия, не утрачивая при этом точности детализации вплоть до этнографических подробностей:

*Желтеют в просветах ветвей урасы.
Танцуют, сомкнувшись в кольцо, тунгусы,
Кружась на поляне широкой;
И бьётся о груди столетних дерев
Унылый, протяжный и странный напев –
Эхекай – охокай!..*

В якутских стихах П. Л. Драверта этнографические черты, экзотика северного быта и нравов не заслоняют живого человеческого чувства. В любви лирического героя к якутской девушке нет и тени снисходительности «белого» к «туземке», это стихи о серьёзном и глубоком чувстве равных людей:

*Слились в моём воображенье
И ты, и край тебе родной...*

Звучит как песня и легко запоминается стихотворение «Из якутских мотивов». Фольклорное начало поднимает его до высот народной поэзии:

*От моей юрты до твоей юрты
Горностая следы на снегу.*

*Обещала вчера навестить меня ты, -
Я дождаться тебя не могу ...*

.....
*От юрты твоей до юрты моей
Голубой разостлался дымок.
Тень собаки черна, а на сердце черней,
И на двери железный замок.*

В стихотворении «Колымские термы» Драверт затрагивает тему назначения и роли поэта. Он говорит, что поэт должен быть сродни горячему ключу, струящему непрерывно «потоки вод живых».

Поэзия была для П. Л. Драверта естественным продолжением его научной деятельности. Он вносил в неё опыт и любознательность учёного, обогащая тем самым изобразительные и познавательные средства искусства. Он говорил о безграничных возможностях человеческой мысли, проникающей в тайны вселенной. Он любовался многоцветьем драгоценных камней, которые под его пером излучали не только свет, но были одухотворены и согревали какой-то особой теплотой:

*Как дивно играет опал драгоценный! –
В нём солнечный блеск и отливы луны;
В нём чудится жизни поток переменный
И тихая прелесть ночной тишины...*

Большое место в поэзии П. Л. Драверта занимает тема преемственности миров, вечного круговорота материи, движения и обновления жизни: «Движется все в безграничном кругу мироздания...». Ничто не пропадает и не исчезает в мире бесследно. Тают, попав в земную атмосферу, глыбы космического льда, чтобы отразиться «в плодах земли родимой». Точно так же оставляет свой след на земле и «падающая звезда», космическая гостья, влетевшая в земные пределы и сгоревшая в воздушных глубинах. Но только непосвящённому кажется, что она упала, врезалась в песок на дне морском. Нет, она вспыхнула и сгорела «в далёкой немой высоте, доступной пока только смелой мечте...»

*...Угасла недаром: в бесчисленный круг
Её закатившихся прежде подруг
От Космоса некая часть попадет,
Включаясь на веки в земной оборот...
Пусть будет не долгод твой жизненный путь,
Но можешь и ты лучезарно сверкнуть,
Оставив живущим волнующий след,
Строитель, художник, учёный, поэт!*

В стихах П. Л. Драверга бьётся живое сердце поэта, для которого явления природы раскрывают свои тайны тому, кто познаёт и наблюдает их. Они вызывают на размышление, заставляют думать о своём месте и признании на земле.

Издав сборник «Под небом Якутского края», П. Л. Драверт как бы родился заново, обрёл себя на диких тогда берегах Лены, Вилюя, Олекмы, во встречах и общении с местными жителями Якутии. Даже просторы Якутии – громадность расстояний, космическая грандиозность явлений северной природы – бурь, гроз, ледоходов, необыкновенная могучесть рек и бескрайние просторы тайги, величавость горных хребтов и сочная зелень долин – всё это не могло не сказаться на возникновении у ссыльного учёного и поэта совершенно иного отношения к науке и поэзии, понимания глубоких взаимосвязей между различными процессами, протекающими в природе и в человеке.

Петру Драверту принадлежит несомненная заслуга в том, что он укреплял возникшие ранее и устанавливал новые связи доброй дружбы русских с малыми народностями севера, нёс традиции этих народностей в русскую культуру и знакомил русского читателя с бытом и нравами северных народов.

Стихи Драверга выдержали проверку временем. Они не потеряли своего значения и в наши дни, когда в Якутии, не раз воспетой и исхоженной им вдоль и поперёк, происходят гигантские изменения. И в новых условиях творчество Драверга остаётся действенным. Оно помогает лучше понять и полюбить якутскую природу, её красоту и особенности, познакомиться с бытом и нравами народов Якутии.

Список литературы:

1. Беленький Е. Поэт земли и звезд. // Драверт П. Незакатное вижу я солнце. – С. 9
2. Драверт П. Стихотворения. // – С. 47
3. Егоров П. И. Русские писатели о Якутии: часть 1 – Якутск; 1981 г.
4. Мостахов С. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии. – Якутск, 1982 г. – С. 68
5. Пестерев В. И. История Якутии в лицах. – НКИ «Бичик», 2001 г. – С. 129
6. Пособие по географии Якутии. – Якутск, 1993 г. – С. 41-44
7. Фояков И. И учёный, и поэт... // Литературная газета. 1968.

5 июня

8. Харитонов Н.И. Кемпендяй – чудо природы. – Мирный, 1992 г. – С. 6-7
9. Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». № 9 2002 г.
- 10, 11. Ресурсы сети Интернет.

Сноски:

1. Драверт П. Л. Сибири // Драверт П. Л. Северные цветы. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – С. 9
2. Там же – С. 35.

Книга как феномен культуры

Выставки в Императорской Академии художеств в середине XIX века: по материалам фонда редких и ценных книг ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Выставки в залах Академии художеств всегда были волнующим событием в культурной жизни Петербурга. О них долго толковали, многие интересные наблюдения-размышления тех времён сохранились на страницах дореволюционных журналов, являющихся важным документом исторической действительности. На основании фондов ОГОНБ имени А. С. Пушкина можно утверждать, что омская публика читала «Отечественные записки», начиная с 1847 года, «Современник» – с 1850 г. Совокупность статей о выставках в Академии художеств, опубликованных в данных журналах за 1847-1860 годы, является предметом нашего внимания.

Статьи о выставках представляли собой своеобразные *хроники*, написанные «добросовестными любителями» искусства [7, 73]. Авторы статей чувствовали всю свою несостоятельность в момент повествования о том явлении, которое в полной мере не было подвластно словесной форме изъяснения: «[...] описание не может передать той поэзии, которая составляет достоинство другого искусства живописи [...] у каждой картины свой фокус, с которой только и можно обнять её цельность» [3, 61]. Выставки надо было видеть, а не читать о них обзоры, которые, по мнению В. П. Боткина, были любопытны лишь художникам, а публика вряд ли читала «скучные» отчёты: «[...] наши мёртвые слова совершенно бессильны передать и этот блеск красок, и эту непреодолимую прелесть колорита, и эту живую целостность впечатлений [...]» [7, 82]. Но для омской публики эти журнальные публикации о выставках в Академии художеств были важным отголоском той жизни, которая в разных формах «перетекала» из центра в сибирскую провинцию. С этими «описаниями» выставок был знаком Ф. М. Достоевский в момент его пребывания в Омске (1850-1854); думается, именно тогда писатель оценил значимость подобных «фрагментов» культурной жизни для отдалённых регионов России, ибо сам в 1861 г. предложил для широкой публики свою статью «Выставка в Академии художеств за 1860-1861 год», опубликованную в журнале «Время».¹

Статьи о выставках в Академии художеств свидетельствовали о начальном этапе зарождения художественной критики в России: «Пересмотрите в журналах все статейки о выставках, начиная с письма Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» до наших дней: все они свидетельствуют о совершенном младенчестве вкуса, незнании, чего требовать от художника» [1, 167]. Незрелость эстетического образования в обществе проявлялась в крайностях суждений (либо чрезмерные похвалы, либо обидные приговоры). Хроникёры выставок пытались фиксировать многоголосье «толпы любителей» искусства, что в значительной мере и предопределило форму журнальных публикаций: с одной стороны, они представляли собой в жанровом отношении фельетон, с другой стороны, в них проявлялись элементы критической статьи, в которой утверждался ясный, не лишённый ригоризма, голос «добросовестного любителя» искусств, стремившегося провозгласить себя руководителем эстетического вкуса в обществе.

Любопытное наблюдение о выставке 1853 года оставил В. П. Гаевский. Не без иронии он заметил тот факт, что в момент открытия выставки «за один месяц» «деловой» Петербург вдруг неожиданно преобразился в «артистический», все в обществе только и делали, что говорили об искусстве; само это «брожение» Гаевский назвал «официальным дилетантизмом», когда «искусство» стало на краткий миг предметом либо «тщеславной роскоши», либо «минутным удовольствием», либо одним из способов развеяться «от скуки» [6, 82]. Позже П. М. Ковалевский назовёт этот «официальный дилетантизм» «художественным раутом» [9, 363]. В этих условиях журнальные статьи о выставках в Академии художеств явили собой достойный противовес «пошлым» толкам публики, которая на протяжении 11 месяцев проявляла полное «равнодушие» к жизни искусства, а за месяц, пока была открыта выставка, стремилась высказать массу поверхностных суждений.

Выставки в Академии художеств и публикации о них в журналах ставили перед обществом на новом уровне два извечных вопроса:

- 1) что такое творчество, каковы пути развития искусства;
- 2) трагизм судьбы художника в современном мире.

I. Многие авторы статей отмечали странный факт: порой картина выпускника Академии обладала совершенством отдельных элементов (как правило, выделяли высокое качество рисунка), но в целом она оставляла впечатление «мертвой природы». О выставке 1847 года

1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в Т. 19 – Л., 1979. – С.151-168

В. В. Стасов писал: «Большинство художников обращают внимание на знание анатомии, на строгость рисунка [...], но много ли таких любителей, которых бы взяла охота идти смотреть картину потому только, что на ней хорошо оттенены мускулы?» [2, 58]. Стасов был один из первых критиков, кто поставил проблему о полупустых залах в Академии художеств в конце 1840-х годов: среди посетителей большей частью были люди, которые приходили на выставку «не в видах развития ума и сердца», а просто «равнодушно» посмотреть работы русских художников. Стасов вопрошал: «Отчего же такая безучастность?» [2, 58]. И сам же отвечал: «[...]большая часть произведений, носящих на себе печать таланта и трудолюбия, не обратила на себя внимания публики преимущественно потому, что содержание, выбранное художниками, не соответствовало современной потребности [...]» [2, 59]. Эту мысль на новом уровне в 1850 году продолжал развивать А. Н. Майков. Он подверг критике «мнимый стиль» академической школы, уничтожающий индивидуальность художника: высокий стиль провозглашался лишь в условной красоте рисунка, при этом «грация, наивность, истина, мысль, чувство и оригинальность были поглощены стилем [...] почти во всех академиях Европы исчезла «манера» – почти все писали одинаково» [3, 60].

В основании академической школы были заложены теории Менгса и Винкельмана, Майков по этому поводу замечал: «[...] теории недолговечны и только путают там, где должны быть два-три общие правила» [3, 60]. По его мнению, современному художнику необходимо было придерживаться следующих положений: 1) «внутреннее содержание сюжета должно определять характер его внешнего исполнения»; 2) художник обязан глубоко понимать свой предмет; 3) он должен творить по «вдохновению», в «минуту духовного просветления», когда картина не перед художником, а в художнике, когда он её чувствует, когда ею владеет: «[...] тайна организма художественного произведения – не копия частей, сложенных механистически в целое, не мозаика, не сколок», сначала художник должен сотворить «в своём воображении картину», а затем призывать натурщиков [1, 170]; «наши молодые художники – хорошие живописцы, но не поэты [...], у нас столько копистов природы и так мало творцов» [8, 29]. Устанавливая определенные положения, которыми должен был руководствоваться современный художник, Майков одновременно критиковал творчество Пуссена, являвшегося для академической школы эталоном высокого чистого стиля: Пуссен «считается великим мастером, но отчего картины его, хотя и

правильны, строги, однако ж крайне холодны», в них нет печати примитивизма, внезапности, нет движения в самом создании, кругом лишь восковые фигуры, сознательно расставленные» [1, 170].

Таким образом, в обзорах о выставках в середине XIX века появляется критика академической школы со стороны тех деятелей культуры, которые изнутри знали все тонкости жизни Академии художеств (А. Н. Майков – сын академика Н. А. Майкова, исторического живописца; В. В. Стасов – сын академика В. П. Стасова, знаменитого архитектора). Но то, что в 1847-1850-х годах будет заявлено в мягкой, порой в завуалированной форме со множеством оговорок, уже в 1858 году прозвучит прямо, резко, категорично: «искусство для искусства – анахронизм»; «искусство призвано преображать жизнь; письмо с натуры – это ограничение» [8, 26-27]. Этой жёсткой, во многом поверхностной критике ещё в 1855 году противостоял В. П. Боткин: «Таланты от Бога, и разумеется никакие Академии в мире не в силах создавать их, но хранить чистоту вкуса, чистоту классических преданий, хранить святыню правды и естественности в искусстве – вот в чём заслуга нашей Академии и благотворность её влияния на русскую школу живописи. Искусство есть результат долгой и многосторонней жизни государства» [7, 73]. Боткин, размышляя над выставкой 1855 года, писал о том, что почти во всех картинах религиозного характера совершенно отсутствовала «идеальность»: «Ничто так не вредит произведениям, почерпывающих своё содержание из самых возвышенных сфер души человеческой, как впадение в рутину. В самом деле, если для произведения хорошего пейзажа нужно глубокое чувство природы, то сколько нужно другого, более высшего чувства для представления божественных или боговдохновенных образов? Неужели божественность изображаемого образа должна состоять только в условном представлении его? При таком воззрении этот род живописи бесспорно делается самым легким» [7, 80]. Боткин провозглашал Академию художеств как высшую форму жизнедеятельности искусства, единственным врагом её была рутинность (механистичность).

В обзорах о выставках в Академии художеств сохранились высказывания относительно творчества следующих художников и скульпторов: **1847** – Моллер, Брюллов, Риццони, Горецкий, Майков и др.; **1850** – Ставассер, Сорокин, Мореншильд, Шопен, Штейбин, Зарянко, Чернецовы, Федотов и др.; **1851** – Сорокин, Тимашевский, Дузи и др.; **1852** – Нефф, Штейбен, Венецианов, Зацепин, Ксенофонов, Бронников, Волков, Риццони, Чернышев, Ставассер; **1855** – Айвазовский, Лагорио, Горавский, Майков, Пименов, Штром, Саврасов; **1858** – Филлипов,

Попов, Шильдер, Волков, Перов и др.; 1860 – Зарянка, Калам, Эрасси, Мещерский, Лагорио, Трутовский, Худяков, Чернышёв и др. Обычно в каталогах выставок были представлены от 200 до 400 художественных произведений. Несмотря на то, что большое внимание критики уделяли разбору картин исторической живописи, жанровой, портретной, значительное место в обзорах занимали размышления о пейзаже. Об этом свидетельствовала талантливая статья А. Н. Майкова «Выставка картин г. Айвазовского в 1847 г.», в которой высказывалось искреннее удивление «подвигом» Айвазовского, решившегося «одному выставить» в залах Академии свои произведения. Майков тонко описал особенности южного и северного пейзажей, определил манеру Айвазовского, объяснил природу популярности картин А. Каламы в России.

II. О судьбе выпускников Академии художеств критики не раз размышляли в своих обзорах о выставках. Главный вопрос, который задавался, как правило, в риторических интонациях, звучал так: почему «по блистательному экзамену художника нельзя предсказать ничего определённого о его будущем»? Кто виноват, что финал жизни многих выпускников Академии художеств трагичен? В обществе встречались две противоположные точки зрения. Хроникёр выставки 1851 года заявлял: «[...] никакая академия в Европе не может похвалиться такими блистательными ученическими выставками, как наша за последние десять лет [...] Вооружив питомца своего всеми средствами для дальнейшего его развития, она представляет его самому себе – и тут уже сам художник виноват перед собою, перед своим талантом, перед академией и отечеством, если не переработал самостоятельно ту пищу, которая, как мать, питала академию» [4, 118-119]. Совсем иной взгляд на проблему высказал П. М. Ковалевский: «Что такое, в самом деле, художник в Петербурге? [...] Учеником, он был собственностью академии, исполнителем ее дисциплины [...] Он был подчиненный всякого академического чиновника [...] Если он был благоденствен и поздравлял кого надо с праздниками – ему давали золотую медаль [...]» [9, 365]. Золотая медаль обеспечивала поездку в Рим, а это давало возможность в будущем открыть свою собственную мастерскую, о которой грезил каждый художник. Ковалевский подчёркивал, что социальный статус художников (большинство самых даровитых молодых людей приходило пешком из сёл и «уездных городишек») лишал их возможности быть свободными, а ведь именно свобода творчества предопределяла благополучный исход жизнедеятельности художника. Но даже эта проблема была не столь губительна для художника. Ковалевский, едва ли не первый, с журнальной трибуны попытался объяснить следующее: «[...] во

всяком обществе встречаются чиновники и офицеры, встречаются писатели, иной раз учёные, но никогда, или почти никогда не встречаются художники. Обречённые, за весьма немногими исключениями, самим складом жизни на какую-то отчуждённость, они остаются в стороне от общего движения [...] Отчуждение художников от общества отчуждает с тем вместе и общество от правильного художественного развития [...]» [9, 366-367].

Статьи о выставках в Академии художеств на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки» представляют собой важный документальный источник, сохранивший для нас драматизм художественной жизни России в середине XIX века. Важно отметить, что омичи были сопричастны к этим культурным событиям, ибо имели возможность читать о них в 1840-1850-е годы.

Список литературы:

1. Майков А. Н. Выставка Картин г. Айвазовского в 1847 г. // Отечеств. зап. – 1847. – № 4. – С. 166-176 (паг. 2-я)
2. Стасов В. В. Годичная выставка Академии художеств и разные размышления по этому поводу // Отечеств. зап. – 1847. – № 11. – С. 51-61 (паг. 6-я)
3. Майков А. Н. Выставка в Императорской Академии Художеств // Отечеств. зап. – 1850. – № 11. – С. 58-74 (паг. 2-я)
4. В Императорской Академии Художеств в 1851 г. // Отечеств. зап. – 1851. – № 12. – С. 115-138 (паг. 2-я) Трёхгодичная Выставка в Императорской Академии Художеств (Письма в провинцию) // Отечеств. зап. – 1852. – № 11. – С. 78-83 (паг. 8-я)
5. Майков А. Н. Большая выставка в Императорской Академии Художеств. Октябрь 1852 // Современник. – 1852. – № 11. – С. 77-86 (паг. 3-я)
6. Гаевский В. П. Годичная выставка в Императорской Академии Художеств // Современник. – 1853. – № 11. – С. 81-84 (6-я паг.)
7. Боткин В. Выставка в Императорской Академии Художеств. Октябрь 1855 // Современник. – 1855. – № 11. – С. 73-82 (паг. 2-я)
8. Выставка в Академии Художеств // Отечеств. зап. – 1858. – № 5. – С. 26-30 (паг. 5-я)
9. Ковалевский П. О художествах и художниках в России (по поводу выставки в Петербургской Академии Художеств) // Современник. – 1860. – № 10. – С. 363-382 (паг. 2-я).

Особенности коллекции старопечатных книг научной библиотеки ОмГУ имени Ф. М. Достоевского

Фонд редкой книги ОмГУ им. Ф. М. Достоевского существует менее десяти лет, поэтому коллекция старопечатных книг, входящих в него, представляет собой сравнительно небольшое собрание. В целом раздел книжных памятников насчитывает 111 единиц хранения, однако большая часть памятников датируется XIX веком. Известно, что хронологические рамки применения термина «старопечатная книга» не совпадают в разных странах, и часто издания XIX века не относят к старопечатным. Поэтому мы рассматривали только самую раннюю часть коллекции – книги XVIII века. Это 12 книг: 8 – на русском и 4 – на иностранных языках.

XVIII век в истории отечественной книжной культуры явился переломным этапом, когда «оформлялись черты культуры нового времени, которому принадлежим и мы...» [2; 14]. Изменение внешнего облика и внутреннего наполнения русской книги в этот период было стремительным, коллекция даёт нам возможность увидеть начало этого процесса и его завершение.

Во главе коллекции старопечатных книг – «Арифметика» Л. Магницкого. Это издание, стоящее на стыке книжной культуры Средневековья и Нового времени. От Нового времени в нём – содержание, оригинальное, непередаваемое, которое, к тому же, гораздо шире и богаче названия [1, 115]. От Средневековья – форма. Книга содержит 657 страниц. При печати использован традиционный полуустав, оформление в две краски (красную и чёрную). Страницы обрамлены рамками из наборных украшений, небольших гравюр, текст иллюстрирован рисунками и чертежами. Титульный лист и переплётная крышка у данного экземпляра не сохранились.

Обращает на себя внимание обилие предисловий и послесловий религиозно-учительного характера к разделам «Арифметики», что вполне соответствовало многовековой традиции русской книжности. Автор явно заботился не только о научном содержании своего труда, но и о его воспитательном воздействии. В предисловии к учебнику содержатся рассуждения о том, что деятельность человека делится на две сферы: «внутреннюю», связанную с религией, и «внешнюю» (свет-

скую). В области внешней сферы, как пишет автор, человек должен обогащать свой разум науками, в особенности математикой.

Необычно выглядит применение стихотворной формы в подаче материала. Таблица сложения, например, заканчивается такими виршами:

*Къ двумь единь то есть три
Два же къ тремъ пять смотри
Такъ и все назирай
Таблицу разбирай (и т. д.)*

Учебник, вводящий в активный оборот арабские цифры, имеет нумерацию страниц по старому образцу – буквами кириллицы. Ещё один архаизм – сплошной пагинации нет, она дана по разделам. Поэтому и система ориентации в учебнике несовершенна и ещё неудобна для читателя. Оглавление, например, выглядит так:

*Арифметика практика листъ а
Что есть арифметика листъ той же
Книга первая листъ той же на вбороте и т. д.*

Все задачи по арифметике, геометрии, тригонометрии, включённые в учебник Магницкого, даются с полным решением, что позволяло использовать его как самоучитель и делало его поистине «вратами учёности». Учебник Магницкого хорошо иллюстрирует процесс становления научного стиля на русской почве. Он только начинает складываться, о чём говорят многочисленные латинские термины, после которых даются русские дублеты: аддицию (сложение), субтракцию (вычитание), мультипликацию (умножение). Символы умножения, деления, извлечения корней в этом учебнике ещё не используются.

В XVIII веке шло формирование новых для нашей культуры типов изданий, которые способствовали изменению внешнего облика, композиции книги, способов её художественного оформления. Таковы четыре книги коллекции ОРК научной библиотека ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, написанные в жанре «описание научного путешествия». Первой по времени вышла книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» в двух томах в 1755 году, однако в коллекции представлено не это, а более позднее издание 1786 года. Самостоятельное научное и художественное значение имеют иллюстрации к книге, изготовленные и награвированные И. Э. Гриммелем и И. А. Соколовым по зарисовкам участника экспедиции И. Х. Беркмана. Книга включает карты, виды сибирских городов, изображения животного мира Камчатки, зарисовки этнографического характера.

В этом же жанре написаны сочинения двух учёных немецкого происхождения, работавших в Российской империи по приглашению императрицы Екатерины II: «Путешествие по России для исследования трёх царств природы» С. Г. Гмелина и «Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук» П. С. Палласа, соответственно 1777 и 1786 года издания.

Книга русского путешественника, военного и краеведа Николая Рычкова «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.», не уступающая по своему научному уровню трудам академика Палласа, содержит описание рельефа, геологии, речной сети, флоры, фауны, народностей киргиз-кайсацкой степи. Есть в ней и описание Омской крепости.

Одна книга по истории – «Русская летопись по Никонову списку». Она содержит летопись событий Древней Руси по Никоновскому списку – крупнейшему памятнику русского летописания XVI века. Названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из списков. Все эти книги напечатаны гражданским шрифтом. Неотъемлемым элементом книг является титульный лист, совершенствуются справочно-вспомогательный и научный аппараты изданий, появляются деление текста на главы и параграфы, разъяснения терминов, списки опечаток.

Особого внимания, на наш взгляд, из российских изданий XVIII века заслуживает книга «Экономический магазин» 1781 года как издание принципиально нового типа. Книга, изданная в типографии Н. Н. Новикова, является ярким примером того, как в рассматриваемый период шёл поиск формы взаимодействия автора с читательской аудиторией. Издательский проект Новикова имел просветительскую направленность и ставил цель познакомить читателя с новейшими достижениям в области ботаники, а именно с системой классификации растений К. Линнея. Понимая, однако, что внимание читателя вряд ли можно будет удержать только одними научными сведениями, автор развлекает их разнообразными практическими советами на все случаи жизни, интересными сведениями из зарубежных печатных изданий. Причём интересно, что соотношение научной части и занимательной можно представить как 1 к 8.

Автор, преследуя две цели (просветительскую и практическую), балансирует на грани двух образов, разных по статусу по отношению к читателю – учёный-наставник и друг-собеседник. В главах

научного характера автор стремится быть максимально понятным и не-утомительным. Он подробно объясняет каждый свой шаг в метатекстовых вкраплениях: *Приступлю теперь к главному моему намерению..... Сего о листьях будет довольно, теперь пойдём далее..... А теперь на время обращаюсь к другим предметам.*

Автор неоднократно просит извинить его за многословие, оправдывает выбор предмета изложения. Например:

Но как материя сия для многих может быть еще скучнее будет первой и для них вовсе не надобна, то за нужное нахожу всех таковых просить мне сие отпустить [2,3]; отпустите мне, что я избрал сию материю [2,63].

С оговорками и извинениями подаётся именно главная по замыслу научная часть книги, в то время как прочие сведения, довольно пёстрые по своему характеру (о чёрном дереве, растущем на острове Мадагаскар; о способах выведения пятен; об устройении лабиринтов; о том, как избавить гусей от поноса пр.), не вызывают у автора никаких сомнений в их уместности и полезности.

В тексте неоднократно использованы средства адресации, не совсем типичные для книжной коммуникации: *Любезные мои сограждане! Государи мои! Публика!* Кроме того, две главы написаны в форме писем к читателю. В письмах используется обращение к обобщённому образу читателя – *Любезный мой приятель!* и имеется подпись, как и положено в эпистолярном жанре: *Ваш покорный слуга* и *Ваш верный друг*. Само же содержание этих глав-писем ничем не отличается от содержания других глав ненаучного характера: в одной, – даются советы по истреблению тараканов, в другой, – описываются способы устройства грядок. Подчёркнуто уважительное отношение к читателю проявляется в форме советов и наставлений, которые чаще реализуются в безличных конструкциях с использованием модальности долженствования или в солагательном наклонении (а не в прямой императивной форме).

Например: *надлежит ее сохранять; терном надобно запастись летом; можно иногда выезжать в леса, лучшие всего для спаржи заготовлять дикую землю: советовал бы я употребить...*

Некоторые формы обращения к читателю выглядят манерно изысканными: *я всех усердствующих пользе общественной и что-нибудь верное относящееся до сего пункта заприметивших науусерднейше к тому сим и приглашаю (2,118).*

Для материалов, помещённых в «Эконмическом магазине», характерна разностильность. С одной стороны, явно представлен науч-

ный стиль, с другой, – публицистический, эпистолярный. В авторских вкраплениях слышны отголоски литературного сентиментализма – стиля, которым увлекался автор книги – известный помещик-агроном А. Болотов. Имени автора, однако, в самой книге найти нельзя, хотя имена цензора и издателя указаны на титульном листе. Объясняется это, как нам кажется, тем, что А. Болотов не считал себя единоличным автором всех включённых в книгу материалов, а выступал всего лишь составителем сборника («магазина»).

О том, что подобные сборники с разнообразными сведениями научного и практического характера были востребованы у читателей XVIII века, свидетельствует ещё одно издание на русском языке – «Академические Известия на 1779 год». Эта книга подобна «Экономическому магазину», но написана более сухим и наукообразным языком.

Появление в XVIII веке принципиально новых типов изданий способствовало формированию в России и новой читательской аудитории, и иного способа издательско-полиграфической организации книги. Хотя следует отметить, что жанр такого политематического сборника не закрепился в отечественной книгоиздательской практике.

Из четырёх экземпляров книг на иностранных языках три написаны на французском, одна – на английском языках. По содержанию – это художественные произведения (2 экз.) и книги по истории (2 экз.).

Западноевропейская книжная культура, как известно, в рассматриваемый период приобрела законченность и совершенство в тематическом разнообразии и полиграфическом исполнении. Это видно и по упомянутым экземплярам. Титульные элементы книг (характерные особенности их оформления, порядок расположения текста), справочный аппарат изданий имеют практически современный вид.

Таким образом, ценность коллекции старопечатных книг в библиотеке ОмГУ им. Ф. М. Достоевского определяется не числом, а своеобразием её экземпляров, а также доступностью уникальных изданий для преподавателей и студентов университета.

Список литературы:

1. Галанин Д. Д. Леонтий Филиппович Магницкий и его «Арифметика». Вып. 2. – М., 1914
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) – СПб., 1994
3. Поздеева И. В. Современные методы описания старопечатных изданий. – М., 1990.

Филиграни на бумаге Октоиха 1638 г. из коллекции старопечатных книг Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина

В государственных фондах Омской области хранится 14 книг кирилловского шрифта XVII века, из них 7 экземпляров находятся в Омском государственном историко-краеведческом музее. В нашем регионе среди книг кирилловского шрифта издания XVII века являются самыми древними.

Одним из способов определить время издания древних недатированных или дефектных книжных памятников является выявление такой дополнительной информации, как маркировки производителей бумаги книжного блока (филиграней). Полученные сведения используются не только для решения атрибуционных задач, но и для подтверждения подлинности датированных книг. В предлагаемой работе представлены маркировки производителей бумаги Октоиха 1638 г. – экземпляра из собрания Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина [1]. Но, прежде чем будет представлен результат исследования бумаги, хочется упомянуть всех исследователей, составивших и опубликовавших научно-библиографические описания книжных памятников, находящихся на территории Омской области.

Первым исследователем старопечатных книг в Омске стала Людмила Филипповна Хапова, старший научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея, работавшая в отделе истории досоветского периода с 1971 по 1993 годы. В своих публикациях в 1993 и 1994 годах она дала краткую характеристику коллекции старопечатных книг из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея [2]. Коллекцию историко-краеведческого музея с 2002 года начала исследовать и давать подробное научно-библиографическое описание Раиса Алексеевна Шанёва, старший научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея. Продолжая изучать коллекцию старопечатных книг музея, Раиса Алексеевна знакомит читателей с результатами исследований на страницах ежегодного научного сборника «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» [3]. Книгами кирилловского шрифта XVII века с 2006 года занимается зав. отделом «Центр книжных памят-

ников» Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина Лариса Григорьевна Пономарёва [4]. Цель её работы – формирование сводного каталога книг кирилловского шрифта из книгохранилищ Омского Прииртышья с предоставлением аннотированного описания. Каждый книжный памятник исследователь рассматривает как сложную структуру с максимально полным воспроизведением информации. В методико-библиографическом материале, изданном в 2012 году библиотекой, представлено такое описание одной книги – Октоих (1638) [5]. В этом же материале есть краткая характеристика остальных книг из государственных фондов.

Если собрание книг кирилловского шрифта XVII века в государственном фонде Омской области с 2006 года увеличилось только на три единицы, то в частные коллекции книжные памятники поступают ежегодно (от населения и через Интернет-магазины) [6]. В вышеназванном материале Л. Г. Пономарёвой даётся краткая характеристика некоторых изданий из частных коллекций. Старший научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля Людмила Георгиевна Чебоксарова с 2010 года публикует материалы по изучению и исследованию рукописных и печатных книг кирилловского шрифта из частных коллекций в сборниках научных конференций «Декабрьские диалоги» [7]. На последней музейной конференции Людмила Георгиевна сделала сообщение о коллекции старопечатных изданий кирилловского шрифта XVIII века из собрания редкой книги данного музея. Исследование бумаги старопечатных книг, представленных на музейной конференции, провела автор статьи. Кроме этого, автор выявляет маркировки бумажных производителей на всех книжных памятниках кирилловского шрифта XVII века из государственных фондов Омской области. Ниже представлены филигранные одной исследованной книги – Октоиха 1638 года издания.

В Историческом архиве Омской области находится опись церковных книг Воскресенского собора г. Омска, среди которых указан и Октоих. Местонахождение книги в настоящее время неизвестно, однако самый древний в нашем регионе экземпляр Октоиха, изданный в 1638 г. типографией Московского Печатного двора, был куплен библиотекой у жителя нашего города. По историческим сведениям в первой половине XVII века Московский Печатный двор использовал бумагу только иностранных фабрик и закупал её у разных производителей малыми партиями. На бумаге омского Октоиха выявлены филигранные нескольких иностранных бумажных фабрик. Больше всего в книге бумаги, мар-

кированной филигранью под общепринятым названием «Страсбургская лилия»[«Strasburg lily»]. Второй по количественному составу обнаружена бумага, маркированная филигранью под названием «Герб Страсбурга»[«Strasburg bend»]. Филигранные иностранные фабрики на бумагах отечественных документов XVII века опубликованы в справочниках «Изыяснение знаков, видимых в писчей бумаге» К. Я. Тромонина, «Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения» А. А. Герасимовой, «Филигранные XVII века. По рукописным источникам ГИМ. Каталог» Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной, «Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – начала XX веков» С. А. Клепикова, «Филигранные на бумаге сибирских документов XVII – XVIII вв.» В. А. Есиповой. К сожалению, многие названные издания являются библиографической редкостью, в связи с этим пока не удалось просмотреть справочник К. Я. Тромонина.

Кроме иностранной бумаги, в Октоихе выявлено несколько листов с филигранями русских производителей второй половины XVIII века. Бумага была использована для ремонта повреждённых листов в блоке и прикрепления блока к крышкам [форзацы]. В книжном блоке есть два вклеенных листа с рукописным текстом. Один лист бумаги с филигранью голландского производителя конца XVIII века ([1нн] 2-я фол.), другой – русского производителя середины XVIII века ([1нн] 3-ей фол.). Учитывая различие почерков на двух листах, можно предположить, что они могли быть вставлены в блок в разное время.

Ниже в таблице приведены филигранные бумаги, использованные при переплёте и непрофессиональной реставрации Октоиха. В таблице указаны каталожные номера и справочники, в которых опубликована аналогичная филигрань. Для краткости указана только фамилия автора справочника. Перечень использованных справочников для идентификации филиграней дан в конце статьи.

В приложении представлены фотографии (рисунки) филиграней. Под ними даны их описания, количество в книге, справочник, в котором есть аналогичная филигрань, и каталожный номер из справочника. В том случае, если филигрань Октоиха идентична знаку из справочника, то степень близости не указывается, если же наблюдается только композиционное сходство, то степень близости отмечается словом «сходен». В таблице степень схожести не указана, так как филигранные в книге представлены в основном во фрагментарном состоянии.

Филиграни бумаг русских и иностранных фабрик XVIII века
(бумага, использованная при переплёте и реставрации Октоиха (1638))

№	филигрань	нахождение бумаги в книге	расшифровка литер филиграни	справочник, каталожный номер (дата)
1	17.. / РФСЯ	Форзацы, бумага для ремонта листов книжного блока	Российская фабрика Саввы Яковлева	Есипова № 187 (1787), № 206 (1785, 1788); Клепиков-1959 № 535 (1780, 1781); Клепиков-1978 № 698 (1783, 1784), № 699 (1783).
2	[Я]ФЗ / Герб Ярославля	Лист с рукописным текстом, вклеенный в блок([1нн] 3-ей фол.)	Ярославская фабрика Затрапезнова	Есипова № 194(1738-1754); Участкина (Монумент) № 20(1747)
3	Ф Возможно, это буква филиграни с литерами: 1)КФНХ/1789 или КФПХ/1776 2) БФСБ/1791	Бумага для ремонта листов книжного блока	1)Красно- сельская фабрика Николая или Петра Хлебниковых. 2) Бумажная фабрика села Бурца	1] Участкина (Монумент) № 342(1789), № 344 (1800), № 345 (1776); 2] Лихачёв № 3588 (1791)
4	П(?)	Бумага для ремонта листов книжного блока	—	—
5	C&IНоіс	Лист с рукописным текстом, вклеенный в блок([1нн] 2-я фол.)	Голландский производитель Хониг	Есипова № 119 (1788); Лауцявичюс № 2866 (1780), № 2867 (1764)

Подводя итоги исследования материального носителя книги, можно сказать, что филиграни Октоиха 1638 г. из собрания Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина подтвердили время издания книги, дали дополнительную информацию о переплёте и о времени непрофессиональной реставрации книги. Также были выявлены филиграни, не включённые в альбомы отечественных исследователей бумаг и документов XVII века (см. фото 1.2; 6.2; 8; 11; 13).

Автор статьи выражает искреннюю благодарность фотографу Марку Михайловичу Фрумгарцу, сделавшему фотоотпечатки и

фотографии филиграний, и члену Сибирской геральдической коллегии Евгению Николаевичу Журавлёву за помощь в описании филиграний.

Список справочников, использованных для идентификации филиграний на бумаге Октоиха 1638 г. из ОГОНБ имени А. С. Пушкина:

- ♦ Гераклитов А. А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. – М., 1963. – 260 с.
- ♦ Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филиграния XVII века. По рукописным источникам ГИМ: Каталог. – М., 1988. – 247 с.
- ♦ Есипова Е. А. Филиграния на бумаге сибирских документов XVII – XVIII вв. – Томск, 2005. – 210 с.
- ♦ Briguet C.-M. Les filigranes. Dictionnaire historique des Margues du Papier. Vol. I – IV. Leipzig, 1923 (репринтное изд. 1991 г.)
- ♦ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – начала XX вв. – М., 1959. – 306 с.
- ♦ Клепиков С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII – начала XX вв. – М., 1978. – 238 с.
- ♦ Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV-XVIII в. – Вильнюс, 1979. – 578 с.
- ♦ Лихачёв И. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I – III. – СПб., 1899
- ♦ Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII c. and their Interconnections. Amsterdam, 1935. 430 с.

Сноски:

1. Атрибуция книги была проведена к. ф. н., заведующей отделом «Центр книжных памятников» ОГОНБ им. А. С. Пушкина Ларисой Григорьевной Пономарёвой.

2. Хапова Л. Ф. Рукописные и старопечатные книги в собрании Омского историко-краеведческого музея // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – 1993. – № 2. – С. 26-30. Хапова Л. Ф. О коллекции редких книг Омского историко-краеведческого музея // Третьи Макушинские чтения [Омск]. – Новосибирск, 1994. – С. 218-220.

3. Шанёва Р. А. Коллекция старопечатной литературы в фонде редкой книги ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2002. № 9. – С. 139. Шанёва Р. А. Кириллическая книга XVIII века из коллекции ОГИК музея // Там же. 2006. № 13. –

С. 71-75. Шанёва Р. А. Старообрядческие кириллические книги из фонда редкой книги ОГИК музея: Материалы к каталогу // Там же. 2003. № 10. – С. 63-75. Шанёва Р. А. Книга кириллической печати XVII века в собрании ОГИК музея // Там же. 2011. № 16. – С. 153-160. Шанёва Р. А. Книги из Омского Воскресенского собора в собрании ОГИК музея // Там же. 2012. № 17. – С. 160-165. Шанёва Р. А. К атрибуции книжного памятника «Маргарит» 1641 г. из фондов ОГИК музея // Там же. 2014. № 19. – С. 149-152.

4. На первом этапе Л. Г. Пономарёва работу по изучению старопечатных книг выполняла в рамках реализации проекта «Книжные редкости Омского Прииртышья в культурном пространстве России» (Грант Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства, 2006 г.).

5. Омское собрание книг кирилловского шрифта XVII в.: методико-библиограф. материалы / сост. Л. Г. Пономарёва, – Омск, 2012. – 86 с.

6. Октоих (1638) закуплен ОГОНБ, Маргарит (1641) из фонда ОГИК музея (из ранее неатрибутированных), ещё одну книгу конца XVII века в настоящее время закупает БУК «Омский музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля».

7. Чебоксарова Л. Г. «Учительное евангелие конца XV – начала XVI вв.». Из опыта исследования рукописного документа // Декабрьские диалоги: материалы Всерос. научной конференции памяти Ф. В. Мелехина, 16-17 дек. 2010 г. / ООМИИ им. М. А. Врубеля; науч. ред. Ф. М. Буреева. – Омск, 2012. – Вып. 14. – С. 60-64. Чебоксарова Л. Г. «Маргарит». Памятник древнерусской литературы // Декабрьские диалоги: материалы Всерос. (с международ. участием) научной конференции памяти Ф. В. Мелехина, 20-21 дек. 2011 г. / ООМИИ им. М. А. Врубеля; науч. ред. Ф. М. Буреева. – Омск, 2012. – Вып. 15. – С. 7-10. Чебоксарова Л. Г. Кормчая книга. Из опыта исследования памятника кириллической печати XVII века // Декабрьские диалоги: материалы Всерос. (с международ. участием) научной конференции памяти Ф. В. Мелехина, 4-5 дек. 2012 г. / М-во культуры Омской обл.; ООМИИ им. М. А. Врубеля; СФ РИК М-ва культуры РФ; Омский филиал ИАИЭ СО РАН; науч. ред. Ф. М. Буреева. – Омск, 2013. – Вып. 16. – С. 37-40. Чебоксарова Л. Г. «Жезл правления» Симеона Полоцкого. Из опыта исследования памятника кириллической печати XVII века // Декабрьские диалоги: материалы Всерос. (с международ. участием) научной конференции памяти Ф. В. Мелехина, 3-4 дек. 2013 г. / ООМИИ им. М. А. Врубеля; науч. ред. Ф. М. Буреева. – Омск, 2014. – Вып. 17. – С. 49-52.

**Забытый сборник стихотворений.
К истории дружбы поэтов Георгия Маслова
и Леонида Мартынова (Омск, 1919)**

Тема настоящего доклада возникла в связи с изучением истории культуры Сибири времен гражданской войны (1918-1922). Обращение к мемуарной прозе Л. Н. Мартынова позволило выявить немало интересных фактов из жизни Белой столицы и вспомнить один из значительных эпизодов биографии нашего выдающегося земляка – встречу с петроградским поэтом Георгием Масловым.

Поводом для их знакомства послужила книга, редко вспоминаемая в наши дни и по сути забытая. Это поэтический сборник «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус», выпущенный в Петрограде издательством «Огни» в 1917 г. Небольшое (20,8 x 14,5 см) изящное издание, одетое в двухцветную обложку работы художника Д. Митрохина, включает 96 страниц. В числе его авторов – О. Мандельштам, А. Блок, А. Ахматова, З. Гиппиус, А. Белый, И. Северянин, И. Бунин, Д. Мережковский, М. Кузмин. Опубликованы в нём и три стихотворения Г. Маслова («Не нам весеннее безумье...»), «Урожай сберём хороший...», «Не к буйному безумству плоти...»).

В новелле «Наша библиотека» Л. Н. Мартынов с сожалением пишет о книгах, «которые действительно исчезли, потерялись, ушли из библиотеки ещё в Омске» [1]. Среди них стихотворный сборник, который поэт ошибочно называет «77 современных поэтов». Возможно, что эта книга, которую листал 14-летний питомец Омской мужской гимназии Леонид Мартынов, обнаружится в библиотеках Омска или собраниях местного библиофила.

В основу настоящего доклада легла мемуарная проза Л. Н. Мартынова. Книга его новелл-воспоминаний «Воздушные фрегаты» является лишь частью мемуарного цикла. В 1960-1970 гг. поэт работал над автобиографической книгой воспоминаний, задумывая назвать её «Стоглав». Однако время и цензура не позволили напечатать все главы одновременно, потому последовательность глав была нарушена. Первый сборник новелл «Воздушные фрегаты» вышел при жизни поэта (М.: Современник, 1974), дополнил его тремя новеллами 3-й том собрания сочинений Л. Н. Мартынова в 3-х томах (М.: Художественная

литература, 1977), второй сборник «Черты сходства» издан уже после его смерти (сост. В. В. Сякин; М.: Современник, 1982) и, наконец, в издании «Дар будущему: Стихи и воспоминания» (сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова; М.: Вече, 2008) были напечатаны все остальные новеллы книги «Стоглав». При подготовке выступления привлечены также архивные документы, периодика, мемуары современников Маслова и Мартынова, публикации исследователей их творчества.

После 1919 г. Мартынов упоминает имя Маслова в поэме «Арлекинад» [2] и очерках [3], но именно мемуарные новеллы «Пушкинист и футурист» и «Домик на колёсах», написанные в 1960-е гг., раскрывают историю их дружбы и содержат высокую оценку поэзии Маслова. Согласно требованиям советской цензуры и соблюдая необходимую осторожность, Мартынов в новелле «Пушкинист и футурист» намеренно демонстрирует свою мальчишескую «большевистскую» линию поведения: признание в дружбе с колчаковцем и тем более его воздействие на своё формирование, значило наклеить на себя беду. При этом Мартынов насыщает текст стихами Маслова и, чувствуется, – наслаждается их красотой и совершенством. Несколько завуалированное изложение событий, чередование их с малозначительными деталями характерно для новеллы «Домик на колёсах». Прочитанные в свете современной социально-политической идеологии и снятых запретов, мемуары позволяют по-новому взглянуть на события тех дней. Они дают возможность почувствовать заключённый между строк скрытый смысл, осознать глубину и силу искренних чувств подростка Мартынова.

Студент историко-филологического факультета Петроградского Императорского университета Георгий Владимирович Маслов (1895-1920) в марте 1917 г. уехал в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание. Из-за этого он не окончил обучение, хотя его хотели оставить при кафедре русской литературы. В 1918 г. он участвовал в формировании антибольшевистских добровольческих отрядов в Симбирске, осенью вместе с отступающими военными частями добрался до Омска. Поступил рядовым в армию Колчака [4]. Пребывание Маслова в Омске было периодом наивысшего расцвета его поэтического таланта. Он публикует поэму «Аврора», издаёт пьесу «Дон Жуан». Его стихи появляются в газетах «Сибирская речь», «Заря», «Наша газета» и журналах «Единая Россия» и «Отечество». В одном из номеров последнего издания было напечатано стихотворение «Урожай сберём хороший...» из сборника «Восемьдесят восемь современных стихотворений».

Оказавшись вдали от дома, беженцы стремились в Омске обре-

сти круг единомышленников. Они формировали сообщества, которых до сих пор не было в городе. Ведущее место среди таких объединений принадлежало созданному в декабре 1918 г. под крылом омского отдела «Союза Возрождения России» литературно-художественному кружку. Его заседания проходили в здании Союза кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» на Гасфортовской улице (сейчас – К. Либкнехта). Председателем кружка стала московская журналистка Л. Кирьякова. В числе участников – местные и приезжие писатели, поэты, журналисты, искусствоведы. Л. Арнольдов, С. Ауслендер, А. Булдеев, А. Венедиктов, А. Воцакин, Г. Вяткин, Б. Денике, Вс. Н. Иванов, В. Кирьяков, Г. Маслов, Н. Каменский, А. Оленич-Гнененко, Н. Подгоричани, И. Славнин, Ю. Сопов, А. Сорокин, Е. Шамурин, Н. Шестаков, В. Язвицкий – вот далеко не полный перечень посещавших заседания кружка, который в прессе иногда называли «Единая Россия». Не было бы ошибки именовать его «Зелёная лампа». Языковед Б. Горнунг рассказывал, что это название идёт от кружка, образованного в Царском Селе поэтом Г. Масловым в предреволюционные годы и возрождённого им в первые годы революции в Омске [5].

Из воспоминаний журналиста Л. Арнольдова «... самым талантливым среди нас был Георгий Маслов: душа этого юного поэта, почти мальчика, который молод был даже для своей студенческой тужурки поверх защитных галифе, отошла в небытие в страданные дни отступления от Омска.

Маслов скончался в Красноярске, от сыпного тифа. Звезда его таланта и года не горела на небосклоне омского Парнаса, но он успел все-таки напечатать поэму «Аврора», его стихи печатались в лучших омских газетах и потом несколько лет перепечатывались... в газетах Харбина и Владивостока. Прирожденный мастер стиха, нежно и трепетно влюбленный, в тридцатые годы прошлого века он был бы украшением всероссийского литературного Пантеона, если бы не кровавая революция, не знавший пощады сыпняк. Парнасец и пластик, Георгий Маслов вдохновенно собирал мед с цветов русской поэзии. Юноша с едва пробивающимся пухом на верхней губе, он был уже не «начинающим» и «подающим надежды», а законченным мастером» [6].

Встреча Леонида Мартынова с Георгием Масловым произошла летом 1919 г. Перед летними каникулами классный наставник попросил Леонида принять участие в сборе книг для формирования госпитальных библиотек. Объявление с призывом пожертвовать для раненых и больных воинов деньги, табак, бельё и книги появилось в одноднев-

ной газете «День солдата», выпущенной 4 августа Отделом Печати при управлении делами Российского правительства [7]. Отсюда становится известным и место приёма литературы: Гасфортовская улица, дом «Треугольника», то есть напротив бывшего дома Страхового общества «Саламандра», куда в это время временно перебазировалась Омская мужская гимназия. Первый этаж здания знаменитой Российско-Американской резиновой фирмы «Треугольник» занимал госпиталь, в кабинетах второго размещались различные учреждения. Книги приносили, как пишет Мартынов, в «некую бывшую лавку», то есть в какое-то небольшое подсобного характера помещение. Пройдя сегодня через мрачную длинную проездную арку в правой части фасада, попадаешь во двор и прямо перед собой видишь кирпичную одноэтажную постройку с несколькими закрытыми дверями на фасаде. За одними из них и могла находиться упомянутая лавка – пункт для сбора книг.

Здесь среди книг Георгий Маслов увидел любознательного гимназиста, погружённого в чтение повести Михаила Кузмина «Крылья». Перед ним лежал сборник «Восемьдесят восемь современных стихотворений», указав на который, Маслов не преминул заметить, что в нём есть и его стихи. В беседе выяснилось, что образованный начитанный подросток знаком с поэзией Кузмина, Блока, Маяковского, знает и стихи самого Маслова. Поэт горячо рекомендовал забрать книгу себе и вообще взять всё, что нравится, добавив при этом: «Знаете, всё равно эти книжки пойдут в прорву! Всё пойдет в прорву! Культура гибнет!» [8]. Мартынов последовал совету и особенно дорожил этим сборником.

Встреча с первым настоящим поэтом произвела на Леонида сильное впечатление, и весь следующий день он провёл в городской библиотеке, где тщательно просмотрел все комплекты газет со стихами Георгия Маслова. Молодые люди часто встречались, приходили друг к другу домой. Их маршрут был короток. Этим путём, миновав два квартала от дома Мартынова на Никольском проспекте (Красных Зорь), за три минуты можно пройти и сейчас. Маслов жил на Каинской улице (ныне – Успенского), между Варламовской (Декабристов) и Степной. Улица в самом центре города сохранилась, наряду с новыми кирпичными постройками стоят и старые деревянные дома. Сложно, однако, определить точно, в каком из них, в цоколе (полуподвале) снимал квартиру рядовой колчаковской армии Маслов. Нетрудно представить, насколько интересными были для Мартынова рассказы студента петроградского университета, участника Пушкинского семинария и университетского «Кружка поэтов». Во время их дружеского общения, происходившего в

августе – начале ноября, поэт много писал и публиковал стихи в местной периодике. Мартынов читал их одним из первых. Так было, например, со стихотворением «Парижанину» [9] и пьесой «Дон Жуан». В ней Маслов предложил Леониду сыграть роль пажа в спектакле, который должен был быть представлен публике в день открытия литературного кабаре «Берлога» на 1-м Взвозе (сейчас – ул. Краснофлотская, дом не сохранился) [10].

Надо полагать, что во время встреч и бесед затрагивались политические темы. Маслов имел твёрдую антибольшевистскую позицию. Как всякий русский интеллигент, он тревожился о судьбе России, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесён её духовным ценностям. Эти настроения выражались в его творчестве. Мотивы отчаяния и безнадежности, неизменно отмечавшиеся Мартыновым в стихах поэта, усилились к лету 1919 г., – времени неудач Белой армии на фронтах.

Последний раз друзья встретились ноябрьским вечером, когда перед отступлением колчаковской армии на восток, Маслов забежал попрощаться. Позднее Леонид узнал, что заразившийся в пути сыпным тифом, он был снят с поезда в Красноярске, где умер в городской больнице 14 марта 1920 г.

Думается, не без влияния дружбы с Масловым Леонид решил в начале 1920 г. оставить гимназию, ставшую теперь, при новой власти, Единой трудовой школой с её революционными, часто примитивными лозунгами. «Да, я бросил учиться, считая школу скучной и надеясь больше на себя, чем на моих доброжелательных, но перепуганных педагогов» (курсив мой – И. Д.), – напишет позднее Мартынов, не объясняя идейных причин ухода [11]. Книжный мальчик, знаток русской и зарубежной литературы, к тому же всегда отличавшийся стремлением к независимости, он не принял новых правил, в том числе и новой орфографии, к которой долго и с трудом привыкал [12]. Отношение поэта к реформам в гимназии проскальзывает в воспоминаниях. Пример тому – история с появившимся благодаря революции в гимназическом классе сыном ломового извозчика Никифорова, грубо однажды оскорбившим учительницу французского языка мадемуазель Кучевскую. «Этот мрачный, с лицом в оспинах, мальчик прекрасно понимал свою историческую роль», – иронически замечает Мартынов и завершает историю его недолгого пребывания в стенах гимназии предположением, что он ушёл, вероятно, в красногвардейцы [13].

Видимо, поздней весной Леонид получил из Красноярска письмо,

извещавшее о смерти Георгия Маслова [14]. Имя автора письма – сибирского прозаика и журналиста Евгения Филипповича Иванова – стало известно из новеллы «Домик на колёсах» [15]. Заручившись поддержкой А. П. Оленича-Гнененко, в трудное и опасное время Мартынов отправляется в Красноярск. «Мне было пятнадцать! Все казалось в порядке вещей! Пропуска, удостоверения, запреты, кордоны не имели никакой власти надо мною, не мешая моей творческой натуре формироваться так, как она формировалась», – вспоминает Мартынов [16]. Евгений Иванов рассказал о долгом, мучительном отступлении на восток, показал стихи, написанные Масловым в пути – из цикла «Путь во мрак», «Беженку», особенно восхитившую Леонида. Вернувшись в Омск, он встречается с подругой Маслова Таней Соловьёвой, вместе с которой вспоминали поэта и читали его стихи. В таком общении духовная связь с Масловым для Леонида не прекращалась. В это время у него возник замысел поэмы, посвящённой памяти друга, – «Арлекинада» [17]. Возможно, её Леонид прочитал московским «сибирякам», участникам омского литературно-художественного кружка, с которыми встретился весной 1922 г. в столице. «В гостях у Николая Шестакова я застал большое застолье <...> за столом собрались тонкие любители литературы, которые отличали суету сует от истинно прекрасного, недаром за столом главенствовал известный искусствовед, профессор Борис Петрович Денике», – вспоминает поэт [18]. Для подтверждения этого действительно состоявшегося заседания важна краткая дневниковая запись Б. П. Денике в 1922 г.: «В мае вечер памяти Маслова» [19].

В русле влияний Маслова на мировоззрение юного Мартынова – отношение к личности адмирала А. В. Колчака. Оно убедительно выражено в его стихотворении «Воздушные фрегаты», пронизанном тревогой и торжественной печалью [20]. В 1922 г. стихотворение было опубликовано в «Сибирских огнях», по понятным причинам – без указания на посвящение адмиралу и в изменённом варианте. Верховный правитель Колчак содействовал появлению в Томске первого Института исследования Сибири (1919) – прообраза Сибирского отделения Российской Академии наук. Цель его формирования – проведение научных изысканий в интересах развития региона, организация экспедиций, координация и учёт научных исследований и разработок на территории Сибири [21]. Этим значительным эпизодом сибирского периода биографии военного и политического деятеля можно объяснить появление у Мартынова строк, о которых известно из протоколов Дела «Сибирской бригады»: «Колчак сказал: «Здесь скот, руда, / Экономическая база. /

Здесь Атлантида...» [22]. «Можно ли говорить об апологии Колчака в юношеской лирике Мартынова? Я не вижу таких оснований, ибо фактический литературный материал отсутствует. Даже если сделать допущение, что в 1919-1920 гг. фигура адмирала воспринималась им романтически («сильный человек»), то *уже к середине 20-х гг.* (курсив мой – И. Д.) поэт вспоминает о нём достаточно равнодушно, на уровне меланхолической констатации, и не более», – пишет С. Н. Поварцов [23].

Есть мнение, что в оценках личности Колчака следует учитывать время, в которое они появились, и требования советской цензуры.

Воспоминания о Георгии Маслове останутся для Леонида Николаевича дорогими до конца жизни. Была ли их дружба обоюдно плодотворной? Для юного Мартынова, – безусловно. Влияние петроградского поэта-неоклассика сказалось и в его профессиональном становлении. Отсюда обращение к традиционным поэтическим жанрам (сонет, триолет, баллада), ориентация на крупные эпические формы [24]. Но для Маслова? Думается, ответ тоже положителен. Неожиданная встреча в чужом сибирском городе с образованным, начитанным гимназистом, согревали отчаявшееся сердце поэта, и, может быть, в его душе тогда вспыхнул луч надежды на то, что гибель культуры смогут остановить такие талантливые молодые люди.

История дружбы двух поэтов, начинавшаяся со стихотворного сборника Серебряного века, хранит забытые страницы культурной летописи Омска. В наполненном большим социальным содержанием стихотворении 1921 года «Мы футуристы невольные» Мартынов писал о драматическом времени своего отрочества: «Разве что только под лупами / Станет оно видней...». Такая возможность в наши дни появилась, а это значит, что для читателя откроются новые грани творческой биографии Мартынова и его первого литературного наставника поэта Георгия Маслова.

Список литературы:

1. Мартынов Л. Н. Наша библиотека // Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания / Сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова. – М., 2008. – С. 599
2. Мартынов Л. Арлекинад (1920–1922). Публикация Г. А. Суховой-Мартыновой // Книжное обозрение. 1990, 2 ноября
3. Мартынов Л. Отставшие // Рабочий путь, 1927. 3 апреля. – С. 5; Мартынов Л. Поэты в стане Колчака // Рабочий путь. 1929.

13 января. – С. 4; См. также рукопись «Поэты в стане Колчака. ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 217. Л 2, 3, 5

4. Дьяконова Н., Дьяконов М. Забытая поэма забытого автора // Нева. 2006, № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/3/d21.html>. (дата обращения: 6.09. 2014)

5. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. – М., 1988. – С. 218. Омские литературные собрания 1919 г. получили своё продолжение в советской Москве, о чём осенью 1922 г. Б. П. Денике записал в дневнике («Он никогда никому не сделал зла...») (Памяти Б. П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей) / Сост. Т. Г. Алпаткина. – М., 2006. – С. 34)

6. Арнольдов Л. В. Жизнь и революция: гроза пятого года. Белый Омск. – Шанхай, 1935. – С. 248-249

7. День солдата (Омск). 1919, 4 августа. – С. 4

8. Мартынов Л. Н. Пушкинист и футурист // Мартынов Л. Н. Черты сходства. – М., 1974. – С. 20-21

9. См.: Наша газета. 1919, 11 сентября

10. Пьеса не была поставлена. О «Берлоге» см.: Сибирская речь. 1919, 16 сентября; Русская армия. 1919, 16 сентября

11. Мартынов Л. Н. Зелёная рука // Л. Н. Мартынов. Воздушные фрегаты. – Омск, 1984. – С. 108

12. Мартынов Л. Н. Россия, верная мечте // Л. Н. Мартынов. Черты сходства. – М., 1974. – С. 31

13. Мартынов Л. Н. Новый Джек // Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. – Омск: Омское книжное издательство. 1985. – С. 136-137

14. Мартынов Л. Н. Пушкинист и футурист // Мартынов Л. Н. Черты сходства. – М., 1974. – С. 30

15. Мартынов Л. Н. Домик на колёсах // Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания / Сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова. – М., 2008. – С. 423.

Евгений Филиппович Иванов родился 12 (24) февраля 1895 г. в селе Шемурша Буинского уезда Симбирской губернии, в семье священника. Учился на юридическом факультете Казанского университета. До Октябрьской революции 1917 г. публиковался в симбирских газетах. С 1920-х гг. сотрудничал в газетах «Красноярский рабочий» и «Советская Сибирь», в штате последней проработал 25 лет. С 1928 по 1929 г. Е. Иванов состоял в группе «Настоящее». Публиковался в журналах «Настоящее», «Сибирь», «Сибирские огни». Автор книг «Рождение Мал-Ха-

дари», «Высота 2222» (1958), «Знакомыми тропами» (1964), изданных в Новосибирске. Член Союза писателей СССР. Писал повести, очерки, фельетоны. Умер 23 декабря 1973 г. в Новосибирске. Литература: Иванов Евгений Филиппович. / Яновский Н. Русские писатели Сибири XX века. Материалы к словарю. – Новосибирск, 1997

16. Мартынов Л. Н. Домик на колёсах // Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания / Сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова. – М., 2008. – С. 423

17. Поэма впервые опубликована в 1990 г.: Мартынов Л. Арлекинад (1920-1922). Публикация Г. А. Суховой-Мартыновой // Книжное обозрение. 1990, 2 ноября. Ряд строф из неё сохранён в поэме «Адмиральский час», опубликованной в журнале «Сибирские огни» (1924, № 5)

18. Мартынов Л. Н. Падшие ангелы // Мартынов Л. Н. Дар будущему: Стихи и воспоминания / Сост. Г. А. Сухова-Мартынова, Л. В. Сухова. – М., 2008 – С. 406

19. «Он никогда никому не сделал зла...» (Памяти Б. П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей) / Сост Т. Алпаткина. – М., 2006. – С. 36

20. Центральный архив ФСБ России. Р-35052. Дело «Сибирской бригады». Протокол допроса Мартынова Л. Н. от 17 марта 1932 г. (*Автор благодарит Г. А. Сухову-Мартынову за возможность ознакомиться с копиями документа*)

21. Соскин В. Л. Институт исследования Сибири // Энциклопедия Сибири. URL: <http://russiasib.ru/institut-issledovaniya-sibiri/> (дата обращения: 19. 09. 2014); Колчак и его связь с Томском в период Гражданской войны // Александр Васильевич Колчак. Материал из Товики – томской вики. URL: <http://towiki.ru/view> (дата обращения: 19. 09. 2014)

22. Цит. по: Поварцов С. Н. Вакансия поэта // Сын Гипербореи. Книга о поэте / Отв. ред. С. Н. Поварцов. – Омск, 1997. – С. 61

23. Поварцов С. Н. Вакансия поэта // Сын Гипербореи. Книга о поэте / Отв. Ред. С. Н. Поварцов. – Омск, 1997. – С. 79

24. Поварцов С. Н. Над рекой Тишиной. – Омск, 1988. – С. 42.

Первая поэтическая книга, изданная в Омске

(Н. В. Феоктистов. Стихи, 1913)

Обратившись к известному библиографическому справочнику – Русские поэты XX века. Материалы для библиографии./ Сост. Л. М. Турчинский. – М., Знак, 2007 – мы составили список поэтических книг, изданных в Омске с начала XX века до 1917 года:

1. Феоктистов Николай. Стихи. – Омск: тип. «Печатное искусство», 1913. – 64 с. Тир. 300 экз.

2. Булатов Павел. На экране памяти. Поэма. Сон. – Омск, 1915.

3. Колчин М. Песни войны: Стихи: посвящается доблестным сибирским стрелкам. – Омск: изд. Автора, 1915. – 22 с. – 1000 экз.

4. Мокринский Георгий. Сумерки: сборник стихотворений. 1912-1914. – Омск. Худ. тип., 1915. – 24 с. – 1000 экз.

5. Оленич-Гнененко. Война. Мир. Отклики сердца. Омск: тип. Иртыш, 1916. – 35 с. – 1000 экз.

6. Янков Николай. «Накануне»: стихотворения. /Предисл. А. Сорокина. – Омск: изд. П. Н. Сорокина, 1915. – 40 с. – 1000 экз.

7. Сопов Юрий. Сказка прошлого лета. – Омск: Аргус, 1917. – 15 с.

8. Вяткин Г. Алтай. Лирика. – Омск: Сибирское солнце, 1917.

В фондах Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского хранится три книги из данного списка: сборники Феоктистова, Сопова и Вяткина.

О Георгии Вяткине и его творчестве написано уже довольно много, издано его собрание сочинений; Юрий (Пётр) Сопов в последнее время также вызвал интерес сибирских исследователей, а вот имя Николая Феоктистова находится в забвении. Между тем, в Литературном музее хранится уникальный архив этого сибирского литератора, журналиста, общественного деятеля. Кроме того, Николай Васильевич Феоктистов, также как и П. Л. Драверт, А. С. Сорокин, А. Е. Новосёлов, является юбиляром этого года. 13 декабря (по старому стилю) исполняется 130 лет со дня его рождения.

Н. Ф. Феоктистов родился в 1884 году в городе Змеиногорске Алтайского края в семье почтово-телеграфного служащего. Учился в семипалатинской мужской гимназии, из 8-го класса которой был исключён за организацию забастовки.

С 1906 года начинает службу в газетах корректором, литературным сотрудником «Семипалатинского листка», «Омского телеграфа» и «Сибирской жизни». Публикует в газетах и свои стихи. В 1913 году в омском издательстве «Печатное искусство» вышла первая и единственная поэтическая книга Н. Феоктистова «Стихи». Эта же книга стала первым авторским поэтическим сборником, изданным в Омске.

Г. Н. Потанин сообщал в письме М. Г. Васильевой: «Омский поэт Феоктистов поднёс мне книжку своих стихов, напечатанных в Омске. Это первые омские рифмы [1].

Во время гражданской войны Н. В. Феоктистов работал в омской газете «Революционная мысль», был редактором органа Совета казахских депутатов «Вольный казак». В 1918 году был арестован за большевистскую направленность газеты и приговорён к расстрелу, но ему удалось совершить побег из омской тюрьмы. С 1920 года Н. В. Феоктистов вернулся к литературной деятельности. Обладал яркими организаторскими способностями, создавал писательские организации, вокруг него группировались молодые поэты Л. Мартынов, П. Васильев, Е. Забелин, С. Марков, В. Казин, И. Ерошин. В 1932 г. в Москве была издана книга «Песни киргиз-казаков», поданная как переводы с казахского П. Васильева, Л. Мартынова, С. Маркова и Н. Феоктистова, на самом деле туда вошли оригинальные стихи поэтов. Своим первым редактором с благодарностью называли Феоктистова писатели Сергей Марков, Кондратий Урманов, Николай Анов и др.

Во время Великой Отечественной войны Николай Васильевич находился в эвакуации в Самарканде, затем переехал в Москву. Умер в 1950 г.

Книга Феоктистова «Стихи» представлена в скромной однотонной обложке и являет собой образец шрифтового оформления книги, характерный для сибирских изданий конца XIX – начала XX века. Цветная обложка и хорошая бумага для неё стоили недёшево, и, видимо, только это обстоятельство повлияло на внешний вид книги молодого поэта. Просматривая материалы архива Феоктистова, можно предположить, что он тщательно готовил свою книгу стихов, придавая значение и её оформлению, и подбору текстов.

Это был человек стиля, который заботился о своём внешнем виде: на фотографиях мы видим импозантного мужчину, одетого в безупречный костюм, кончики его пышных усов красиво закручены вверх. Личные вещи также говорят о тонком стиле владельца: позолоченное пенсне в кожаном футляре, курительная трубка с наконечником в виде

головы Мефистофеля, личные печати и рукописная книга стихов в кожаном переплёте, с портретом владельца и со вложенными между страниц засушенными цветами...

В фонде А. С. Сорокина мы обнаружили письмо художника В. Эттеля, где он сообщает адресату, что одновременно с письмом высылает бандероль с рисунком на обложку к стихам Николая Феоктистова [2]. Письмо не датировано, но можно предположить, что рисунок готовился именно к этому сборнику. Однако по каким-то причинам рисунок Эттеля на обложку книги Феоктистова не попал. С какими трудностями приходилось сталкиваться сибирским писателям при издании своих книг, можно узнать, например, из переписки Георгия Вяткина. 17 марта 1912 года он сообщал из Томска московской поэтессе А. А. Чумаченко: «О моём сборнике лучше не спрашивайте, с ним неблагоприятно. Во-первых, название «Ручьи под снегом» не понравилось моим тупоголовым издателям, и пришлось остановиться на «Под северным солнцем». Во-вторых, типография завалена срочными предпраздничными работами, и из шести листов книги пока напечатано три. Затем не нашлось хорошей бумаги для обложки, и придётся одеть мою новую дочку во что-нибудь безвкусно провинциальное, выписывать что-нибудь лучшее из столицы невозможно за отсутствием лишних денег и за дальностью расстояния» [3].

Есть предположение, что Феоктистову помог напечатать книгу редактор-издатель газеты «Омский телеграф» Иосиф Маркович Познер. Феоктистов был не только секретарём и автором этого издания, сотрудника и редактора связывали приятельские отношения. В фонде Феоктистова хранится тетрадь с начатыми воспоминаниями «Страницы жизни», где автор успел рассказать много интересных подробностей о предпринимательской деятельности Познера [4].

Издание Н. В. Феоктистова имеет многие признаки не просто сборника, но концептуально оформленной книги стихов [5], хотя автор и не относится к поэтам-модернистам, а является типичный представителем массовой поэзии. В книге присутствует рамочный комплекс, открывается она авторским стихотворным посвящением: «Тем, кто делил со мной страданья, / И грусть, и радость, и мечты, / Кому знакомо обаянье / Любви, добра и красоты... / С любовью посвящаю» и вступительным стихотворением, которому предпослан эпиграф из М. Ю. Лермонтова. Весь массив текстов собран в 4 раздела, обозначенных римскими цифрами, без заголовков. Датировка под стихотворениями отсутствует. В книге встречаются элементы циклизации, названные автором «отрывками из поэмы».

Каждому разделу соответствует определённый мотивный комплекс. В первый раздел выделено 13 стихов, посвящённых сибирской природе, с говорящими названиями: «В степи», «На Иртыше». Во второй раздел (12 стихов) вошли преимущественно любовная лирика и тема города. Третий раздел состоит из элегических размышлений на темы одиночества творческой души, её непонятости в жестоком мире, тоски, недостижимости счастья. Сюда вошли стихи, написанные под влиянием декадентской поэзии. Не случайно здесь появляется эпитафия из стихотворения Д. Мережковского (это единственный случай использования автором эпитафия из произведения модерниста). Эпитафией к соседнему стихотворению даны строки, авторство которых Феоктистов ошибочно приписал Ф. Ницше, но позже, уже после выхода книги из печати от руки исправил ошибку, указав вместо Ницше Я. Полонского: «Пришли и стали тени ночи...». Последний раздел, самый маленький по числу текстов – всего шесть, пронизан мотивами возрождения, победы, обретения свободы, надеждами на светлое будущее. Четыре стихотворения из шести имеют характерные заглавия: «Освобождение», «Человек», «В обители», «Маяки» и написаны всё в той же традиционной поэтической манере образца 1880-х годов.

Сравнение сборника с рукописной книгой из фонда Феоктистова позволяет проследить за тем, как автор работал над созданием книги. Рукописный сборник также открывается посвящением, обращённым к читателям. Далее следуют два эпитафия из П. Якубовича и М. Лермонтова, затем массив текстов, разделённый на две больших части, обозначенных цифрами. В книге 223 страницы, все они заполнены. В первом разделе содержится 60 стихотворений, во втором – 102. Датировка стихотворений и указание на место написания начинается не сразу, а с 70-й страницы. Крайние даты – 1905-1911 годы, стихи записаны в хронологическом порядке, есть следы правки.

В печатный вариант книги вошло всего 34 стихотворения из 45 опубликованных. Автор не просто воспроизвёл написанные в разное время тексты, а провёл с ними значительную работу: во многие из стихов внесена серьёзная правка, сокращены целые строфы, сняты или добавлены заглавия. Тексты для книги подбирались не по хронологии, а по содержанию.

Сборник Н. В. Феоктистова стал первой и единственной поэтической книгой, хотя стихи он писал на протяжении всей жизни. Сегодня она стала библиографической редкостью. Например, Дом антикварной книги «В Никитском» (Москва) в нынешнем году выставил на аукцион

экземпляр книги Феоктистова с дарственной надписью С. М. Городецкому как редкость. Цена продажи составила 19 000 рублей [6].

Данный экземпляр книги раскрывает ещё одну страницу в биографии Н. В. Феоктистова. В последние годы своей жизни он дружил с Сергеем Митрофановичем Городецким. В музейном фонде сохранились два письма Городецкого, адресованных Феоктистову в 1946 г. и 1950 г. [7]. Из их содержания следует, что Феоктистов помогал Городецкому вступить в Союз писателей, а это было в те годы непростым делом:

«13 ноября 1946 г. Москва.

Дорогой друг. Спасибо за письмо и советы. Через несколько часов после его получения Райком отказал мне. Позвони об этом Сергею Алекс. Басову-Верхоянцеву и Чалой и передай мою благодарность и извинение за неоправданную мной рекомендацию. Мне тяжело сделать это самому. Мотивы: 1. мало работ 2. много воздерженцев при голосовании в Союзе 3. неучастие в общественной работе Союза (я вел ее в Большом). Очень прошу ничего дальнейшего не предпринимать: Райком по-своему прав.

Целую тебя. Сергей».

Дружба связывала Н. В. Феоктистова и с П. Л. Дравертом. Они печатали свои стихи в одних и тех же сибирских газетах, всегда принимали активное участие в литературной жизни того края, в котором проживали, занимались с молодёжью. Познакомились они, скорее всего, заочно, в 1910-х годах. В фонде Феоктистова хранятся два портрета П. Л. Драверта: первый – на почтовой открытке с дарственной надписью на обороте: «Николаю Васильевичу Феоктистову на добрую память от Петра Драверт. Казань, 3 IV 1914», второй – более поздний, недатированный, его можно отнести к 1920-м гг. [8]. Есть также один редкий групповой снимок, на котором в 1927 году запечатлены инициаторы создания первого в Сибири литературного музея: Н. В. Феоктистов, П. Л. Драверт и профессор-историк Г. В. Круссер [9]. Среди писем, адресованных Феоктистову, находим письмо Драверта от 15 марта 1931 г. из Омска, он спешит поздравить друга с 25-летием литературной деятельности... [10].

В личной библиотеке П. Л. Драверта, хранящейся в фондах ОГОНБ имени А. С. Пушкина, сохранился ещё один уникальный экземпляр сборника стихов Н. В. Феоктистова. Его авантитул украшает

не просто дарственная надпись автора, а рукописное стихотворное посвящение в форме сонета:

*От одного из тех, кому судьба Сибири,
Как матери судьба любимой дорога,
Кто любит, как и ты, ее немые шири
И девственные белые снега...*

*Прими мой труд, как весточку привета
Из дорогой тебе, покинутой страны,
Где песнь твоя звучит, теплом любви согрета,
Во дни уныния, тоски и тишины...*

*Но скоро уж весна! И зыбь седых туманов
С твоих любимых снежных байдаранов
Улыбка солнца сгонит навсегда –*

*И зародятся радостные шири...
И для закованной страдальицы-Сибири
Настанет новый день – свободы и труда...*

2 февраля 1914 г.
г. Омск

Список литературы:

1. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка / Сост. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 418 с. – С. 392
2. ГИАОО. Ф. 1073. Д. 373. Л. 96-97.
3. Вяткин Г. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т.5 – Омск: Кн. изд-во, 2007. – С. 284
4. Фонды Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского. ОЛМ 21/92
5. О. Лекманов. Русская поэзия в 1913 году. Часть 1. // Новое литературное обозрение. 2013, № 119
6. URL: <http://vnikitskom.com/ru/antique/auction/38/15153/> (23.11.2014)
7. ОЛМ 341/7,8
8. ОЛМ 21/215, 11
9. ОЛМ 21/226
10. ОЛМ 341/1.

Об одном уникальном экземпляре

(поэма Юрия (Петра) Сопова «Сказка прошлого лета»

в фонде Омской государственной областной научной библиотеки
имени А. С. Пушкина)

Юрий (Пётр Иванович) Сопов (1897-1919) – талантливый российский поэт конца Серебряного века. В его трагической судьбе ярко и глубоко отразились общественные потрясения первой четверти XX века и, особенно, самое страшное из них – гражданская война. Родился в Омске, но вскоре семья переехала на Дальний Восток, точнее, в Маньчжурию, на КВЖД, где и прошло почти всё его детство. В 1911 г. Юрий вернулся в Омск для продолжения образования, и следующие 8 лет его жизни, до самой трагической гибели, вновь связаны с нашим городом [1]. *Добавим к этому, что нами установлен факт, которому, правда, не помешало бы дополнительное подтверждение, – факт работы Юрия Сопова в 1918 г. в качестве сотрудника в Омской библиотеке имени А. С. Пушкина [2].*

В течение четырёх лет своей короткой творческой деятельности (с августа 1915 по август 1919 г.) он создал не менее 60-ти поэтических произведений, половина из которых так и не была опубликована. В числе произведений (в большинстве – стихотворений) мы встречаем и семь поэм, из которых была опубликована только одна («Сказка прошлого лета»), а вторая («Артур Рембо») была издана фрагментарно уже после гибели поэта. Публикация подготовлена его другом, поэтом Г. Масловым. Пять поэм – «Кирай Шауфайер, или Чёрная река», «Безумие», «Поэма о каблучках», «Лесная поэма», «Печаль осенних закатов» – так и не были опубликованы, причём тексты четырёх последних оказались утерянными, а рукопись поэмы «Кирай Шауфайер» сохранилась в трудновоспроизводимом состоянии. Из всех поэм только «Сказка прошлого лета» вышла отдельной книгой.

Эту поэму Ю. Сопов заканчивал осенью 1917 г. (датой окончания работы обозначено 14 ноября 1917 г.). Вскоре издал её крохотной книжечкой в 15 страниц и совсем небольшим тиражом (видимо, на свои скудные средства). Исходные данные: 1917 г., Омск, издательство «Арус» (реально, кажется, не существовавшее). Эта маленькая и внешне довольно скромная книга очень скоро стала настоящим раритетом. На

сегодня в Омске известно о трёх её экземплярах: в Омском литературном музее им. Ф. М. Достоевского, в семье племянника поэта В. Г. Сопова и в фонде Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина. Возможно, что ещё один-два экземпляра хранятся в частных коллекциях. Кроме того, текст поэмы был опубликован в приложении моей книги «Покушение на Колчака...» [3], вышедшей очень малым, по характерным для нашего времени причинам, тиражом (100 экз.).

Действие поэмы Ю. Сопова «Сказка прошлого лета» происходит летом 1917 г. в Омске с отдельными «экскурсами» в любовные переживания 1916 года.

*Синяя рубашка, лентой опояска;
Дерзкие замашки, смелые хватки,
Детская улыбка, серенькие глазки
И по ветру вьются кудри в беспорядке.
Молодые руки налегли на вёсла,
Выдались рельефно мускулы под тканью...
И забыл тоску я о далёком прошлом
И люблюсь этим огневым созданием...
По волнам, что пляшут в буйной дикой пляске,
Разбивая гребни, вся в дожде из брызг
Мчится наша лодка, точно демон в сказке,
Так что слышен только лишь уключин визг...
На речном просторе дышится так вольно...
Редкий мелкий дождик слабо моросит, -
Это небо плачет, это небу больно,
Это – небо тихо о лучах грустит.
И о берег бьются волны с мерным стоном,
И туманом серым дали облегло,
И звучит контрастом с общим грустным тоном
Наше настроенье, наше торжество.
Радостью победы и сознаньем силы,
Как вином столетним, оба мы пьяны:
Мы себе стихию смерти подчинили,
Мы сломили ярость голубой волны...
И валы седые нас несут покорно,
Точно кто-то с силой их под лодку бросил.
И клубятся гребни пеною узорной*

*От широких взмахов длинных белых вёсел.
Наша лодка мчится, как большая птица;
Я люблюсь милой спутницей своей:
Открывая зубки ласково искрится
Светлая улыбка на губах у ней.
Торжеством сияют серенькие глазки
И целует ветер кудри на лету...
Повести наивной началась завязка,
Жизнь свела на землю светлую мечту...*

В сибирской советской литературной критике отмечалось, что данное стихотворение – яркое свидетельство аполитичности Ю. Сопова, для которого революционные события 1917 года в Омске оказались заслонены любовным романом и связанными с ним личными душевными переживаниями. Так, Е. И. Беленький писал, что поэма «представляет собой лирический дневник, передающий перипетии одного любовного увлечения весны, лета и осени 1917 г. Уже сам факт такого выбора темы для первой, пусть и маленькой пятнадцатистраничной книжечки, – свидетельство о бесконечной отдалённости юного поэта от эпохальных событий времени» [4].

Однако можно рассматривать творчество поэта иначе: поэма Ю. Сопова свидетельствует о том, что и во времена кризисов, революций, социально-политических катаклизмов обычная человеческая жизнь во всех её многогранных проявлениях, и, конечно же, в любви, продолжается, – несмотря ни на что.

Вспомним: ведь и есенинский герой в поэме «Анна Снегина» всё лето и начало осени 1917 г. занят почти исключительно только своей личной жизнью, своими любовными переживаниями, и лишь осень почти неожиданно приносит ему перемену во всём. «Анна Снегина» справедливо считается одной из лучших революционных поэм в российской литературе (но ведь написана она через несколько лет после 1917 года, а поэма Ю. Сопова – осенью 1917 г., в разгар событий, показывая нам этот год не с исторической дистанции в семь лет, а изнутри).

Трудно сказать, кто является прообразом героини поэмы «Сказка прошлого лета». Тут можно только гадать. Из известных «дам сердца» Юрия в 1916-1917 гг. – К. Сулейменова, Ольга Новосёлова. Им он посвящал стихи в 1917 году. Были, наверное, и другие, оставшиеся неизвестными... Он щедро дарил свою нежную привязанность и влюблённость многим. А впереди, в 1918 г., ещё будут: нежная и таинственная

Мая, затем молодая поэтесса Нина (Нино) Подгоричани (в которую они с поэтом Игорем Славным были дружно влюблены), и, наконец, Пелагея Соломинова, которая станет его женой.

«Сказка прошлого лета» – поэма, конечно, не революционная, но она опосредованно отражает тот необычайный подъём массового и личного настроения, сопровождавшийся радостными надеждами и восторженными ожиданиями прекрасного и светлого будущего всех и каждого: то, чем, кроме всего прочего, были наполнены весна и лето 1917 года в России, в том числе и в Омске...

И ещё: в поэме невольно сквозит тревожное ожидание грядущей осени и того нового, необычного, что она с собой принесёт:

*Это было летом, этим светлым летом,
Этим светлым летом, что уже прошло.
Вместе с ярким солнцем и лучистым светом
Мои грёзы это лето унесло...
Пожелтели листья призрачных берёзок;
Стройные осины в пурпурном огне;
Бредовые сказки растворились в прозе;
Серенькие глазки изменили мне.
Синюю рубашку платье заменило,
И укрылись кудри под косыночкой белой,
И меня залётная горлинка забыла,
И на юг далёкий снова улетела...
И опять всё в прошлом, и опять всё в сказках.
И опять томлюсь я острою тоской...
А в саду всё ярче огненные краски,
Всё заметней ласки осени сырой...*

Список литературы:

1. Из стенограммы беседы автора статьи с хранителем памяти семьи Соповых, племянником поэта Владимиром Георгиевичем Соповым
2. Известия... (Омск). 1918. 22 мая
3. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование. – Омск, 2012. – С. 272-273 (Приложение)
4. Беленький Е. И. Из сибирской тетради. Очерки и портреты. – Новосибирск, 1978. – С. 51.

Всего десять месяцев...

(Дополнительные сведения к биографии П. И. Сопова)

Он был хорош собой, молод и энергичен, но главное – талантлив. Его стихи публиковались в сибирских газетах, а его поэтическая «Сказка прошлого лета» вышла отдельным изданием. Звали юношу с ангельским лицом Пётр Сопов, в литературных же кругах более известен как Юрий Сопов. В его трагически малой жизни, длиною всего в 22 года, оставила свой след и Омская библиотека имени А. С. Пушкина.

Время поступления Петра Сопова на службу в Городскую библиотеку имени А. С. Пушкина известно точно – 1 мая 1918 года. Самым ранним из выявленных нами документов, в котором фигурирует эта дата, является документ «Сведения о составе и количестве служащих в городских библиотеках» [1], составленный инструктором городских библиотек С. И. Тимофеевым 5 августа 1918 года. В нём, в частности, указывается, что библиотекарь «Сопов П. И.» служит с «1 Мая 1918», «№ кн[иги] больн[ичной] кассы 10621», оклад в месяц «200» рублей.

Следующий документ, подтверждающий указанную дату, вот уже более 96 лет хранится в Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина. «Составить и вести послужные списки служащих в библиотеках. Ведение этих списков поручить заведующим». Таково было одно из решений первого заседания Омской городской библиотечной комиссии от 26 октября 1918 года [2]. Во исполнение данного решения заведующей Омской городской библиотекой имени А. С. Пушкина Софией Николаевной Пахолковой [3] был подготовлен «Послужной список служащих Городской Пушкинской Библиотеки» (см. Приложение). Благодаря этому уникальному документу, мы имеем представление не только о структуре библиотеки и численном составе её персонала. Но более ценное то, что в нём раскрыты полностью имя, отчество, фамилия, указаны сведения о поступлении на службу в библиотеку, об образовании, о занимаемой должности каждого из сотрудников «Пушкинки», работавших в ней на момент написания документа – 3 ноября 1918 года.

Из «Послужного списка служащих Городской Пушкинской Библиотеки»: «Петр Иоаннович Сопов. Биб[лиотека]рь с 1 Мая 1918 г. Оконч[ил] Землемерн[ое] Училище».

Далеко не тихим прибежищем для муз была библиотека в 1918-1919 годах. Отсутствие новой литературы, задержки жалования сотрудникам, нехватка и теснота помещений, постоянные прорывы канализации, отключение света, эпидемия сыпного тифа... Союз Петра Сопова с Омской городской библиотекой имени А. С. Пушкина приходится на период постоянной смены власти в Омске. Смена политических режимов и управленческих аппаратов непосредственно затрагивала и библиотеку, в стенах которой царили сильное недовольство, раздражение, смута. Сотрудники библиотеки, после участия с 22 декабря 1917 года в забастовке городских служащих, практически разделились на два воинствующие между собой лагеря. Конференция служащих 28 января 1918 г. постановила разрешить библиотекарям «встать на работу», но часть библиотечного персонала не подчинилась постановлению Конференции и не вернулась к выполнению своих обязанностей в библиотеку. «Когда совершился новый переворот, тогда и та часть служащих, которая не подчинилась постановлению Конференции, вновь явилась для работы. При возвращении этих служащих отношения между всеми библиотекарями резко изменились к худшему. Не было почти никаких попыток ни с той, ни с другой стороны к уничтожению вражды. Взаимная вражда, отчуждённость не могли не отражаться на библиотечной работе, была такая атмосфера, что она лишала возможности какой-либо продуктивной работы. На эти взаимоотношения стали указывать и читатели, прося их освободить от нервных настроений библиотекарей» [4]. При этом «библиотека не имеет ни инвентаря, ни каталога, ни правильной постановки выдачи книг. Необходимо реорганизовать библиотеку по последнему слову библиотечной науки, т. к. настоящее время поставило Омск столицей, требует и приличной для этого звания библиотеки» [5]. Библиотечной комиссией принимается решение создать специальную комиссию для выяснения дел и отношений в Пушкинской библиотеке из трёх лиц: одного – от библиотекарей, второго – от городской библиотечной комиссии и третьего – по выбору двух первых. Общим собранием библиотечных служащих в комиссию был избран П. И. Сопов [6]. В течение двух дней, с 30 октября по 1 ноября 1918 года, комиссия опрашивала сотрудников Пушкинской библиотеки, библиотеки имени В. Г. Белинского, I-ой Городской Народной библиотеки, пытаясь выяснить главные причины «страшно взвинченной нервной атмосферы» в городской библиотеке имени А. С. Пушкина. Пётр Сопов не только опрашивал своих коллег по библиотечной службе, но и сам был в числе опрошенных («давал показания»), и его мнения были учтены в итоговых предложениях комиссии [7].

Вернёмся вновь к «Послужному списку служащих Городской Пушкинской Библиотеки»: «Детский отдел. Пелагея Ксенофоновна Соломинова. Завед[ующая] отд[елом] с 1 Ноября 1918 г., переведена (с 12 Окт[ября]) из Библ[иотеки] Белинского, где занимала ту же должность с 1 Сент[ября] 1918 г. 8 кл[ассов] гимназии; слушала краткоср[очные] педагогич[еские] курсы в 1914 и 1915 гг.».

Именно к этой девушке, приехавшей в Омск из города Бирск Уфимской губернии, вспыхнувшее чувство Петра Сопова было настолько глубоким и ярким, что не осталось безответным. И, видимо, в начале весны 1919 года Пётр и Пелагея стали мужем и женой [8].

Этой же весной Пётр Сопов покидает библиотеку. Точную дату его ухода из «Пушкинки» нам не удалось установить, но, судя по всему, это произошло не ранее марта 1919 года. В подтверждение нашей гипотезы приведём несколько документов из Государственного исторического архива Омской области. Но прежде ещё раз обратимся к «Послужному списку...»: «Вениамин Петрович Невский. Пом[ощник] биб[лиотекаря] с 1 Авг[уста] 1918 г. Уч[еник] 7 кл[асса] Ком[мерческого] уч[илища]». Добавим, что до этого Невский одновременно с учебной работой работал библиотекарем в библиотеке Коммерческого клуба, но решением Библиотечной комиссии от 29 июля 1918 г. был переведён в библиотеку имени Пушкина «в виду необходимости продолжать приведенный в порядок отдел общественных наук» [9].

Они – Пётр Сопов и Вениамин Невский – были ровесниками с небольшой разницей в возрасте. Один родился в 1897, другой – в 1900 году. Первый погиб в 1919-ом. Второй дожил до преклонного возраста и умер на чужбине [10]. Кто из них первым принял решение добровольцем вступить в ряды белой гвардии, можно только догадываться... Но решение было принято, и молодые люди покинули библиотеку.

2 июля 1919
№ 851

В Городскую Библиотеку имени А. С. Пушкина

Городская Управа просит сообщить, пользуются ли льготой по семейному положению поступившие в войска добровольцами служащие библиотеки П. И. СОПОВ и В. П. НЕВСКИЙ с указанием, какого разряда. Если этих сведений получить не представится возможным, то сообщите состав их семейства с обозначением возраста каждого члена семьи.

Член Управы
Секретарь

[11].

Омская
городская
библиотека
имени
А. С. Пушкина
7/VII-19

В Омскую Городскую Управу

На отношение от 2 /VII с.г. за № 851 сообщаю:

I. Семейство П. И. Сопова –

1. отец И. Н. Сопов 45 л.
2. мать А. Ф. Сопова 44 л.
3. брат Георгий 18 л. (призван на военную службу)
4. брат Борис 12 л.
5. брат Гавриил 10 л.
6. Сестра Мария 9 л.
7. жена – П. К. Сопова – 23 л.

О Невском сведений не имею.

Его прежний адрес: Ильинская, 2. д. Малахова

Вр. Завед. Пушкинской библиотекой

А. Протопопова

[12].

На обороте листа данного документа Пелагея Сопова делает приписку: «П. И. Сопов считается призванным по мобилизации 21/IV 19 г., что удостоверяется Начальником Конвоя Верховного Правителя 4/IV № 128 и 318 (удостоверения переданы в Отдел Народного Образования Омской Городской Управы). П. Сопова.»

Следующий документ:

Сведения о служащих библиот[еки]
имени А. С. Пушкина П. И. Сопове и В. П. Невском

П. И. Сопов поступил на службу 1 мая 1918 года на должность библиотекаря. Назначен Библиотечной Комиссией. Окончил Землемерное училище в 1918 г. с получением аттестата.

Состоял все время на должности Библиотекаря. Получал оклад жалования в размере 500 руб. в месяц с 1 ноября 1918 г.

В. П. Невский поступил на службу 1 августа 1918 г. на должность помощ[ника] библиотекаря. Назначен Библиотечной Комиссией. Окончил 7 кл. Коммерческого училища в 1919 г. Состоял на должности пом[ощника] библиотекаря до марта месяца; с марта мес[яца] – на должности библиотекаря.

Получал оклад жалования в размере 425 руб. с 1 ноября 1918 г.

Врем. И. Д. Заведующей

А. Протопопова. [13].

Продолжим представлять архивные документы:

12 Мая 1919

Городскому Юрисконсульту

Согласно резолюции Городского Головы, Отдел Народного Образования просит не отказать в изложении своего заключения на прилагаемом к сему проекту журнала Городской Управы по делу об удовлетворении содержанием служащих библиотеки СОПОВА и НЕВСКОГО.

Вместе с эти считаем необходимым сообщить, что сведений о возрасте Сопова и Невского не имеется, однако указание на время окончания ими курса в средних учебных заведениях дает основание полагать, что оба они призывного возраста.

Член Управы

Секретарь

[14].

Журнал заседания общего присутствия городской управы по делу об удовлетворении содержанием служащих библиотеки Сопова и Невского, 26 июля 1919 № 1358

<...>

Служащие городской библиотеки имени А. С. Пушкина П. И. СОПОВ и В. П. НЕВСКИЙ в марте 1919 года поступили в армию добровольцами. Согласно постановления Омской Городской Думы за служащими Городского управления, призванными в действующую армию, сохраняются должности и им выдается разница между содержаниями полученным на и военной службе и получавшегося от Городского Управления.

СОПОВ и НЕВСКИЙ занимали должности библиотекарей

Городской Библиотеки имени А. С. Пушкина и получали содержание в следующем размере: СОПОВ 500 руб. и НЕВСКИЙ – 425 руб.

По наведенным справкам выяснилось, что П. И. СОПОВ поступил на службу 1-го мая 1918 года, а окончил сельско-хозяйственное училище также в 1918 году, при чем принят ли он на службу ранее окончания курса или по окончании курса, сведений не имеется.

В. П. НЕВСКИЙ поступил на службу 1-го августа 1918 года, а окончил курс 7 кл. Коммерческого училища лишь в 1919 году, чем подтверждается, что служба его в библиотеке являлась простым заработком ученика старшего класса среднего учебного заведения.

Представляя Городской Управе разрешение вопроса о том, распространяется ли постановление Думы как на призванных, так и на добровольцев одинаково, считаю необходимым указать, что г. Невский не мог состоять на службе в штатной должности, как учащийся не должен пользоваться тем правом, которое предоставлено Думой служащим Городского Управления, почему полагаю: если Городская Управа признает необходимым распространить на поступивших добровольно служащих те преимущества, которые установлены постановлением Думы [25 или 5] марта 1919 года, то выдавать разницу в содержании одному П. И. Сопову.

Член Управы
Секретарь

На основании постановления Совета Министров от 4 марта 1919 года лица, призванные в войска от 18 летнего возраста до 25 летнего удовлетворяются содержанием на основании постановления Совета Министров от 28 января 1919 года п. 9//по п. 3 Постановления от 28/1–19 г. лица родившиеся в 1898 и 1890 г. поступившие в войска добровольно с момента призыва их сверстников теряют все добровольческие права. Поэтому ходатайство Невского и Сопова может быть удовлетворено если их возраст не походит к возрасту, указанному в п. 3 Постановления Совета Министров от 28 января 1919 года.

12 мая 1919 г. № 265:

СПРАВКА В. Невский родился 24 января 1900 года, а П. И. Сопов в 1897 г. 6-го января.

Закон 19 июня 1919 года / № 173 от 1 мая 1919 г. Прав. Вестн. / родившиеся в 98, 99, 900 и до марта 1901 г. и имевшие при призыве

льготу 1-го разряда по семейн[ому] положен[ию] пользуются правом на получение разницы в содержании.

ПОСТАНОВЛЕНО: выдать разницу одному П. И. Сопову.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Секретарь [подпись] [15].

30 июля 1919

№ 980

В Распорядительный Отдел

Отдел Народного Образования просит подготовить расчет на уплату, призванному в армию служащему Пушкинской библиотеки П. И. СОПОВУ разницы содержания, согласно постановления Городской Управы от 26 июля за № 1358.

Член Управы

Секретарь

[16].

Юность – время больших ожиданий: «И пусть сто лет я жить ещё буду, Стану дряхлым и белым, как лунь»... Не суждено было сбыться этим строчкам Юрия Сопова, написанным в июле 1917 года и опубликованным в его единственной прижизненной книге «Сказка прошлого лета» [17]. В фонде редких книг ОГОНБ имени А. С. Пушкина хранятся два экземпляра данного издания. На титульном листе одного из них есть дарственная запись, сделанная самим Юрием (Петром) Соповым. Жизнь омского трубадура оборвалась на высоком и дерзком взлёте. И словно горькой памятью об этом являет собой и обрывающийся автограф: «Пушкинской Библиоте[ке...].»

Примечания:

1. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 131. Рукопись.

2. ГИАОО. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-2.

3. Пахолкова (в замужестве Новосёлова) София Николаевна (1870-1943), первый библиотекарь Омской библиотеки имени А. С. Пушкина, возглавляла её деятельность в 1907-1910, 1918-1919 годах.

4. Доклад о положении дел в городских библиотеках. 9 ноября 1918 г. // ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 14, 69-70.

5. ГИАОО. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 92. Л. 1-2.

6. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 16.

7. Там же. Л. 20.

8. Фотография, запечатлевшая Петра и Пелагею в эти счастливые для них дни, опубликована В.С. Вайнерманом в 1997 году в журнале «Омская муза» (№ 9-10, с. 17).

9. ГИАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 498. Л. 97, 105.

10. Невский Вениамин Петрович с марта 1919 года в армии Колчака. Далее учеба в морском училище во Владивостоке, эвакуация в Севастополь, затем в Бизерту (Тунис), где и окончил Морской корпус в марте 1922 года. Натурализовался во Франции в феврале 1936 года. Похоронен на Русском православном кладбище Кокад в Ницце. Номер захоронения 497. На могильной плите лаконичная надпись: «Невский Вениамин Петрович, корабельный гардемарин, 1900-1983».

11. ГИАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 56.

12. ГИАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 65. Рукопись.

13. ГИАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 64. Рукопись.

14. ГИАОО. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 92. Л. 81, 108, 111.

15. ГИАОО. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 92. Л. 18.

16. ГИАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1273. Л. 77.

17. Сопов Юрий. Сказка прошлого лета. – Омск: АРУС, 1917. – 15 с.

**Феномен человека книжной культуры
в сибирской глубинке с 1960-х годов до наших дней**
(личные библиотеки деревни Тузаклы)

Данный материал автор рассматривает как собственный взгляд на процесс эволюции личных библиотек в маленькой таёжной деревне Тузаклы Знаменского района Омской области. Текст автор будет вести, не отстраняясь от собственного «Я», поскольку он, работая журналистом, привык именно к такой форме изложения.

Деревня Тузаклы, согласно разным источникам, основана то ли в 1886, то ли в 1896 году. Расположена на севере Омской области в четырёхстах километрах от областного центра и в 36 километрах от райцентра – села Знаменское. Тузаклы – крайний населённый пункт района по автодорожке Омск – Усть-Ишим. В 1955 году, когда поженились мои родители, в нём насчитывалось 27 дворов. Свой взлёт Тузаклы пережили в 70-80-е годы прошлого столетия (период принудительного укрупнения деревень), тогда в них проживало 75 семей.

Первая домашняя библиотека в деревне появилась едва ли не со дня её снования. Среди поселенцев находилась семья выходца из Котельничского уезда Вятской губернии Якова Ивановича Колпакова. О ней знаю от своего отца – Гоношилова Василия Петровича (1930-2008). Он с восхищением пересказывал, вспоминая стариков, о самой зажиточной среди тузаклинцев семье Колпаковых, где сам основатель нового сибирского рода, а потом каждый из его пяти сыновей самостоятельно учил детей грамоте (в деревне до советской власти школы не было). Даже в первые годы после переселения в Сибирь, когда каждая копейка была на счету, Яков покупал книги. Где покупал, никто уже не помнит. Он погиб в боях против белых в 1919 году у села Завьялова, в 14 километрах от дома. Его сыновья после победы советской власти, а позже и коллективизации, стали первыми председателями сельсоветов и колхозов в округе.

С фамилией Колпаковых связана местная легенда. Будто бы последний из сыновей Якова, уезжая на повышение, бросил под основание плотины на местной речке горсть ртути. И произнес с обидой: «В такие страшные годы жили, столько людей спасли, а хорошим словом,

случись что, нас никто не вспомнит». С тех пор плотину, говорят, прорывало почти каждый год, пока её не возвели на другом месте.

Вторая личная библиотека состояла из старинных немецких религиозных книг. Примерно из десяти семей, которых осенью сорок первого года привезли в деревню, выжило две или три. В числе выживших была и Амалия Яковлевна Шель (1919-1997), в Тузаклах её звали тётей Валей. Она, (о чём я знаю со слов её внука Александра Ивановича Гергенрейдера), до самой кончины хранила привезённые с собой книги, часто читала их. После смерти пожилой женщины книги разошлись по детям.

Именно с религиозными традициями связано и единственное отличие в убранстве домов русских жителей и семьи Шель. Вместо угловой божнички, принятой в наших домах, в избе у Амалии Яковлевны висел натюрморт, а на стене рядом – распятие.

Ещё одна тузаклинская библиотека – школьная. Школа открылась в 1927 году. Трудно сказать, как накапливались книги, но в начале шестидесятых они умещались на четырёх полках бывшего кулацкого комода. В том шкафу было собрано всё: от методичек для учителей и учебников до художественной литературы для школьников младших классов. Первые прочитанные мною книги – оттуда.

Теперь определяю информационное пространство Тузаклов, каким помню его в те далекие шестидесятые.

Только наша семья имела радиоприемник марка «Родина» на батарейках. До 1965 года в деревне не было электричества. Все новости – от районных до мировых – тузаклинские жители узнавали из газет и слухов, последних циркулировало огромное количество. Раз в неделю в клубе демонстрировался кинофильм, который предварялся «журналом» об успехах СССР.

Я был единственным ребёнком у родителей, в то время как средняя тузаклинская семья насчитывала пять-шесть детей. Вырос рядом с бабашкой по отцу Гоношиловой Пелагеей Максимовной (1904-1993). Помню, как изводил её просьбами о сказках. Рассказывала хорошо.

Артистизм бабушки стал причиной моего большого разочарования, когда научился читать. В сборниках сказок, которые попадали в мои руки, не нашёл ни одной новой. Я все их слышал от бабушки. В её изложении они выглядели намного интереснее, чем в книгах.

Примерно до 30-летнего возраста я покупал все сборники сказок, какие находил в магазинах. Это было сродни страсти кладоискателя. Я пытался найти книгу, в которой сказки излагались бы так же захватывающе,

вающе и с тем же налётом таинственности, как когда-то рассказывала бабушка. За всю мою жизнь ни разу такой книжки не встретилось.

Возникает закономерный вопрос: откуда деревенская старуха знала почти все русские сказки? Думаю, это связано с влиянием детей на родителей. Бабушка часто вспоминала, что девочек во времена её детства готовить себе приданное заставляли лет с девяти-одиннадцати. Они вечерами сидели рядом со взрослыми бабами, осваивая женские ремесла. Тут же находились мальчишки: жгли лучины, освещая избы. Поскольку в деревне событий мало, то рукодельницы рассказывали сказки. Но бабушка, не знавшая грамоты, видимо, впитала сказки, услышанные не только в пору своего отрочества, которое пришлось на 1915-1920 годы, но и в более позднем возрасте. В Великую Отечественную войну тузаклинские женщины, борясь с тоской и одиночеством (все мужчины на фронте), снова принялись собираться по избам, ребята тоже находились рядом. Возможно дети, уже школьники, на тех посиделках пересказывали сказки, которые прочитали в учебниках литературы или библиотечных книгах.

Первыми экземплярами в моей личной библиотеке стали два сборника сказок и два тома из 11-томного собрания сочинений Н. С. Лескова. Лет в десять на завалинке в подполе нашёл эти книжки, все без корочек. Обычное состояние для старых учебников и книг в нашей деревне. Мужчины из картона обложек вырубали ружейные пыжи, а школьники делали игрушки для новогодней ёлки, их для красоты обклеивали фольгой из пачек от «кирпичного» (плиточного) или «фамильного» (россыпного) чая. То, что у меня есть книги Николая Лескова, я узнал года через три-четыре (они ж были без корочек), когда услышал чьё-то восхищение повестью «Леди Макбет Мценского уезда». А я её уже прочитал. Но большее воздействие на меня всё же оказала драма «Расточитель». Лет с 10-11, благодаря ей, остаюсь убеждённым противником частной собственности (не путать с личной собственностью). Найденные на завалинке книги складывал отдельной стопкой от учебников. В те же дни, так уж совпало, где-то прочитал о необходимости для каждой семьи иметь домашнюю библиотеку.

Моё собрание постепенно увеличивалось. Прибавлялись детские дешёвенькие книжечки, которые покупал в районном книжном магазине. Парадокс: родители сурово боролись с моей рано развившейся чрезмерной тягой к чтению, но никогда не упрекали за то, что покупал книги. Моя библиотечка приняла сформированный вид, когда по просьбе матери знаменский столяр Алексей Григорьевич Касьянов из фанер-

ных ящичков для сигарет изготовил шифоньер. Средний из трёх нижних ящичков шкафа родители отвели под мои книги.

В шестом классе появилась этажерка. Книги на её полках, покрытых вышитыми мамой салфетками, стояли в два ряда. Томиков девяносто. Но сколько бы я не покупал новых книг, их количество оставалось примерно постоянным. Книги расходились по Тузаклам, их увозили в соседние сёла, где они исчезали окончательно. Деревня наша вятская, жили общиной, отказать кому-то в чём-то – на века прослыть скрягой.

Часть книг я подростком привозил из Омска. Не покупал, потому что городские книжные магазины внутренним содержанием были бедны. Полки забиты, а для души нет ничего. Мне родственники из горожан дарили книги, или давали на время, впрочем, без особой надежды на возврат. Этажерочная библиотечка, пополняемая мною за счёт привоза из Омска в Тузаклы книг, просуществовала сорок с лишним лет – с 1968-го до 2011-го года, до смерти матери. В память о своей библиотеке я забрал одну книгу, остальные оставил землякам.

В 1970-м году в Тузаклах произошло знаменательное событие, которое жители оценят только через много лет. В деревне появился 21-летний медицинский фельдшер Алексей Степанович Мартынов. Со временем он стал прекраснейшим диагностом. Сейчас на пенсии.

Женился А. С. Мартынов через четыре года после приезда в Тузаклы. Став семейным человеком, получил квартиру. Сразу же завёл личную библиотеку. Он для деревенских жителей привозил книги из библиотеки большого соседнего села Шухово, примерно по полтора десятка на три месяца, пока их не прочитает вся деревня. Доставка книг входила в его общественные обязанности местного комсорга. Терялись книги часто, потери возмещал из собственных средств или книг. Усилиями Алексея Степановича появились три библиотечки в «красных уголках»: на ферме, в клубе и конторе. В составе – обычные медицинские брошюры, в которых рассказывалось и о вреде абортот, и о технике безопасности при работе с ядохимикатами, и о необходимости соблюдать здоровый образ жизни.

Алексей Мартынов, благодаря своей профессии, общественной работе и обаянию, имел определённые льготы по оформлению подписки на собрания сочинений в районном книжном магазине. Сейчас приходится напоминать, что подписка относилась к остро дефицитным вещам. Получал собрания произведений Максима Горького, Антона Чехова, Проспера Мериме и других известных писателей. Мы с ним часто обменивались книгами.

Я с 1973 года жил в Омске. Приезжая к родителям в гости, вёз Алексею Степановичу прочитанные книги, а он давал свои. Оба испытывали чувство неудобства. Потому как товарищи, а вели себя по отношению друг к другу таким образом, словно страдали патологической скупостью. У меня в городе книги приятеля иногда исчезали безвозвратно. Поэтому обмен позволял мне не испытывать чувства стыда за потери.

Сейчас Алексей Мартынов не покупает новых книг, проблемы со зрением. Нет и прошлого наплыва читателей. Возможно, в скором времени он совсем откажется от своей библиотеки. На сегодняшний день в его домашней библиотечке 450 книг. Они потеряли товарный вид и больше не служат украшением жилища.

Одновременно в Тузаклах жил ещё один любитель чтения – Иван Давыденко, ныне покойный. Он выписывал много периодики. В доме скапливались целые завалы из журналов. Поскольку владелец журналов относился к числу неумеренно пьющих, то местные книгочеи предпочитали не обращаться к нему с просьбами дать что-нибудь почитать.

В девяностых годах появилась библиотечка у тузаклинского предпринимателя, депутата местного совета Валерия Верховского. Сначала он выписывал книги по почте, районный книжный магазин к тому времени прекратил своё существование, потом стал покупать книги в Омске, куда часто ездил за товарами. У Валерия Владимировича около 250 книг. Почитать их местные просили не часто. Книжки выглядели дорого: вдруг какая порвётся или запачкается.

Роль общественной библиотеки в Тузаклах сейчас выполняет библиотека Любови Алексеевны Короваевой. У неё около тысячи книг. В подавляющем большинстве – издания советского времени. Любовь Короваева и её супруг Александр в 80-е годы переехали в Тузаклы с Камчатки. Оттуда же книги, за которыми когда-то Любовь Алексеевна, зная об очередном поступлении в книжный магазин Петропавловска-Камчатского, занимала очередь с пяти утра. Жители Тузаклов, несмотря на смену идеологии и солидный возраст изданий, «короваевские» книги берут охотно. По словам хозяйки книжного собрания, время не так уж сильно сказалось на литературных пристрастиях. Женщины как любили читать про любовь, так и читают, а детективы с фантастикой остаются востребованными среди местного мужского населения.

Остальные жители Тузаклов тоже не относятся к абсолютно бескнижным. Большинство семей имеет по 10-15 томиков. Но по нынешним меркам такое количество сложно назвать домашними библиотеками.

Главную конкуренцию книгам в Тузаклах, в отличие от Омска, составляет не Интернет, в деревне всего пять или шесть компьютеров, а телевидение. Так считает упомянутый выше Валерий Верховский. Спутниковые антенны-тарелки позволяют принимать по несколько десятков каналов.

Если же говорить в целом о деревне, то нельзя сказать, что читать стали меньше. Здесь и раньше читали не так много, как в городе. Иной образ жизни, много физического труда. А книг, если вести подсчёт в общем по селению, стало больше, чем имелось в эпоху, которую принято называть социалистической. В Тузаклах книга по-прежнему остается если и не лучшим, то очень желанным подарком. Особенно детская.

От избы-читальни до центральной библиотечной системы: этапы развития библиотечного дела в Черлакском районе (1921-1991 гг.)

Бытует мнение, что вопрос об открытии станичной библиотеки в Черлаковской поднимался на казачьем сходе ещё в 1912 г. Однако, как свидетельствует «Справочная книга Омской епархии», в 1914 г. в станице Черлаковской Акмолинской области Омского уезда имелась казачья школа, но попечительства, чайных, читален и библиотек на территории прихода не было. Не найдено и документальных подтверждений принятия такого решения. Первая Мировая, революция и гражданская война надолго заставили забыть о просвещении и культуре...

В один из осенних дней 1921 г. к Черлакской пристани пришвартовался пароход «Алексей Буй». На берег сошла совсем юная девушка, следом за ней матросы сгрузили на берег три шкафа книг, выделенных из национализированного имущества в пользу наркомпроса. Местные парни унесли их в помещение бывшей лавки купца Елгина, где, по воспоминаниям ветерана черлакского комсомола Е. И. Маслацовой, уже работали хоровой, драматический кружки, а также кружок политграмоты. Так в станице появилась изба-читальня. Её первым руководителем стала Дина Спиридоновна Туксузова.

В 1930 г. изба-читальня была переименована в общественную библиотеку, возглавила её Д. С. Туксузова. Бюджет библиотеки составлял 7 тыс. рублей, в ней насчитывалось 300 книг и брошюр. Первыми читателями библиотеки были дети, немногочисленные представители взрослого читающего населения, всего 70 человек. Спросом пользовалась развлекательная и приключенческая литература – в ход шли до-революционные издания Ж. Верна, Дж. Лондона, Ф. Купера. Однако фонды библиотеки росли, пополняясь книгами по агротехнике, технической эксплуатации, партийной литературой и произведениями советских писателей.

Характеризуя общую ситуацию по району, необходимо отметить тенденцию к росту, в 1931 г. на его территории работало 3 библиотеки, 14 изб-читален.

Среди форм работы в предвоенные годы следует выделить подворные обходы населения, вывоз передвижных библиотечек в колхозы,

чтения лекций по актуальным вопросам политической жизни, ведение разъяснительной работы, связанной с санитарно-эпидемиологическим состоянием в крае и минимальным медицинским просвещением.

В 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Черлак с населением в 9500 человек получил статус рабочего посёлка. В нём, как и районном центре, работала библиотека на 11 860 книг. Всего на территории района действовало 3 библиотеки, 7 читален и 4 красных уголка с общим фондом 20 тыс. книг. Не исключено, что подборки книг имелись в 12 колхозных и 4 сельских клубах, но официального оформления в качестве библиотек они ещё не имели.

В 1947-1952 гг. в рамках роста сети учреждений культуры происходило изменение материальной и правовой базы библиотек. В 1950 г. секретарь Черлакского райкома ВКП (б) С. Мазайков рассказывал: «Мы помним, как весной привезли первую партию книг в колхоз имени Калинина. Через два месяца библиотеки были во всех колхозах района. В книжном фонде библиотек на сегодняшний день 45 650 книг. Жажда знаний привела в библиотеки семь с половиной тысяч читателей. Всё чаще стали проводится в сёлах читательские конференции, диспуты по произведениям художественной литературы. Южно-Подольская библиотека регулярно проводила литературные вечера, посвящённые творчеству поэтов и писателей. Читательские конференции по книгам «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Об основах земледелия» Вильямса собирали не только много слушателей, но и активных участников. Большой популярностью пользовались 10 лекториев, организованных в районе. За год лекторы прочли 501 лекцию, охватив 42 тысячи слушателей. Лучший – лектор района – старший агроном Южно-Подольской МТС тов. Лиходей – рассказал колхозникам о книге Вильямса «Основы земледелия», о сталинском плане преобразования природы.

Однако обратимся к статистике. На территории района работало: в 1947 г. – 3 библиотеки: 1 районная, 2 сельских; в 1950 г. общий фонд библиотек района составил 45 649 книг; в 1951 г. – 21 библиотека: 1 районная, 4 сельских, 16 колхозных; в 1952 г. количество библиотек оставалось прежним – 21.

Что касается Черлакской районной библиотеки, то в 1949 г. она была награждена переходящим Красным знаменем областного отдела культурно-просветительской работы, выйдя на первое место среди районных библиотек по книговыдаче – 64 721 книга. Работниками библиотеки было организовано 45 книжных выставок, прочитано 54 лекции, проведено 60 бесед и громких чтоток, 4 читательских конфе-

ренции по книгам Павленко «Счастье», Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» и другим произведениям писателей – лауреатов Сталинских премий. Всего на конференциях присутствовало 800 жителей райцентра и ближайших сёл.

В 1950 г. библиотека отметила свой 20-летний юбилей. Бюджет библиотеки в указанный год составлял 50 800 руб., книжный фонд насчитывал 20 809 экземпляров, количество читателей – 2 381 человек. Детское отделение библиотеки в 1950 г. посетили 960 школьников.

В юбилейный год библиотека провела публичный отчёт перед читателями – жителями Черлакского района, на собрание пришло более 300 человек, в прениях с предложениями выступило 14. Отчёт стал свидетельством кропотливой работы черлакских библиотекарей, за полугодие текущего года было прочитано 29 лекций (3 500 слушателей), 49 читок и бесед, организовано 26 книжных выставок, 4 читательских конференции. За 9 месяцев жителям района было выдано 58 тысяч книг, в среднем по 24,5 книги на читателя. Следует отметить, что в 1950 г. 70 читателей библиотеки обучалось в вечерних и заочных школах, техникумах, высших учебных заведениях, систематически получая от библиотеки учебную и научную литературу по приобретаемой специальности.

Отчёт выявил, что библиотека является методическим центром для сельских и колхозных библиотек. На ежемесячных семинарах культпросветработников постоянно работала библиотечная секция, где проводилось консультирование библиотекарей на предмет работы с книгой, читателями.

Во главе всей этой работы находилась не заменимая – Д. С. Туксузова. Всё своё рабочее время она отдавала библиотечной и культурно-просветительской работе, заменившей ей дом и семью. За успехи и достижения в культурно-просветительской деятельности Дину Спиридонову неоднократно награждали и премировали. Её имя было внесено во Всесоюзную Книгу Почёта работников культуры, находящуюся на хранении в Министерстве культуры СССР. В Черлакской библиотеке Д. С. Туксузова проработала более 40 лет.

Расширение сети сельских и колхозных библиотек повлекло за собой изменение тематики в книговыдаче районной библиотеки. Если до 1948 г. при комплектации передвижных библиотечных пунктов ответственные за культмассовую работу заказывали главным образом новинки художественной литературы, то с появлением на местах собственных библиотек всё чаще требовалась сельскохозяйственная, научная и общественно-политическая литература.

Приведём два примера, позволяющих судить о круге чтения жителей района. Доярка колхоза «Ударник» Агриппина Дмитриевна Митина в 1950 г. заказала следующие книги: «Выращивание телят»; Мальцев «От всего сердца», «Горячие ключи»; «Холмогорский скот»; Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды»; «Сталин. Краткая биография».

В абонентской карточке комбайнёра Черлакской МТС Василия Васильевича Половинкина значатся: Первенцев «Огненная земля»; Павленко «Счастье», «Панфиловцы на передовых рубежах»; Катаев «Избранное»; Малышкин «Люди из захолустья»; Лермонтов «Герой нашего времени»; «Сталинский Устав – основной закон колхозной жизни»; «Агротехника колхозов»; «Ремонт комбайна»; Войнич «Овод»; «Справочник по тракторам»; «Справочник по с/х машинам»; «Паровые двигатели»; Сталин «Вопросы ленинизма».

В 1952 г. была создана Черлакская детская библиотека. Её фонд составлял 6 925 книг. Первой заведующей была назначена Любовь Зиновьевна Крапивницкая, в 1953 г. её сменила Валентина Степановна Неупокоева. В. С. Неупокоева проработала в должности заведующей 30 лет, вплоть до ухода на пенсию в 1983 г. С 1987 г. в должности директора работала Валентина Ивановна Кирюшкина. Многие годы отдали работе с юными читателями Лина Владимировна Гиншер и Анна Яковлевна Грекова. К 1991 г. книжный фонд библиотеки составлял 26 110 экземпляров. Библиотеку посещало 2 245 детей.

Материалы 1959 г. позволяют судить о работе сельских библиотек Черлакского района. Всего в библиотеки было записано 4090 человек, а усреднённая книговыдача составила за первое полугодие 42 435 экземпляров. Среди активно работавших библиотек выделялись:

- Татарская (зав. В. Дерябина), выдано за полугодие 9 446 экз. книг на 726 жителей;
- Иртышская (зав. А. Вдовенко), выдано за полугодие 9 296 экз. книг;
- Б.-Атмасская (зав. А. Власова), где успешно обслуживают читателей всех возрастов и профессий, от детей до пенсионеров, последним книги доставляются на дом;
- Краснооктябрьская, где библиотечный фонд 6 тыс. экз. книг. Записано 450 читателей.

Всего сельскими библиотеками Черлакского района за первую половину 1959 г. было организовано 115 книжных выставок, проведено 63 обзора, 237 бесед, 256 громких чтоток.

Качественный рывок в развитии материальной составляющей

сферы культуры Черлакского района произошёл в 70-е гг., когда строятся и вводятся в эксплуатацию новые здания Домов культуры и сельских клубов. В 1976 г. создаётся Черлакская централизованная библиотечная система располагающая фондом в 394 130 книг и обслуживающая 1680 читателей. В 1980-1983 гг. данная система объединяла 27, а в 1984-85 гг. 28 библиотек. Активно в 80-е гг. шла подготовка квалифицированных кадров для библиотек района: в 1983 г. в Библиотечном техникуме обучалось 3 человека, на библиотечном отделении Института культуры – 5; в 1985 г. соответственно 6 и 6 человек.

К 1991 г. книжный фонд ЦБС насчитывал 420 тыс. книг, годовая книговыдача достигла 500 тыс. книг на 20 тыс. читателей.

Библиотекари успешно использовали формы и методы работы с читателями в зависимости от пола, возраста и образовательного ценза. В рамках просветительской деятельности наметилось взаимодействие библиотек со школами района. Годы перестройки привели к активизации политико-просветительской работы.

Изменения социально-экономического порядка и политической системы не могли не сказаться на последующем развитии библиотечного дела как в стране в целом, так и в Черлакском районе в частности. Ситуация обострилась с появлением такого носителя информации, как сеть Интернет. Впрочем это уже другая история.

Список литературы:

1. Голубишин И. Справочная книга Омской епархии / И. Голубишин. – Омск, 1914. – 1250 с.
2. Материалы фондов Черлакского историко-краеведческого музея
3. Новиков С. В. Очерки истории Черлака и Черлакского района: 1720-1985 годы / С. В. Новиков. – 2-е изд., испр. – Омск: Издательский дом «Наука», 2014. – 416 с.
4. Омская правда. – 1950. – 4 ноября.

Евгений Евгеньевич Тимошенко – книголюб-просветитель

Имя Евгения Евгеньевича Тимошенко – книголюб и просветителя – широко известно в литературных кругах Ленинградской области, а вот у нас, на его родине, мало кто знает об этом удивительном человеке.

Пытаясь восполнить пробел, 23 июля 1993 года газета «Омская правда» опубликовала о Евгении Евгеньевиче заметку корреспондента Сергея Мальгавко «Тарский адресат Горького», а в газете «Омский вестник» за 3 августа того же года появилась статья Валерия Мамикова «Дон Кихот XX века».

Он же, Валерий Мамиков, прислал из Санкт-Петербурга в адрес Тарской Центральной районной библиотеки им. М. А. Ульянова детский журнал «Костёр» № 11-12 за 2012 год со своей статьёй «Дон Кихот из Токсово», посвящённой 100-летию со дня рождения Евгения Евгеньевича Тимошенко. Завязалась переписка, результатом которой стала оформленная в Литературном музее библиотеки выставка «Евгений Евгеньевич Тимошенко – книголюб-просветитель».

Сотрудники библиотеки провели серию экскурсий по выставке, посвящённой нашему земляку.

Детство Е. Е. Тимошенко прошло в Таре. Из воспоминаний Евгения Евгеньевича: «Я вырос в семье, где всегда царил культ книги. Мой отец выписывал лучшие русские журналы и все приложения к ним. Выезжая по делам в Омск, он обязательно покупал книги». В далёкие 20-е годы восьмиклассник Евгений увлёкся филателией. Однажды в журнале «30 дней» он прочёл о большой международной почте писателя Максима Горького, который в то время отдыхал в Италии. На письмо к писателю с просьбой прислать марки, пришёл ответ, в нём помимо марок содержался список книг, которые Максим Горький рекомендовал прочитать Евгению. Вскоре пришла и посылка с книгами. Это событие стало знаковым в жизни Евгения Тимошенко.

К сожалению, сохранить книги, присланные Горьким, не удалось – родственники продали их старьевщику, когда в 1931 году, после смерти родителей забирали братьев Тимошенко жить к себе в город Пушкин.

Там, в оккупированном гитлеровцами Пушкине, погибла вторая, собранная Евгением библиотека.

Таких библиотек в жизни лесотехнолога по образованию Евгения Евгеньевича Тимошенко было пять. Последняя его библиотека содержала 5 тыс. томов. На книги уходила большая часть зарплаты инженера проектного института, позже он тратил на книги почти всю пенсию, отказывая себе в удобствах, ограничивая себя в еде. Выписывал книги почтой, выискивал их по магазинам, пытался подписаться. Собирал не для себя. На фасаде его дома в посёлке Токсово, который он построил после войны, висела табличка:

«Библиотека Е. Тимошенко. Открыта для всех желающих».

Круг читателей библиотеки был велик. Более 500 взрослых и детей приходили в этот дом взять книги, побеседовать о прочитанном.

«Книга должна работать, – не уставал повторять Евгений Евгеньевич. – Она существует для того, чтобы её прочло как можно большее количество людей».

Адрес дома на улице Некрасова, 9 был известен в 60-70 годы XX века многим творческим людям.

При библиотеке Тимошенко действовало литературное объединение, затем оно переросло в областной литературный клуб, насчитывающий около двухсот человек. Председателем клуба являлся сам Евгений Евгеньевич.

Здесь любили бывать Леонид Борисов и Вадим Шефнер, беседовал о творчестве с начинающими литераторами поэт Всеволод Рождественский. Члены литературного клуба организовывали творческие поездки в Гатчину, Кронштадт, где на встречах с любителями литературы читали свои произведения, делились творческими планами.

Поэт и журналист Зинаида Нечаева – участница литературного объединения в Токсово – в статье, опубликованной в № 3 Вестника Всеволожского государственного историко-краеведческого музея «В гостях у Евгения Евгеньевича», вспоминала: «Без неприметного, на первый взгляд, подвига Евгения Евгеньевича моё духовное просвещение затянулось бы надолго или не состоялось вовсе».

Члены клуба издавали рукописный журнал «Вокруг книги», под обложкой которого публиковались произведения самых разных литераторов – именитых и начинающих.

Евгений Евгеньевич Тимошенко писал рассказы, очерки, работал над «Повестью о жизни» (его труды так и не были опубликованы), выступал на различных форумах библиофилов, пытаясь донести смысл своей жизненной позиции – «книга должна читаться, а не храниться в книжных шкафах».

Много времени он уделял депутатским обязанностям – Евгений Евгеньевич неоднократно избирался депутатом в местный Совет.

В адрес Евгения Тимошенко и Веры Николаевны Селезнёвой, его двоюродной сестры и помощницы, приходило огромное количество писем от писателей, книголюбов, читателей. Письма шли со всей страны, и на каждое письмо был дан ответ. Большое количество писем стало приходить после статьи «Дом, в котором вас ждут», опубликованной в газете «Комсомольская правда» за 11 марта 1981 г. В библиотеку Евгения Евгеньевича начали поступать денежные переводы, посылки с книгами.

А 21 марта 1981 года случилось непоправимое – сгорел дом Евгения Евгеньевича, в огне погибла библиотека, письма, рукописи. Пытаясь спасти книги, погиб и сам Евгений Евгеньевич. Говорят, когда его нашли, он прижимал к груди стопку книг – самое дорогое, что у него было.

Евгений Евгеньевич прожил нелегкую жизнь. Рано лишился родителей, испытал на себе все ужасы концентрационного лагеря (в годы Великой Отечественной войны он находился в лагере военнопленных в Гатчине), но страшнее всего для него было непонимание окружающих. Его библиотеку не раз обворовывали, на что Евгений Евгеньевич лишь разводил руками: «Ну что делать? А, с другой стороны, может эта книга сделает человека честнее, умнее.... Вообще-то книги – как птицы, должны разлетаться по всему свету...».

В центральных газетах и толстых литературных журналах Евгения Евгеньевича Тимошенко называли «токсовским просветителем», подвижником. В 1999 году одна из улиц в Токсово была названа именем народного библиотекаря Евгения Евгеньевича Тимошенко.

В истории России есть немало примеров существования частных библиотек.

«Моя цель, – говорил Евгений Евгеньевич, – показать, что создавать библиотеку от избытка средств может каждый человек, он это делает от излишества, а отдать последнее – это может сделать не каждый. В этом-то и есть истинное служение своему народу. В этом, если отбросить всё ту же скромность, ЕСТЬ ПОДВИГ, И К ЭТОМУ Я ПРИЗЫВАЮ».

Художественное оформление «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского, изданных в Омске

«Записки из Мёртвого дома» – особенная книга для Омска. Во-первых, это единственное произведение Ф. М. Достоевского (кроме его писем), где изображён город и его жители; во-вторых, личность великого русского писателя запечатлена в культурном ландшафте города. Поэтому не случаен интерес омичей к этой книге.

«Записки из Мёртвого дома» издавались в Омске трижды, инициированные юбилейными датами.

Впервые это произошло в 1956 г. После разоблачения культа личности Сталина, когда в литературоведении преобладали догматизм, авторитарность, односторонняя характеристика творчества Ф. М. Достоевского, постепенно «возобновилось широкое изучение» [1] наследия писателя. В 1956 г. после долгого перерыва отмечали годовщины смерти и рождения Достоевского: в Гослитиздате вышли первые тома 10-томного собрания его сочинений, центральные и региональные газеты и журналы поместили массу юбилейных статей. Омское государственное книжное издательство, выполняя намеченную линию партии, включило в свой тематический план на 1956 г. «давно уже не издававшиеся «Записки...», которые «воскрешают страшные картины далёкого прошлого» [2]. Оформление книги доверили графику Льву Захаровичу Худякову (1924-?). О нём сохранились скудные сведения. Известно, что он в числе омских художников воевал на фронтах Великой Отечественной войны [3], вернулся в Омск, активно работал, в частности, был участником 10-й областной выставки, сотрудничал с областным книжным издательством. Его интересовала история (акварели «Ворота крепости», «Развалины») [4] и современная жизнь города (рисунок «Строительство Ленинградского моста») [5]. Л. Худяков оформил «Записки из Мёртвого дома» [6], явно опираясь на растиражированное в то время мнение о Достоевском как о мрачном, тяжёлом писателе, обличающем пороки царизма. Обложка выполнена в мрачно-фиолетовом цвете и украшена тиснёной виньеткой. На бледно-голубом форзаце изображены стилизованные цепи и тюремная решётка. Сюжеты рисунков для титульного листа, заставок и концовок обеих частей книги выбраны соответствующие: это каторжники, кото-

рые идут по этапу, возвращаются в острог, или их наказывают розгами. Иллюстрации условны и не отражают никаких омских реалий.

Изучение Достоевского, долгое время считавшегося идеологически «опасным» писателем и «чередовавшееся, а то и как-то уживавшееся с официальным гонением» [7] на него, стало бурно развиваться с 1971 г., когда прошёл впервые разрешённый властями широкомащтабный юбилей писателя. Было осуществлено знаменитого 30-томного академического полного собрания сочинений, проведение научных конференций, посвящённых его творчеству, публикация книг, рассчитанных на массового читателя. Изменилось восприятие его наследия – вместо реакционной, полной упадочных, религиозно-мистических идей «достоевщины», оно стало оцениваться как гуманистический, интеллектуальный, психологический реализм. Этот новый взгляд на творчество Достоевского чётко прослеживается в иллюстрациях второго омского издания «Записок из Мёртвого дома», вышедших в 1982 г. [8]. Их выполнил график Василий Никитович Белан (1932-2002), давно и плодотворно сотрудничавший с Омским книжным издательством. Рисунки в этом же году были представлены на персональной выставке художника. Во вступительной статье к каталогу отмечено: «На выставке зритель знакомится и с прикладной графикой. Представленные работы <...> показывают тонкий вкус и высокий профессионализм художника.

Прикладная графика – очень специфический вид искусства, требующий от художника большого труда, глубоких специальных знаний, индивидуального подхода к любому заданию. Белан умеет найти сюжет, формат, шрифт так, чтобы они раскрывали образ и характер творчества писателя» [9]. Но среди удачных работ иллюстрации к «Запискам...» не названы. Заметим, что в публикациях 1980-1990-х гг. о творчестве В. Н. Белана критики отмечали, что он оформил десятки книг «с отменным изяществом и вкусом» [10], но не анализировали его «достоевские» работы. После проведения в Омске в 2001 и 2011 гг. масштабных юбилейных мероприятий исследователи наконец-то обратили внимание на эти иллюстрации. Например, В. Решетникова отмечает, что обложка сразу же вводит читателя в мир «Записок...», так как изображённые на ней Тарские ворота «были границей вольного мира и «заживо Мёртвого дома» [11]. Особенной удачей, по мнению В. Чиркова, стал форзац: «Стройные, сплошной стеной чёрные пали изображены с убедительной материальностью. Между палями единственная щель, сквозь которую струится пронзительно голубая полоска света. Эта художественная находка удивительнейшим образом иллюстрирует слова великого писате-

ля: «Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет Божий и только и увидишь, что краешек неба... маленький краешек неба, не того неба, которое над острогом, а другого, далёкого, вольного неба...» [12]. На фронтисписе помещён портрет молодого Достоевского (в год прибытия на каторгу ему было 29 лет); большинство художников изображают писателя-каторжника в возрасте, близком к знаменитому портрету В. Перова. В тексте книги приводятся заставки к обеим частям «Записок...» и три страничных иллюстрации «Арестанты на расчистке снега», «В бане», «Умиравший». Эти рисунки «сдержанны, лаконичны, но полны внутреннего драматизма» [13]. В целом оформление книги даёт почувствовать читателю «всю тягость и бесконечность суровых буден омского острога» [14], но не производит впечатления безысходности. В отличие от иллюстраций Л. Худякова, рисунки В. Белана реалистичнее и документальнее (возраст Достоевского-каторжника, стрижки и одежда каторжан, конкретные омские реалии – Тарские ворота).

Третье омское издание «Записок...» вышло в 1996 г., к 175-летию со дня рождения писателя [15]. Известный омский микроминиатюрист Анатолий Иванович Коненко (род. 1954 г.) в издательстве «Сибирский Левша» выпустил миниатюрное издание (22х30 мм) этого произведения Достоевского. В футляре размещены два томика (на русском и английском языках), в которых приводятся главы «Праздник рождества Христова», «Представление», «Акулькин муж», а также отдельно изданная книжечка иллюстраций. Книга вызвала множество откликов, их можно разделить на две группы. В первой и самой многочисленной содержится информация о выходе издания приводятся восторженные отзывы по поводу её размеров, например: «легко умещается на спичечной коробке» [16], «никогда раньше произведения Достоевского не выпускались в таком формате» [17], а художник аттестуется как «омский Левша». Вторую группу составляют более серьёзные публикации, авторов которых миниатюрные «Записки...» интересуют как библиографическая редкость и библиофильское издание. Но лишь в статье Е. Смирнова «Издатель Коненко» вскользь говорится об иллюстрациях к «Запискам из Мёртвого дома»: «Художник воссоздаёт обстановку каторжной среды и переносит мир Достоевского на страницы книги. Помещена в книгу схема острога, и мы узнаём омские места, прилегающие к Иртышу» [18]. К сожалению, нами не обнаружено ни одного отклика искусствоведов или любой другой публикации, где бы анализировалось оформление этого издания. Коненко выполнил большую работу. Оба тома изданы в твёрдом переплете, обложка с тисне-

нием, двухцветная, стилизована под старину. На форзацах размещены виды старого Омска, имеется портрет Достоевского, изображённого в профиль, чертёж крепостного острога 1847 г. и семь страничных иллюстраций. Обе части снабжены ленточками-закладками с «сургучными печатями», на которых изображены кандалы и даты пребывания Достоевского в Омске (для английского текста), число 175 (как дата со дня рождения писателя) и решётка (для русского текста). Может быть, отсутствие искусствоведческих отзывов вызвано тем, что при более пристальном взгляде на рисунки выясняются их неточность и вторичность. Так, на форзацах в трёх случаях из четырёх изображены храмы, которые при Достоевском-каторжнике ещё не были построены, а их композиция очень напоминает дореволюционные фотографии. На портрете мы видим профиль очень немолодого писателя, такого, как на снимках 1870-х гг. Иллюстрации, выполненные в каком-то лубочном стиле, тоже производят впечатление уже ранее виденных.

Приближается ещё один юбилей – 195-летие со дня рождения писателя. В Омске работает группа достоевсковедов, замечательные художники, имеется солидная полиграфическая база, то есть все предпосылки для воплощения мечты Ф. М. Достоевского о «роскошном издании» [19] «Записок из Мёртвого дома». Это стало бы и данью памяти великому русскому писателю и прекрасным подарком к 300-летию Омска, то есть к двум юбилеям, которые мы будем отмечать в 2016 г.

Список литературы:

1. Белкин А. А. Достоевский // Крат. лит. энцикл. – М., 1964. – Т. 2. – Стб. 766
2. Слинкин В. О книгах, которые выпустит Омское издательство // Ом. правда. – 1955. – 3 дек.
3. Мысливцева Г. Художники Омска в годы Великой Отечественной войны // Омская организация Союза художников России: [альбом-справ.]. – Омск, 2004. – С. 10
4. Десятая Областная выставка произведений омских художников 1955 года. Живопись. Графика. Скульптура: каталог. – Омск: [б. и.], 1955. – С. 20
5. Шишова Т. А. Мосты города Омска. – Омск: Ом. кн. изд-во, 2012. – С. 162
6. Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома / [послел. М. Юрасовой; худож. Л. Худяков]. – Омск: Обл. кн. изд-во, 1956. – 300 с.: ил.
7. Бочаров С. От имени Достоевского // Бочаров С. Сюжеты

русской литературы: Филологические сюжеты. Слово теории и слово поэзии. Литературоведение как литература. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – С. 574

8. Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома / [послел. А. Кандеевой; худож. В. Н. Белан]. – Омск: Кн. изд-во, 1982. – 300 с.: ил.

9. Чирков В. Ф. [Вступительная статья] // Василий Никитович Белан: кат. юбил. выст. – Омск, 1982. – [С. 8]

10. Фёдорова С. Крик надоел, хочется тишины // Ом. вестн. – 1993. – 26 марта

11. Решетникова О. Л. Тема «Достоевский и Сибирь» в изобразительном искусстве (из фондов Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского) // Достоевский в смене эпох и поколений: сб. материалов междунар. науч. конф. (Омск, 13-15 окт. 2011 г.). – Омск, 2011. – С. 244

12. Чирков В. Ф. Книжная графика В. Н. Белана (к истории полиграфического искусства в Омске) // Ом. науч. вестн. – 2002. – Вып. 21 (дек.). – С. 74-75

13. Решетникова О. Образы Достоевского в изобразительном искусстве: (из фондов Ом. гос. лит. музея им. Ф. М. Достоевского) // Достоевский и Омск: диалог через века. – Омск, 2011. – С. 238

14. Решетникова О. Л. Тема «Достоевский и Сибирь» в изобразительном искусстве (из фондов Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского) // Достоевский в смене эпох и поколений: сб. материалов междунар. науч. конф. (Омск, 13-15 окт. 2011 г.). – Омск, 2011. – С. 244

15. Достоевский Ф. М. Записки из Мёртвого дома: рассказы. [Ч. 1, 2] / Ил., перепл. и оформление А. И. Коненко. – Омск: Сиб. Левша, 1996. – 143, 160 с.: ил.; 3 см. – (К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского)

16. Иголкин В. С такой книгой – хоть в острог! // Деловая Сибирь. – 1996. – Сент. (№ 37). – С. 15

17. Кадырова Э. Как огромен этот мир – посмотри // Веч. Омск. – 1996. – 7 сент.

18. Смирнов Е. М. Издатель Коненко // Декабрьские диалоги: материалы науч. конф. памяти Ф. В. Мелехина. – Омск, 1998. – С. 62

19. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1985. – Т. 28, кн. 2. – С. 119.

Коллекция экслибрисов «Есенинианы» И. А. Синеокого
(из фондов Омского государственного литературного музея
имени Ф. М. Достоевского)

В Омском государственном литературном музее им. Ф. М. Достоевского личный фонд И. А. Синеокого считается одним из наиболее значительных по числу музейных единиц хранения.

Иван Андреевич Синеокий известен как собиратель материалов о жизни и творчестве С. А. Есенина. Он оставил уникальное книжное и художественное наследие, которое насчитывает более пяти тысяч единиц хранения. «Есениниана» И. А. Синеокого «признана лучшей частной коллекцией, посвящённой поэту. Об этом собрании неоднократно писали в газетах и журналах, выходивших в разных городах бывшего СССР, а также в журналах Финляндии, Венгрии, Югославии. О коллекции и её собирателе рассказывали по радио, снимали документальные фильмы» [1].

Наряду с ценными экспонатами, имеющими отношение к жизни и творчеству С. А. Есенина, описание которых может стать темой нескольких выступлений, отдельным разделом собрания являются графические работы, посвящённые творчеству поэта. Уникальной является коллекция из 225 подлинных экслибрисов, а также дополняющая её часть книжных знаков «Есенинианы» научно-вспомогательного фонда (копийные экземпляры, хранящиеся в коллекции и указывающие на объёмный исследовательский материал для изучения экслибрисов «Есенинианы»). Знакомство с этой яркой коллекцией может стать интересным открытием как для начинающих художников, так и для знатоков книжной графики.

Книжная культура, в том числе понятие книжного знака, в настоящее время, в силу объективных причин уходит в прошлое, оставаясь определённым символом времени. Это особая, миниатюрная, зримая, материальная часть эпохи книгопечатания – той культуры, которую мы называем уходящей, книжной. Но изучение и сохранение этих редких экземпляров свидетельствует о трепетном отношении к книге, является соединяющей путеводной нитью памяти – из прошлого в будущее.

Экслибрисы – бумажные ярлыки, имеющие владельческие сведения, на долгие годы сохраняют память о собирателях и преданных лю-

бителях печатной книги на долгие годы, передавая потомкам частицу души её владельца. Книжные знаки и сегодня воспринимаются нами как особое отношение к книгам. Но в 70-е годы XX века в советской печати постоянно появлялись публикации об открытии и активной деятельности многочисленных клубов любителей книжной графики, часто проводились выставки книжных знаков.

Обладая собственными экслибрисами, активисты этих объединений сумели заинтересовать многих. Читатели из различных профессиональных сфер деятельности как важный символ приверженности к кругу преданных библиофилов считали свой книжный знак, а порою и не один, чтобы этими отметками обозначать отдельные тематические разделы своих книжных собраний. Таковы и собиратели «Есенинианы». Страстно почитающие творчество поэта С. А. Есенина, многие из них имели по несколько тематических книжных знаков, выполненных признанными мастерами художественной графики в разных городах СССР.

Каждый книжный знак рассказывает нам не только о владельце, имя которого, как правило, значится на изображении. Наблюдательный зритель, без сомнения, отметит авторский стиль, художественные образы, создаваемые рукою мастера. Открывая мир экслибрисов есенинолюбов, наглядно видишь насколько увлечённо, преданно занимались творческой биографией поэта его современники. В списке авторов экслибрисов, изготовленных и собранных И. А. Синеокиным и другими собирателями есенинского наследия, более 50 мастеров. Иван Андреевич имел несколько своих книжных знаков, выполненных разными авторами.

О владельцах книжных знаков «Есенинианы» можно рассказывать особо. Без сомнения, каждый из них был личностью, достойной памяти потомков. Именно их подвижнический труд сохранил для нас богатейшее есенинское наследие. Их личные коллекции послужили основой для создания целых музеев. Об отдельных адресатах И. А. Синеокого, чьи экслибрисы и письма он бережно сохранил для нас, удалось отыскать интересные, в том числе биографические факты, дополняющие наши знания [2]. Так, первая выставка книжного знака по есенинской тематике состоялась в октябре 1970 года, провёл её в Московском клубе экслибрисистов (МКЭ) С. П. Юрчук. Отставной морской офицер из Москвы С. П. Юрчук имел 27 книжных знаков. Ташкентский музей Сергея Есенина создан на базе его коллекции предметов и материалов.

В фонде Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского хранятся несколько экслибрисов С. Д. Умнико-

ва, агронома, кандидата сельскохозяйственных наук, создателя народного музея А. А. Ахматовой в г. Пушкино.

Разбирая архив, запомнились эффектные экслибрисы с аббревиатурой НАН. Эти работы выполнены известным художником-иллюстратором, заслуженным деятелем искусств Георгием Николаевичем Карловым. Но кто же такой НАН? Николай Александрович Никифоров? В тамбовском литературно-художественном музее в личном фонде Н. А. Никифорова среди наиболее активных корреспондентов собирателя сохранились письма И. А. Синеокого. В одном из них есть ссылка на письмо из Литературно-мемориального музея им. С. А. Есенина (с. Константиново) от главного хранителя К. П. Воронцова от 8 июля 1978 г.: «Мы считаем, что тот памятник русской культуры, который Вы создали, должен принадлежать народу. Для музея С. А. Есенина это будет большой честью. Мы примем в свои фонды отдельным собранием И. А. Синеокого все материалы на любых предложенных Вами условиях» [3]. Коллекции Ивана Андреевича суждено было остаться в Омске. Изучение эпистолярной части личного архива И. А. Синеокого помогает установить отдельные факты, отражающие этапы создания и сохранения уникальной коллекции.

Кроме того, по имеющимся материалам можно заглянуть в лаборатории мастеров книжной графики. Так, в музее хранятся 17 работ (всего 24 подлинных оттиска, с учётом цветовых вариантов) Михаила Андреевича Панькова, художника из Кемерово (в Сочи – с 1973 г.). Экслибрисы художника-графика узнаваемы по творческой манере, авторскому знаку и обязательной нумерации, отражающей количество выполненных книжных знаков.

Значительный объём экслибрисов в музейной коллекции выполнен известными мастерами книжной графики, среди них Рудольф Владимирович Копылов, Вячеслав Анатольевич Зверев, заслуженный деятель искусств Георгий Николаевич Карлов, Константин Степанович Козловский, Абрам Соломонович Мистецкий, Евгения Николаевна Шалыгина, Николай Филиппович Шамрила.

В коллекции И. А. Синеокого всего три работы выдающегося русского и латышского мастера Алексея Илларионовича Юпатова, экслибрисы которого также считаются признанными шедеврами книжной миниатюры. Отдельные мастера представлены в коллекции только одной работой. Но и это подлинные произведения книжной графики. Из старшего поколения мастеров в музее хранится один экслибрис И. А. Синеокого работы Фёдора Денисовича Константинова. Работа чеш-

ского художника Вацлава Фиалы также в числе уникальных экспонатов.

Знакомство с коллекцией экслибрисов может стать открытием ещё и с учебно-познавательной целью: это возможность увидеть мастерски задуманные эстампы в различных техниках. На музейных экслибрисах встречаются надписи, которые знатокам расскажут о том, как выполнен тот или иной книжный знак. Лишь перечисление многообразия техник – этой скрытой от глаз зрителя неотъемлемой составляющей деятельности художника – погружает нас в особый мир сложных превращений, известный немногим посвящённым мастерам. Для создания экслибрисов авторы используют следующие техники (уместно дать полный перечень):

С1 – гравюра на стали;	Х1 – обрезающая ксилография;
С2 – гравюра на меди;	Х2 – торцовая ксилография;
С3 – офорт;	Х6 – гравюра на пластике;
С4 – сухая игла;	Р1 – цинкография.
С5 – акватинта;	
С6 – мягкий лак;	

Основная часть имеющихся в музее книжных знаков (235 работ) систематизирована. Но отдельная часть коллекции экслибрисов «Есенинианы» требует проведения определенных поисковых мероприятий и соответствующей идентификации ряда экспонатов с именами художников-графиков. Так, в 23 случаях не установлено авторство: на этих подлинных оттисках нет указанного какими-либо отметками (надписи, автографа или знакового обозначения) авторства.

Изучение экслибрисов продолжается, надеемся, долгожданные находки будут сделаны в процессе поисковой музейной работы, а также при получении книги-альбома В. В. Меркулова «Есениниана в книжных знаках» (Рязань, 2008).

Список литературы:

1. Зародова Ю. П. Есенин в Омске // Архивный вестник: Информационно-методический бюллетень Архивного управления Администрации Омской области / Под редакцией и.о. руководителя ГАСОО Г. Ю. Бородиной. – Омск: изд-во ОГМА, 2001. – С. 192

2. URL: <http://esenin.ru/esenin-v-izobrazitelnom-iskusstve/ekslibris> (дата обращения: 20.11.2014)

3. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/2011.html> (дата обращения: 20.11.2014)

Осмысление пространства Сибири писателями-очеркистами на рубеже XIX-XX веков

Россия и Сибирь составляют в географическом и социально-политическом плане одно целое. Но Россия так велика, что её трудно воспринимать как нечто единое и неделимое. Историческая судьба Сибири тому подтверждение. Издавна путешественников привлекали далёкие, малоосвоенные, либо вовсе неизученные исторически «молодые территории». Именно таким местом была Сибирь. Её границы захватывали восточную часть Евразии и России, что определяло социально-культурную жизнь края. Пограничность географического расположения вызывала двойственное отношение. С одной стороны, необжитость, пустынный, суровый климат, удаленность от центра, загадочный мир, с другой – именно в таком экспериментальном пространстве возможна любая деятельность, любой опыт. Здесь особым образом ощущается внутреннее единство природного и человеческого начал.

Сибирь во все времена воспринималась как край экстремального выбора, соединяющий в себе что-то несбыточное, но могущее сбыться, загадочный мир, своеобразно ассимилировавший как отдельные человеческие судьбы, так и целые культурные пласты. Это место внутреннего выстраивания, прозрения, преображения, предполагающее предельно активное отношение к этому пространству. Человек ощущает здесь иную энергетику, мобилизующую в нём скрытые до времени внутренние резервы, благодаря чему выстраиваются особые духовные координаты восприятия времени и пространства.

П. Л. Драверт назвал Сибирь «Страной холодной, но живой». В поэтических произведениях им создан образ Сибири как пространства открытых возможностей, экстремального выбора. В поэтических образах раскрывал экспериментальную и гиперсмысловую стороны жизни края. Экспериментаторство проявлялось в способности пространства активизировать поступательную активность в людях. Как писал декабрист А. Бестужев, «сама природа указала Сибири средства существования, схороня в её горах множество металлов и ценных камней, дав ей обилие вод и лесов...». Процесс экспериментирования в литературном творчестве осуществлялся на уровне авторского слова, поиска новых образов, жанровых сцеплений. Основу творчества мест-

ных писателей составляли отечественные художественные традиции, бережно сохраняемые в провинциальной Сибири.

Ещё в начале XX века Марк Азадовский призывал писателей-сибиряков активнее изучать и разрабатывать «местные» темы, проникать в «глубины жизни повседневной, обыденной, естественной», передавать в слове особый колорит здешней природы, отводил особое внимание жанру путевого очерка, дневника, следуя традициям русских писателей, путешествующих по Сибири.

Говоря о писателях-сибиряках, исследующих «дух» Сибири, следует назвать М. Г. Калашникова, автора повести «Дочь купца Жолобова». В предисловии к ней писал: «Я... имел ввиду познакомить читателя с краем, который, отличаясь богатством и разнообразием природы и жителей, до сих пор еще составляет страну малоизвестную...».

Следует упомянуть имя Н. М. Ядринцева, прогрессивными идеями которого руководствовались многие авторы. «Сибирь – страна будущего, страна просыпающихся сил, – писал Ядринцев, – она чутко начинает прислушиваться к идеям человеческого прогресса. С возрождением отсталого края изменится облик планеты Земля, поднимется общая культура человечества».

Такой прогрессивный взгляд на пространство края был подхвачен теми, кто был направлен в Сибирь в ссылку, в том числе: И. П. Попов, В. Г. Тан (Богораз), С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович (Мельшин), поляки – Вацлав Серошевский, Феликс Кон и др. Наиболее известны их физиологические очерки: «Невольнический корабль и сибирский клоповник», «В жертву богам», «На краю леса», «Странники». В этнографических зарисовках В. Г. Тана «Чукотские рассказы», «Очерках Сибири» В. Я. Елпатьевского, «Якутских рассказах» В. Л. Серошевского ведущим принципом авторского изображения является принцип пространственно-временного полифонизма. Впервые становится слышим голос отдельного человека, выходца из народной массы. В «Очерках забайкальской жизни» А. Сибирякова, «Сибирских очерках» Ф. Толя, «По тюрьмам и этапам» И. П. Белоконского, «Записках бывшего каторжника» П. Ф. Якубовича, «Рассказах о Карийской каторге», «Очерках Сибири» С. Я. Елпатьевского, созданных в условиях каторжной жизни, даны зарисовки картин быта ссыльных, переселенцев, каторжан. Большая часть из них написана в традиции «нравоописаний», авторы использовали элементарные способы типизации героев, обращали внимание на детали, единичные факты.

Большинство документальных и художественных очерков, книг, написанных на переселенческую тему, характеризовало пространство Сибири как заброшенный и скорбный край. Об этом свидетельствуют названия: «В дали: Рассказы из вольной и невольной жизни» М. Орфанова, «Места не столь отдалённые» М. Кущевского, «Сибирь и каторга» С. Максимова, «В мире отверженных» П. Якубовича, «В забытом краю» Н. Наумова, «На чужбине» Н. Ядринцева и другие.

О преемственности классических традиций очерковой литературой, созданной в первые десятилетия XX века, свидетельствует книга П. Ф. Якубовича «В мире отверженных». Это очерковая повесть, в основу которой автором положены структурно-содержательные принципы сюжетно-композиционного единства, разработанные Ф. М. Достоевским в «Записках из Мёртвого дома». Якубович, вслед за Достоевским, являлся преемником складывающихся процессов философизации очерковой прозы. Главы книги объединяет то, что все они были написаны на основе глубоковыстраданного личного опыта писателя, приобретённого в условиях каторги. О преемственности традиций Достоевского сообщает Якубович в предисловии к своей книге: «После «Записок из Мёртвого дома» существовало множество очерков и рассказов о каторжниках, переселенцах, но единого связанного повествования, объединённого общностью взглядов на образ жизни этих людей, прошедшего «сквозь призму художественного анализа и обобщения», не было [1].

Свою задачу он видел в создании книги такого типа. Опыт сопоставительного анализа произведений двух авторов позволяет проследить эту преемственность.

Книга открывается следующим авторским признанием: «Много лет довелось мне прожить в мире отверженных в качестве непосредственного участника < ... > лежавшего рядом с ними на тех же нарах, испытывавшего те же умственные и нравственные интересы... Поэтому часто подмывает меня желание передать свои впечатления бумаге, поведать о них свету. Правда, страшно браться за задачу, которая однажды была уже блистательно выполнена великим художником. Несмотря на то, что цели очень скромны, и что я совершенно чужд претензий на художественность письма, мною все-таки овладевает неволь но чувство боязни ... ». «Я долго колебался < ... > но только мысль о том, что столько изменений произошло в этом мрачном мире со времен Достоевского, что его время отделено от нас уже несколькими десятками лет < ... > одна только эта мысль побудила меня взяться, наконец, за перо и оттолкнуть от себя все сомнения» [2].

Оказавшись на каторге, писатель узнает историю жизни узников, их прошлое, характер преступлений. Слушая рассказ простодушного парня, отмечает, что уловил в душе его «присутствие какой-то недоброй, больной, темной, быть может, самому ему неведомой силы», почувствовал, что душа его «была, в сущности, то же, что и трава, растущая в поле, облако, плывущее в небе и повинующееся дуновению первого ветра» [3].

П. Ф. Якубович исследует влияние отгороженного от окружающего мира пространства каторжного острога на судьбы оказавшихся здесь людей. Жизнь в условиях абсолютной несвободы кажется ему невыносимой. Писатель убеждён, что все тюремные законы касаются лишь внешнего вида и поведения узников, но нет ни одного случая перевоспитания человеческой души. Страх перед наказанием, по его мнению, лишь окончательно развращает арестантов, заставляя их быть хитрыми и лицемерными. Понятия же о цели и смысле жизни оставались у них прежними, и, выйдя на волю, они начинали поступать по тому же шаблону, с той только разницей, что старались вести дело «чище», осторожнее.

«Мне казалось, что если бы когда-нибудь самого меня подвергли этому ужасному наказанию, то вся моя духовная личность была бы навеки раздавлена, уничтожена, что я больше не мог бы жить и глядеть на свет Божий. Чем-то неизгладимо позорным и варварским, худшим из всех остатков средневековой пытки представлялось мне употребление плетей и розг накануне XX века. Между тем, сожителем моим этот взгляд был вполне чужд и непонятен». Писатель признается, что первоначально представлял себе арестантов «...Стеньками Разиными, людьми беззаветной удали и какого-то веселого отчаяния». «Но первая попытка подойти ближе едва не стоила мне глаза! Это было мое первое разочарование в этих людях, среди которых предстояло мне столько лет жить; первое свидетельство того, какой крошечный ад тьмы и не нужной злости, бессмысленной жестокости представляет этот таинственный мир, как он чужд мне. И как много я должен буду выстрадать, живя с ними одной жизнью» [4].

С точки зрения Достоевского, «высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ея... Стоит только снять наружную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предубеждений – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал < ... > сами мы еще должны у него поучиться ... ». («Записки из Мёртвого дома»)

По мнению Якубовича, нужно обладать поразительно стойкой нравственной организацией, чтобы не растерять здесь последние чёточки человечности. «Бог! - говорит возмущенно арестант, - какой Бог? Где только мы не были, нигде не видели ни Бога, ни дьявола». «О, неужели найдется кто-нибудь, кто поймет меня, кто не посмеется над моими словами?» - восклицает автор [5].

Глядя на арестантов, заключает: «Огрубело у каждого сердце, окаменело». «Если бы у меня был какой-нибудь заклятый враг, и я непременно должен был бы осудить его на величайшую кару, я избрал бы путешествие в течение трех - четырех лет по этапу. Осудить на больший срок у меня, право, не хватило бы духу ... ».

Автор задает для себя и для всех самый животрепещущий вопрос: как жить в таких условиях? Ответ на него совпадает с мыслями Достоевского: не думать. «О завтрашнем дне стараются не думать, этим-то свойством и держится < ... > арестант. Не обладай он счастливой способностью не заглядывать в будущее, – жизнь стала бы невозможной» [6].

Мысль человеческая, данная ему как величайшее благо, превращается здесь в его величайшее несчастье в «мире отверженных». Она приводит человека в положение невыносимого одиночества, доводящее его до отчаяния: такая участь постигла одного из товарищей Достоевского, отвечающего на все примиряющие разъяснения писателя: «*je hais ces brigands*» («как я ненавижу этих разбойников»).

Якубович отмечает, что среди арестантов он чувствовал себя совершенно одиноким: «Где я? Неужели я один, живой среди мертвых? Они ведь и живые мертвы для меня. К чему закрывать глаза на горькую правду? Я – один. Один, как челнок в океане, как былинка в пустыне, один, один! Нет руки, на которую я доверчиво мог бы опереться «в минуту душевной невзгоды». С кем я? Как попал в эту смрадную яму? Что общего между мною, который порывался к светлым небесным высям и миром низких невежд и корыстных убийц?» [7].

С точки зрения Достоевского, эти люди не потеряли свой человеческий облик, который скрыт под внешней агрессией. «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее», – отмечал он. «Стоит только снять наружную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков, иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал < ... >. Сами мы еще должны у него поучиться ... ». («Записки из Мёртвого дома»)

В «Записках ...» Достоевского сообщается, что в большинстве случаев арестанты без желания вспоминали о своих преступлениях, так как это было «не принято». Якубович же с возмущением констатирует тот факт, что во время его пребывания в остроге такие разговоры, приукрашенные подробностями, считались любимейшей темой вечерних бесед. «Мне приходилось быть свидетелем самого веселого смеха всей камеры при рассказах, от которых волосы на голове становились дыбом, и мороз пробегал по коже» [8]. В чём причина такой перемены в людях? Размышляя на эту тему, Якубович приходит к выводу, что во времена пребывания в остроге Достоевского, на каторгу чаще попадали невинные люди, осуждённые не в меру строго. Они не были испорчены нравственно, а лишь доведены до отчаяния несправедливым крепостническим строем. В начале XX века положение на каторге изменилось. Здесь оказались люди, искалеченные морально. Многие из них уже однажды побывали в Сибири, прошли «школу» выживания в условиях тотальной жестокости и деспотизма. Якубович размышляет над проблемой психологии современного ему каторжанина, задаётся вопросом: не возможны ли подобные конфликты на воле, например, между интеллигенцией и тёмной народной массой.

Большинство из названных нами авторов создавали свои произведения, опираясь на собственные впечатления, раздумья, будучи не связанными друг с другом. Первые творческие объединения провинциальных писателей в Сибири начали складываться в двадцатые годы XX века. Одним из первых крупных творческих объединений была «Омская артель писателей и поэтов» (1921 г.), в состав президиума которой входил Г. А. Вяткин. В 1928 году сформировалась литературная группа «Памир». Название выражало идейные устремления вошедших в группу писателей: Л. Мартынова, Н. Анова, И. Ерошина, Н. Феоктистова: «Будущее в Сибири определяется: во-первых, огромными естественными возможностями страны; во-вторых, высоким качеством человеческого материала, населяющего Сибирь. Кряжистый, инициативный, предприимчивый сибиряк выгодно отличается от «лапотника» – забитого столетиями, прозябавшего в нужде и гнете российского крестьянина. Качество этого людского материала позволит ему не только использовать все возможности Сибири, но и устремиться на юг и восток, сливаясь с народами других стран ... Перевал путей вершины Памира» [9].

Характеризуя данные установки, можно со всей уверенностью говорить об их причастности к пропагандируемым в то время

областническим идеям. Областнические настроения преобладали в творчестве писателей, стоявших у истоков создания журнала «Сибирские огни» – К. Урманова, П. Васильева, Е. Забелина и других. Многие из них были арестованы, наряду с инициаторами «областничества», однако созданные ими произведения (в том числе очерковые), получили широкое распространение и достойную оценку не только в Сибири, но и во всей России.

Список литературы:

1. Якубович П. Ф. В мире отверженных (Записки бывшего каторжника): В 2 т. – М., Л. 1964. Т.1. – С. 6
2. Якубович П. Ф. В мире отверженных // Орфанов М. И. Сибирские колонизаторы // Русская мысль, 1883, № 9. – С. 23
3. Якубович П. Ф. В мире отверженных (Записки бывшего каторжника): В 2 т. – М., Л. 1964. Т.1. – С. 9
4. Указ. соч. – С. 9
5. Указ. соч. – С. 11
6. Указ. соч. – С. 47
7. Указ. соч. – С. 64
8. Указ. соч. – С. 80
9. Сын Гипербореи (Книга о поэте). – Омск, 1997. – С. 71.

Место культурно-исторического и книжного наследия в современных культурных индустриях: к вопросу о стратегиях территориальной самопрезентации

Современные представления о территории, образуемой единими для многих регионов факторами (естественно-географическими и экономическими, этноконфессиональными и геополитическими), неотделимы от поиска маркеров, способных очертить контуры уникального наполнения места. Актуализируется круг вопросов, связанных с исследованием стратегий региональной самопрезентации, формируется научный интерес к содержанию культурных индустрий, создающих условия для развития поточного продукта как на рынке товаров и услуг, так и в сфере творчества, рассматривается возможность сохранения локального наполнения, связанного с ключевыми этапами становления регионов в контексте единого государственного развития. В данном контексте внимание исследователей и общественных деятелей направлено на определение функций культурно-исторического и книжного наследия в развитии современных культурных индустрий, что обосновано двуправленными тенденциями: первая ориентирована на изучение и прогнозирование результатов развития культурного производства, главная задача которого – распространение типовых культурных образцов, выполненных в стандартных формах по стандартным технологиям; вторая определяется поиском инновационных форм самопрезентации территории в её уникальных формах. Таким образом, вопрос о стратегиях самопрезентации современных регионов неотделим от проблемы поддержания и трансляции культурно-исторического наполнения, которое влияет на формирование имиджа места и возможность поиска ресурсов для развития региональной идентичности, что в совокупности формирует содержание культурного бренда.

Исходя из сложившихся представлений о механизмах, маркирующих территориальную уникальность, задача библиотек, музеев в качестве хранителей информации заключается не просто в создании условий для самостоятельного погружения читателей, посетителей в информационное поле, педантично создаваемое, поддерживаемое и транслируемое сотрудниками учреждений культуры. Важным становятся и направление запроса в целом, и поисковые акценты, связанные

с конкретным именем и местом, зданием и улицей, историко-временным контекстом, создающим событие, и результатами деятельности лиц, вошедших в историю и определивших новые направления в жизни человеческого сообщества. Формируя интерактивное поле для взаимодействия читателя, посетителя с культурно-историческим и книжным наследием, библиотеки и музеи способны привлечь внимание современного жителя мегаполиса а) уникальным фондом, б) событием, способным представить среду как инновационную, в) организацией внутреннего устройства библиотек и музеев, удовлетворяющей частный интеллектуальный запрос, г) спецификой, статусом места расположения библиотек и музеев.

Как показывают данные социологических опросов, узловыми точками наиболее острых проблем чтения и книжной культуры являются такие репродуктивные институты постсоветского социума, как каналы книгораспространения, библиотеки разного типа и уровня, образовательная система. Важным становится как приобщение к чтению различных категорий населения, так и налаживание коммуникативных связей, создание и укрепление современных социокультурных институтов. Государственная массовая библиотека на протяжении многих десятилетий была ведущим институтом организации чтения. В постсоветский период на рубеже тысячелетий происходит ослабление основных функций, в числе которых представление «национальной» культуры в её общезначимых и обязательных образцах, обеспечение условий для существования государственно-планируемой и финансируемой науки. Поддержание работы средней и высшей школы привело к сокращению числа общедоступных библиотек, их фондов и количества абонементов, что в конечном итоге сформировало тенденцию уменьшения числа общедоступных библиотек и общей численности читателей [1]:

	1990	1995	2000	2004	2005
число общедоступных библиотек (тыс.)	62,6	54,4	51,2	49,9	48,3
численность читателей (млн.)	71,9	60,2	59,6	58,2	57,8

Причиной утраты прежними институтами книжной культуры – библиотеками, школами, вузами, литературной критики – своего прежнего символического значения, авторитетности, прежней роли в структурировании процессов массового чтения, представлении и распространении влиятельных образцов выступает то, что для большинства читателей эксперты в области гуманитарного знания (учителя, библиотекари, хранители фондов, критики) теряют свой авторитет. Важно мнение представителей «своей» группы, что провоцирует развитие процесса «обвальной массовизации и параллельной фрагментации читательской культуры, культурного усреднения, когда уже едва ли можно говорить о лидирующих или «опережающих» культурных группах читателей, которые могли бы выступать носителями культурной новации, дифференциации специализированных институтов» [2]. В итоге, современные культурные индустрии сохраняют основные признаки – массовость и стандартизированность.

С другой стороны, интересным ориентиром в жизни современного социума становится потребность в развитии творческой индустрии, для которой характерна инновационность, авторская оригинальность, штучность и эстетическая значимость. Механизмом поддержания тенденции сегодня выступает культурно-историческое наследие региона. Оно сложилось на протяжении многовековой истории, а потому обладает ценностным капиталом, понятным своему жителю и привлекающим внимание внешнего жителя, находящегося в поиске новых открытий.

На сегодняшний день значение сохранения и регенерации культурно-исторического наследия как для отдельных регионов, так и страны в целом определяется тремя основными тезисами:

1) наследие несёт в себе культурные и цивилизационные коды нации, выступает основой для формирования идентичности;

2) объекты культурно-исторического наследия – важный актив современных регионов, он может приносить прибыль и существенно влиять на экономическое развитие территории;

3) культурное наследие определяет содержание территориальных брендов в период перераспределения регионами туристических потоков, потому культурно-историческое богатство всё чаще используется в качестве эффективного инструмента утверждения лидерства, продвижения и региональных, и национальных интересов на международной арене.

Особый интерес представляют способы интеграции объектов культурно-исторического наследия в жизнь современного региона, при

этом противоречивым остаётся вопрос о необходимости изыскания средств для содержания и реставрации многочисленных памятников и их интеграции в хозяйственную жизнь края. В числе основных способов:

1) приватизация памятников с наложением обременения на частных собственников;

2) девелопмент объектов наследия, состоящий в придании новой функциональности, соответствующей стандартам рынка недвижимости;

3) продажа «ауры» исторического и культурного наследия, позволяющая сделать место привлекательным для новых застроек в связи с его историчностью;

4) развитие культурного и познавательного туризма и создание на базе объектов наследия туристических продуктов и брендов.

В современной ситуации поиска регионами технологий работы с населением, направленных на развитие интереса к культурно-историческому и книжному наследию, музеи и библиотеки решают задачу, связанную с формированием потребности населения в поддержании и трансляции культурной памяти. Актуальным вопросом для просветительской деятельности населения музейной и библиотечной средой, безусловно, является формат привлечения внимания. Одной из самых успешных и апробированных технологий является интерактивное погружение в историю места. Так, течение *living history* (живая история) образовано на стыке экспериментальной археологии и музейной педагогики. Внимание к направлению обусловлено возможностью воссоздать повседневный быт населения определённого места на определённом историческом этапе, что осуществляется в форме организации музеев и проведения фестивалей, в подготовке уроков «живой истории» в школе и вузе. Важным является абсолютно всё, начиная от кроя, внешнего вида и технологии изготовления носимой одежды и заканчивая аутентичными продуктами и рецептами кухни. Опыт показывает, что подобные мероприятия интересны не только самим участникам, но и зрителям, которые могут воочию посмотреть на нехрестоматийную историю своей страны, на то, как жили и чем занимались предки (например, Фестиваль военно-исторической реконструкции «Абалакское поле», г. Тобольск) [3]. Примером реализации направления «живая история» является деятельность этнографического музея под открытым небом «Торум-Маа» в г. Ханты-Мансийск, где в реконструкции архитектурных построек «Летнее стойбище ханты», «Зимнее поселение северных манси», «Святылище обских угров» дано представление о древнейших обитателях Западно-Сибирской низменности [4]. Реализация проекта

«Виртуальные прогулки по старинному Тобольску» основана на популярном бесплатном сервисе Historypin для устройств на операционной системе Android, iOS или Windows Phone. Приложение автоматически определяет местонахождение пользователя и предлагает познакомиться со старинными фотографиями ближайших к нему исторических объектов, а также использовать функцию «дополненной реальности». Таким образом, при наведении камеры смартфона на здание или улицу можно увидеть архивное изображение поверх современного вида, регулируя прозрачность фотографии. Проект уникален ещё и тем, что в нём можно найти и просмотреть редкие архивные изображения зданий, которые не сохранились или были перестроены в процессе развития города [5].

Пространство современной библиотеки предлагает разнообразные творческие форматы обращения к книге. К числу таковых можно отнести формат мобильной библиотеки, позволяющий любому читателю, обладающему мобильным устройством с поддержкой интернет-сети, бесплатно скачать книги на выбор [6]. Формат «живой библиотеки» – международного проекта, зародившегося в Дании (2010 г.), в первую очередь, связан с формированием толерантности и направлен на преодоление социальных предрассудков. Особенность «живой библиотеки» заключается в том, что «книгами» являются люди, готовые отвечать на вопросы «читателей» [7]. Новая концепция библиотеки-коворкинга связана с созданием особого общественного арт-пространства, где присутствует не только традиционная выдача книг, но и организуется участие в вебинарах, мастер-классах, дискуссиях; это пространство для работы, отдыха и общения [8].

Подводя итоги, отметим, что культурная индустрия – важная форма культурного производства. Она обеспечивает массовое распространение типовых культурных образцов, созданных в стандартных формах, по стандартным технологиям и соответствующих стандартным идеологическим задачам. Это черта глобального мироустройства. Положительный результат – обеспечение комфортного существования человека ввиду образования единых экономических связей, транспортных систем, социальных норм, стандартизации и массового распространения наиболее эффективных культурных практик. Однако потребность человека в поиске оснований для сохранения идентичности связана с таким устойчивым ресурсом трансляции культурной памяти, как культурно-историческое наследие, способное как сплотить, объединить население вокруг знакового для территории наполнения, так и выстроить диалог с местом благодаря открытию нового знания. Этому

способствует уникальная информационная среда библиотек и музеев, создающая условия для развития и поддержания познавательного интереса населения к культурно-историческому и книжному наследию в традиционных и инновационных формах репрезентации.

Сноски:

1. Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с. URL: http://mcbs.ru/files/File/levada_chtenie.pdf (дата обращения: 10.12.2014)

2. Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России–2008. Тенденции и проблемы. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с. URL: http://mcbs.ru/files/File/levada_chtenie.pdf (дата обращения: 10.12.2014)

3. Фестиваль военно-исторической реконструкции «Абалакское поле». URL: <http://abalak.su/pole.html> (дата обращения: 12.12.14).

4. Этнографический музей под открытым небом «Торум-Маа». URL: <http://torummaa.ru/3d/> (дата обращения: 12.12.14)

5. Виртуальные прогулки по старинному Тобольску выходят на международный уровень // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtymen.ru/_old/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=11162359@egNews (дата обращения: 21.12.2014)

6. МТС запускает проект «Мобильная библиотека». URL: <http://pro-books.ru/news/3/15032> (дата обращения: 20.07.2015)

7. В Омске откроется «Живая библиотека» // Омск.рф. URL: http://www.admomsk.ru/web/guest/government/pressconferences/-/asset_publisher/2nSW/content/403406 (дата обращения: 10.12.2014)

8. Севастьянов И. В Омске к открытию готовят Пушкинский коворкинг // Класс: городской онлайн-журнал. URL: http://newsomsk.ru/class/news/16653-v_omske_k_otkrtyu_gotovyat_pushkinskiy_kovorking/ (дата обращения: 19.07.2015)

Список литературы:

1. Виртуальные прогулки по старинному Тобольску выходят на международный уровень // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: http://admtymen.ru/_old/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=11162359@egNews (дата обращения: 21.12.2014)

2. В Омске откроется «Живая библиотека» // Омск.пф. URL: http://www.admomsk.ru/web/guest/government/pressconferences/-/asset_publisher/2nSW/content/403406 (дата обращения: 10.12.2014)

3. Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России-2008. Тенденции и проблемы. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 80 с. URL: http://mcbs.ru/files/File/levada_chtenie.pdf (дата обращения: 10.12.2014)

4. МТС запускает проект «Мобильная библиотека». URL: <http://pro-books.ru/news/3/15032> (дата обращения: 20.07.2015)

5. Севастьянов И. В Омске к открытию готовят Пушкинский коворкинг // Класс: городской онлайн-журнал. URL: http://newsomsk.ru/class/news/16653-v_omske_k_otkrtiyu_gotovyat_pushkinskiy_kovorking/ (дата обращения: 19.07.2015)

6. Фестиваль военно-исторической реконструкции «Абалакское поле». URL: <http://abalak.su/pole.html> (дата обращения: 12.12.14)

7. Этнографический музей под открытым небом «Торум-Маа». URL: <http://torummaa.ru/3d/> (дата обращения: 12.12.14).

Коллекционирование изданий на русском языке как феномен книжной культуры Эстонии

«Когда смотришь на полки с книгами, накопленными за много лет собирательства, вспоминаются не только их содержание, авторы и издатели, но и обстоятельства, при которых эти книги появились на свет. Последующая судьба многих из них порой столь же интересна, как и сама книга» [1].

Эти слова известного библиофила Н. П. Смирного-Сокольского очень верно определяют смысл коллекционирования книг – открывать их судьбу. Сама я принадлежу к счастливому кругу собирателей изданий на русском языке. И это не случайно. Я родилась в России, и когда моя семья переехала в Эстонию, ещё советскую, самым ценным багажом были книги. Тогда в Эстонии русский язык был государственным, на нём говорили очень многие жители республики. Живы были и до сих пор не забываются литературные традиции, связанные с рождением и пребыванием на прибалтийской земле многих русских поэтов и писателей. Так, известный русский беллетрист А. А. Бестужев-Марлинский в 1824 г. написал повесть «Ревельский турнир», действие которого происходит в средневековом Ревеле (ныне Таллин).

Лицейский друг А. С. Пушкина В. К. Кюхельбекер провёл свои годы в имении Авинурм близ Чудского озера, учился в частном пансионе в г. Выру, а в повести «Адо» (1824) описал события XIII в., связанные с борьбой эстонского народа с немецкими завоевателями.

В. А. Жуковский поехал в Дерпт (ныне г. Тарту) вслед за любимой девушкой Марией Протасовой. Здесь он посещал лекции в университете, занимался в библиотеке, а в 1816 г. его избрали почётным доктором философии Дерптского университета. Он является автором рукописи «География и история Эстляндии и Лифляндии».

Русский поэт А. А. Фет в 14 лет был отправлен отцом на учёбу в Выру, а 20 лет спустя служил в военной части, расположенной около Палдиски. Много раз бывал в Ревеле, который произвёл на него большое впечатление.

С Таллином связано имя ещё одного русского писателя: в 1830-1840 гг. в Старом Таллине на улице Уус жил М. М. Достоевский,

работавший в ту пору в Ревельской инженерной команде. В этот период его не раз навещал брат – гениальный Ф. М. Достоевский.

Один из основоположников русского символизма В. Я. Брюсов, побывавший в Ревеле летом 1900 г., назвал этот город «Weltstadt», т. е. мировой город, воплотивший в себе ход мировой истории. Эти строки он посвятил Таллину:

*Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежились сырые тени...*

(Из сатирической поэмы В. Я. Брюсова «Замкнутые»)

А. А. Блок в 1907 г. впервые приехал в Ревель вместе с женой к своей матери, которая переехала сюда на жительство. Старый город стал для него поэтической музой.

К. Д. Бальмонт любил отдыхать в Эстонии. Красота северной природы очаровала поэта. В предисловии к написанному здесь сборнику «Только любовь» он отмечает: «Эта книга возникла на берегу Балтийского моря, в Меррекуле, в летние дни и ночи 1903 г... Да живут созвучья Янтарного моря».

В период Первой мировой войны в посёлке Тойла жил один из известнейших русских поэтов своего времени Игорь Северянин, удостоенный в дореволюционной России титула «Короля поэтов». После Октябрьской революции он отказался вернуться в Россию, предпочитая оставаться «дачником» в Эстонии. Здесь было издано несколько его сборников, он переводил эстонских поэтов Генрика Виснапу, Марие Ундер, Алексиса Раннита, составил первую антологию эстонской поэзии на русском языке.

Особое место в панораме русской культуры принадлежит Борису Вильде (1908-1942), который, прибыв в Эстонию из Петербурга, в 1930 г. уехал в Германию, а оттуда – в Париж, где работал в Этнографическом музее. По поручению этого музея в 1937 г. он собирал в Эстонии

этнографические материалы, связанные с сету и здешними русскими. Именно Борис Вильде во время немецкой оккупации Парижа предложил название Соппротивление (Résistance) французскому антифашистскому движению, в котором и сам принимал активное участие. Борис Вильде был арестован Гестапо и расстрелян во дворе Парижского этнографического музея. Генерал де Голль посмертно наградил его медалью Соппротивления.

Символом русской литературы в Эстонии, особенно среди эстоноязычного населения, стал С. Довлатов, живший в Таллинне с сентября 1972 до марта 1975 г. В рассказах, вошедших в книгу «Компромисс», Довлатов описал истории из своей журналистской практики в качестве корреспондента «Советской Эстонии», а также рассказал о работе редакции и жизни своих коллег-журналистов.

Традиции русской книжной культуры в Эстонии стали основой для коллекционирования книг. По данным исследования «Культура в нашей жизни»: в РСФСР (1985 г.) в домашних книжных собраниях было в среднем 290 книг, на Украине – 300 книг, в Эстонии (1977 г.): в городе – 268, на селе – 182 книги [2]. По результатам исследования видно, что личные библиотеки в Эстонии были весомыми и в основном состояли из книг на русском языке. Связано это с тем, что специальная литература издавалась на русском языке, велик был и остаётся интерес читателей Эстонии (в основном это были представители интеллигенции) к произведениям русских писателей и поэтов. Нынешний министр культуры Лайне Янес вынужден был признать, что «русская книжная традиция в Эстонии очень богата, чему мы можем снова и снова находить подтверждение буквально каждую неделю, так как у нас издаётся масса интереснейших книг разных жанров, с большим успехом проходят выставки, на которых немалое место отводится книгам» [3].

Гордостью библиофильского движения в Эстонии являются преподаватель Таллиннского политехникума (1921-1931) Фридрих Амантусович Дрейер, Юлий Борисович Генс, большая часть коллекции которого перешла к писателю О. Г. Ласунскому, основатель первого в Эстонии Общества книголюбов Мария Фёдоровна Смолина, собиратель частных эмигрантских собраний в Европе Александр Петрович Тимофеев, исследователь и хранитель архива русских в Эстонии Александр Дормидонтов и другие. О каждом из них можно рассказывать очень долго и много.

Моё личное собрание в настоящее время насчитывает около 1500 книг и журналов. В основном это – художественная литература на

русском и эстонском языках и специальная литература по математике. Среди моих книг есть особые, которыми я очень дорожу и историю которых мне очень интересно открывать.

Например, драма «Медея» А. С. Суворина и В. П. Буренина, которую в конце XIX в. ставили не только на профессиональной, но и на любительской сцене, перешла ко мне из личной библиотеки жителя Пярну (ныне г. Пернов) Николая Ивановича Иванова, состоявшего в Русском общественном собрании [4].

Три книги были получены из личной библиотеки Ф. А. Дрейера. Первая книга – «Книга былин», составленная В. П. Авенариусом [5] (была выдана Ф. А. Дрейеру за отличные успехи и благонравие педагогическим советом Юрьевской гимназии). Вторая – третий том из Сочинений Н. В. Гоголя [6]. Третья книга – шестой том из Собрания сочинений Ф. Сологуба – была подарена Дагмар Дрейер в 1917 г. [7].

Конволют 1-2 томов из собрания сочинений В. М. Теккеря когда-то находился в Библиотеке офицерского собрания Кронштадтской крепостной артиллерии [8]. История Офицерского собрания начинается с XVIII в. В 1879 г. «Кронштадтский вестник» опубликовал рассказ о клубе и Библиотеке Ивана Алексеевича Бунина: *«Простота нравов, взаимная любовь, дружеское отношение начальников с подчинёнными и безусловное уважение последних к первым явили полезные последствия: семейные между собой сблизились, а молодые офицеры, ознакомившись с лучшим обществом, сделали нравственнее»* [9]. В соответствии с Положением об офицерских собраниях в отдельных частях войск фонд Библиотеки составлялся из литературных произведений и периодических изданий.

В библиотеках находились алфавитный и систематический каталоги, которые иногда издавались отдельными брошюрами или описями, выпускались отдельные дополнения к каталогам библиотек, была заведена особая книга, в которую члены собрания вносили свои пожелания относительно приобретения литературы.

Одна из книг советского периода раритетной не является, но она мне дорога тем, что в 1965 г. была подарена администрацией школы № 19 г. Таллина за отличную учёбу по окончании 5-го класса. Наверное, не случайно это было издание книги Н. А. Островского «Как закалялась сталь» [10]. Многому она меня научила.

Я рассказала лишь о небольшой части моей библиотеки. Думаю, что книголюбам, которые собираются до сих пор в очень необычных

местах Таллина (например, в последний раз в Девичьей башне), есть что рассказать российским книголюбам.

Можно утверждать, что, вопреки ограничению использования русского языка в образовании, проявляется большой интерес жителей Эстонии к русской культуре, в частности, к русской книге, которая является средством объединения эстонского и русского народов.

Список литературы:

1. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. – М.: Книга, 1978. – С. 5
2. Приоритеты читателей XX века в России. URL: <http://www.refsr.ru> (дата обращения 03.11.2014)
3. 2010 год объявлен в Эстонии Годом чтения. URL: <http://rus.delfi.ee>
4. Суворин А. С., Буренин В. Медея. Драма в 4х действиях в стихах и прозе Изд. 3-е. – Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1892
5. Книга былин. Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / сост. В. П. Авенариус. С портр. певца былин Рябинина, работы Л. А. Серякова, рис. А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Изд. 4-е. – М.: Издание А. Д. Ступина, 1893
6. Гоголь Н. В. Сочинения. Изд. 13-е. – СПб.: тзд. А. Ф. Маркса, 1896
7. Сологуб Ф. Собрание сочинений. – СПб.; Сирин, 1913. – Т. VI
8. Собрание сочинений В. Теккеря. Т. 1-12 – СПб.: [ред. Вестника иностр. литературы], тип. бр. Пантелеевых, [18]94-1895. – ТТ.1-2
9. Казакова Е. Театральный Кронштадт // Кронштадтский вестник. – № 36 от 12 сентября 2008 г.
10. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Роман / худ. Кибрик Е. – М., 1965.

Омские библиофилы и их собрания: избранное

24 февраля 1977 г. на омском телевидении родилась новая передача, которой, как оказалось, суждена была длинная, более чем двадцатилетняя жизнь. Называлась первоначально она «Книжная палата», а вскоре цикл получил новое имя. Предполагалось сначала, что его составят пять-шесть передач, не более. Но шли годы, а «Мир книги» почти ежемесячно выходил в эфир. Своим долголетием телепередача в первую очередь обязана своей идее, счастливо найденной на студии, – и прежде всего бессменным редактором цикла и вообще всех литературно-драматических передач в 70-90-е годы Людмилой Георгиевной Шороховой. Передача создавалась не только на региональном, местном материале – в неё попадало всё, что связано было с книгой и чтением. Необъятная, на любой вкус, перспективная и очень нужная тема. Нас интересовало множество проблем, социальных и нравственных. Что и как читать, когда и кому приучать ребёнка к чтению? Как избежать сложного, порой губительного воздействия на ученика – школы: ведь она нередко отвращает его навсегда от вдумчивого книголюбия? Кто поможет нашим библиотекам, давно пребывающим в отчаянно тяжёлом положении? Что делать с книжным дефицитом и как относиться к так называемому «чёрному» рынку книг? Собираательство книги как явление современного социума, проблемы книжной торговли, книгоиздательские вопросы, заботы и дела общества книголюбов – нас всё волновало в «Мире книги».

Участники передачи – писатели и книгопродавцы, учителя, учёные, издатели, художники и, конечно, заинтересованные читатели.

Мы рассказывали о новинках и старых, редкостных книгах, о наиболее интересных частных и государственных книжных собраниях. За годы жизни телепередачи сложились не только её стиль, круг тем и рубрик, – но и коллектив авторов, участников и добрых друзей. У нас был свой зритель – ему обязаны мы дружелюбным вниманием, выбором многих направлений и тем наших поисков. Передача жила – как своеобразный фольклор – коллективным творчеством. Она стала своего рода клубом омских книголюбов.

Рассказать обо всех аспектах «Мира книги» в этой статье невозможно. Да, наверное, и не нужно: многое ушло со временем, потеряв

актуальность. Я остановлюсь лишь на одной, но, полагаю, интересной для читателя теме. Попробую вспомнить о некоторых омских книжниках – знатоках и собирателях, подлинных книголюбях, с которыми мы познакомили наших зрителей в телевизионном «Мире книги». Иных я знал и до 1977 г., встречался с ними в книжных магазинах и в местах, любимых когда-то всем пёстрым книголюбским миром Омска – на так называемой Стрелке, в маленьком скверике на берегу Оми, там, где она встречается с Иртышом, а позже, по волеизъявлению негласного недовольства властей города и области этим стихийно возникшим книжным «развалом» и рынком, всё переместилось (правда, ненадолго) на пустующие ряды Слободского рынка, бывшей барахолки. Здесь шёл бойкий обмен книгами, заводились знакомства, встречались истинные друзья-книголюбы, оживлённо спорили, жарко толковали, обменивались новостями...

Когда мы готовили первую передачу, не было сомнений, с чего или, точнее, – с кого начать. Было ясно: зачином телевизионного цикла должен был стать рассказ о библиотеке патриарха омских книжников Александра Николаевича Егорова, самого уважаемого человека в нашей тогдашней книголюбской среде. Хотя ему уже перевалило за восемьдесят лет, он был по-прежнему бодр, много читал и деятельно пополнял свою интереснейшую библиотеку. Родом он был из Ярославской губернии, и потому любимым на всю его жизнь остался Некрасов. Егоров собрал и самые разные, главным образом дореволюционные издания сочинений поэта, и редкие книги о нём, которым могли позавидовать и специалисты. Вспоминал, например, Александр Николаевич, как он лет пятьдесят назад выменял у известного омского собирателя Михаила Борисовича Марцинковского книгу Николая Ашукина «Летопись жизни и творчества Некрасова» издательства «ACADEMIA», отдав взамен редкий экземпляр «Опавших листьев. Короб второй» В. В. Розанова, знаменитого русского писателя и философа рубежа веков, к тому времени давно запрещённого и забытого. Егоров сделал, однако, перед тем, как книга ушла от него, массу выписок из неё. Так он получил бесценное издание о любимом поэте. Всё ярославское для Александра Николаевича оставалось свято. Воспоминания о родном крае, его обычаях, записи свадебных обрядов ярославских крестьян – всё бережно хранилось в его библиотеке и архиве.

После окончания рабфака и Новосибирского института военных инженеров транспорта Егоров много лет работал в системе железных дорог. Ушёл на отдых, будучи главным инженером службы пути управ-

ления Омской железной дороги. Книгу любил и собирал с детских лет. Правда, с перерывами – нелёгкая выпала судьба Александру Николаевичу и его поколению. Большая библиотека собиралась любовно, тщательно, с разбором. Многие издания разыскивались годами, томик к тому. Так встала на полки его домашнего собрания вся без пропусков «Библиотека поэта». Кроме множества новых книг, здесь богато были представлены раритеты. Егоров по праву гордился хорошо подобранными фолиантами «Библиотеки великих писателей» или превосходным собранием мемуарной литературы. В самом большом разделе его библиотеки – художественной прозы – было собрано около сотни многотомных собраний сочинений, в первую очередь дореволюционных: Мережковский, Данилевский, Амфитеатров, Боборыкин, Игнатий Крашевский, Л. Андреев... Можно было позавидовать отличному подбору томов серии «Литературные памятники», справочной и библиографической литературы, дореволюционных журналов («Нива», «Осколки», «Стрекоза», «Сатирикон», «Исторический вестник» и др.). Видимо, такую библиотеку невозможно собрать, используя только местные возможности. Десятилетиями Александр Николаевич был связан регулярной перепиской с собирателями из разных концов страны. До пятисот корреспондентов слали ему письма, а многие – книги. Разумеется, Егоров в течение долгого времени был хорошо знаком и со всеми сколько-нибудь интересными («настоящими», как он сам говорил) омскими библиофилами, обменивался с ними книгами, новостями, впечатлениями от прочитанного.

Рассказывая о старых своих товарищах-библиофилах, Александр Николаевич всегда по-хорошему волновался и невольно укорял нас, теперешних, знающих в основном новые издания. Он прав – ушла целая эпоха культуры. Кто, кроме Егорова да, пожалуй, ещё Леонида Фёдоровича Тихомирова, другого старейшего омского книжника, мог бы рассказать, например, о роскошных изданиях из библиотеки омского врача Исаия Николаевича Витинсона или о многих редкостях книжного собрания архитектора Михаила Борисовича Марцинковского, уехавшего в начале 60-х годов в Белоруссию...

А какие легенды долго ходили о необыкновенно богатой библиотеке Ефима Евграфовича Марилова! Он служил в Омском книготорге, когда прилавки ещё были полны. Марилов в свой дом не всех пускал, держал книги в секрете, в подвале дома, где жил на ул. Мичурина. Что у него было, кто теперь знает?! А как интересно было мне узнать у того же А. Н. Егорова, как начинала здесь, в Омске, продавцом букинисти-

ческого отдела Нина Александровна Костылёва. Потом перебралась в Ленинград, работала в известных магазинах букинистов на Литейном. Защитила диссертацию по истории книги и вместе со знаменитым книговедом И. Е. Баренбаумом трудилась над рукописью книги «Книжный Петербург-Ленинград»...

Но разве только подбором изданий славилась библиотека А. Н. Егорова? Он и содержал её в отличном состоянии, хотя книги всё время были в чтении, в работе. Александр Николаевич славился в Омске и как великолепный мастер переплётного дела. Хотя в его квартире было тесным-тесно, но каждый том стоял на своём месте. Систематически составлялся каталог библиотеки по всем правилам библиографической науки. Александр Николаевич не позволял душе лениться: делал многочисленные выписки из книг и журналов, вёл в специальных тетрадях записи о книгах, событиях в книжном мире.

Неудивительно, что именно Егоров рассказал мне впервые и о замечательном нашем земляке, знатоке и собирателе фольклора и книги Николае Фёдоровиче Чернакове, о котором с таким уважением написал в своё время в книге воспоминаний «Черты сходства» Леонид Николаевич Мартынов. И когда мы решили рассказать о Чернакове в нашей телепередаче, его коллективный «портрет» помогли нам воссоздать близко знавшие его омские библиофилы – А. Н. Егоров, преподаватель автотранспортного техникума Виктор Алексеевич Богдашов и артист филармонии, заслуженный артист республики Леонид Иванович Шароха.

О превосходной библиотеке Михаила Трофимовича Мишина, учителя из села Красноярка, я узнал от известного омского библиофила Э. М. Фромберга, доброго моего товарища по педагогическому институту, с которым мы подготовили немало совместных телевизионных передач. С М. Т. Мишиным и его книгами я познакомился ранней осенью 1988 г. Вскоре состоялась и запись телепередачи в его гостеприимном доме. Беседовать с Мишиным было легко и интересно. Мы с Михаилом Трофимовичем окончили один и тот же филологический факультет, только он начал учиться много раньше, в трудные военные годы. Близко знал многих любимых наших наставников-преподавателей, подробно рассказывал о своих знакомствах с сибирскими книголюбями, о прекрасной библиотеке профессора Н. В. Трунёва, где была собрана редкостная для советских времён коллекция изданий поэтов Серебряного века, с восхищением вспоминал о Н. Ф. Чернакове, который, как и Мишины, корнями был связан с их селом.

В телепередаче мы рассказали лишь об одном большом разделе библиотеки сельского учителя. С редкой полнотой у Мишина представлены произведения отечественных историков – от летописей, Котошихина, европейских путешественников по России XVII-XVIII веков до академика советской школы Грекова. Есть у Михаила Трофимовича и знаменитая «История государства Российского» Карамзина 1841 г. издания, и полное собрание сочинений Костомарова, и Иван Забелин, и многотомный Сергей Соловьёв, и Ключевский. Есть редкие издания по истории Сибири, антикварный двухтомник о русском масонстве и книги из истории отечественных нравов (К. Валишевский и многое, многое другое). И всё тщательно, с карандашом, прочитано, изучено, освоено.

Когда же я попросил Михаила Трофимовича сказать, кто ему как филологу и читателю особенно близок из классиков, он начал читать на память большой фрагмент из «Былого и дум» Герцена. Телевизионное время записи всё шло и шло, а он читал и читал, и остановить его было немислимо. И так это было неожиданно и чудесно! Мы не даём себе часто труда не то чтобы знать наизусть – просто прочесть Герцена, «замечательного мыслителя, умницу, непревзойдённого стилиста», как очень точно выразился Мишин.

Что он особенно ценил в своём собрании? «Библиотеку великих писателей» издательства Брокгауза и Ефрона. Михаил Трофимович сумел собрать все тома этого великолепного издания. Что ещё? – превосходно иллюстрированные собрания сочинений Гоголя и Лермонтова. Только у Мишина я видел полный комплект богатейшего забытыми фактами журнала «Старые годы», издававшегося в 1907-1916 годах для любителей искусства и старины. А рядом в этой библиотеке – тома журналов «Золотое руно», «Аполлон» и другие желанные для каждого знатока-библиофила редкости. Долго я рассматривал роскошные фолианты «Княжеской и царской охоты», многотомные издания о России, впечатляющие иллюстрации в различных переводах гётевского «Фауста»...

Как важно было и для сельских ребятешек, учеников Михаила Трофимовича, знакомство с этими книгами! Почти ежевечерне он приносил их в школу, и ребята обступали учителя, рассматривали, как и я, иллюстрации, рассказывали – вспоминали содержание.

Когда я был у Мишиных в гостях, он то и дело просил меня почитать то или иное место – любопытное с его точки зрения. Щедро делился радостью знания. И неизменно в его книгах я находил аккуратно отчёркнутые места. Михаил Трофимович помнил прочитанное, безо-

шибочно находил нужное ему место в издании. Память у него всегда была хорошей. Многое знал наизусть – читал ребятам «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Мцыри», сотни стихотворений европейских и русских поэтов.

После выхода в эфир телепередачи мне долго звонили знакомые книголюбы. Они поражены были тем, о чём рассказал и что показал из своих богатств М. Т. Мишин. Но не меньшего удивления и уважения заслуживают личности омских библиофилов. Общаясь с ними, мы соприкоснулись с подлинной культурой, которая – увы! – десятилетиями планомерного уничтожения теперь во многом утрачена. Но к счастью, давнюю культурную традицию полностью убить не удалось. Отрадно сознавать, что через А. Н. Егорова, Н. Ф. Чернакова, М. Т. Мишина и других она перешла к следующему поколению омских библиофилов.

Прежде всего и с особенной теплотой, дружески я хочу сказать о семейном «книжном дуэте» Валерии Шаевны Назимовой и Эдуарда Михайловича Фромберга. Немало лет оба трудились в Омском педагогическом университете, но из-за тяжёлой болезни сына вынуждены были уехать жить в Германию. Он физик, она историк, «лёд и пламень», что совсем не мешало их дружной неизменной любви к чтению и книге. Оба увлечены искусством. Валерия объехала полсвета – и везде её интересовали люди, их образ жизни, история и памятники культуры. Как хорошо, что всегда под рукой издания серий «Города и музеи мира», «Музеи мира», записки путешественников...

Книжное собрание Валерии и Эдуарда сравнительно невелико – около четырёх тысяч томов. Библиотека их в последние омские годы мало увеличивалась количественно, но качественно постоянно улучшалась. Пожалуй, в Омске не было второй такой коллекции старинных и редких книг. Принцип их подбора: дома иметь то, что они любят, к чему есть желание вернуться повторно. Их интересы широки, но в основном совпадают: много мемуаров, хорошо представлена классика, русская поэзия начала XX века, сборники любимых современных поэтов. Много лет они собирали книги приключенческого и детективного жанров как современных авторов, так и классиков прошлого. Им интересны русская история, история искусства, живопись.

Любимых «приключенцев» и мастеров детективной литературы В. Назимова и Э. Фромберг представили в «Мире книг» как серьёзное чтение. Здесь, по их мнению, как в любом литературном жанре, есть своя классика, второсортная беллетристика и вовсе низкопробные подделки. Миллионы людей жадно поглощают детектив, но публично при-

знаваться в своей привязанности к нему считают неловким. Как будто на детективе или приключениях лежит клеймо второсортности! Вот с этими весьма распространёнными мнениями мы и спорили в телепередаче.

Им удалось собрать практически все лучшие произведения приключенческого жанра. И не только мировую классику, но и современных мастеров в журналах послевоенных лет. Опасно, если книголюб имеет к приключенческой литературе «одну, но пламенную страсть». Тогда чтение приводит к всеядию и безвкусице. Тогда книга – наркотик для души. У В. Назимовой и Э. Фромберга их увлечение, не проходящее с годами, не самоцель. Оно входит в широкий спектр их интересов, становясь фундаментом общей культуры. Это помогало им быть всегда настоящими профессионалами и в вузовской педагогике, и в избранных научных областях.

В 1979 г., в одну из суббот, когда на Слободском рынке ещё собирались омские книжники, я увидел двух заинтересовавших меня людей. Я не вдруг подошёл к ним, как-то мне всегда неловко заговаривать с незнакомцами. Они были серьёзно заняты своим делом: читали, говорили о чём-то, спорили. Вижу, держат в руках старую книгу. Судя по переплёту, почерневшему обрезу, по толстой бумаге, – очень старая книга. Да ещё и в сетке-авоське такая же. Как тут было утерпеть? Я всё же подошёл. Познакомился. Владелец книг не очень молодой, явно мыслящий человек. Несколько лет назад заинтересовался старопечатными русскими книгами, начал их собирать. Сначала только собирать. После понял: мало лишь собирать – нужно и читать. Специально для этой цели выучил старославянский язык. Всё сам, без помощников. Начал читать старинные эти книги. Увлёкся всерьёз. Говорит мне об этом, и по тону, по глазам вижу, как это для него важно. Но на всякий случай всё-таки спрашиваю: «А что Вам в этих книгах XVII века особенно интересно?» А он мне и отвечает: «А знать интересно, как раньше жили люди». Вот ведь что превосходно! Что, казалось бы, ему до того, что читали, во что верили древние русские люди, о чём мечтали. Ведь всё давно прошло и быльём поросло. А вот ему, сегодняшнему рабочему человеку, это так важно, что он отдаёт делу свой досуг, учит давно умерший язык и радуется своим открытиям. «Хотел, – говорит, – выучить ещё и греческий язык, да тяжеловато, месяцев шесть на это надо потратить, а времени такого пока нет». Вот – самое задушевное освоение культуры!

А вскоре после этой памятной встречи в «Мире книги» мы познакомились со старопечатными изданиями из собрания преподавателя

кафедры русского языка педагогического института Алевтины Алексеевны Пыхтеевой. Историк языка, она бережно собирает старую книгу, сохраняет даже отдельные её части, даже странички: всё ей дорого в памятниках древнерусской культуры XVII – начала XVIII веков, но особенно времени царствования Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Эти старинные книги – с деревянными крышками, обтянутыми ветхой кожей, с металлическими застёжками, достались Пыхтеевой нечаянными окольными путями – от умерших дальних родственников, от родной матушки, от стариков из северных деревень. Все они знали, что Аля с уважением относится к их вере, что знакомо ей старинное русское письмо, и что в добрых её руках их книжное богатство, переходившее из поколения в поколение, будет сохранено и понято. Эта коллекция старинных старообрядческих книг невелика по числу томов и живёт не в одном её доме, а у многих близких родичей, и всем служит исправно, и душу радует.

Что показала телезрителям Алевтина Алексеевна? Знаменитый в прошлом литературный сборник XVII в. «Пролог», годичное описание житий святых на сентябрь-март 1631 г., напечатанное в Москве по велению царя Михаила Фёдоровича. Это своего рода энциклопедия древнерусского человека, вобравшая в себя историческое (отчасти легендарное) повествование о мировой цивилизации от эпохи эллинизма и Римской империи. Здесь и географические знания, и событийные занимательные рассказы, часто в форме притчи, аллегории. Здесь и жития, учительные и похвальные слова, проповеди. «Пролог» был для русских людей и книгой для чтения, и употреблялся в церковном обряде: из него выбирались и каждый день читались при богослужении повести и поучения вместе с другими видами словесного искусства.

«Пролог» из собрания А. А. Пыхтеевой сильно пострадал от времени. Переплёт расколот, тиснёная кожа от него отделилась. Но книга от первой до последней страницы цела, прекрасно читается – печать довольно чёткая, а опечатки исключительно редки. Лучше сохранились другие старинные издания: «Избранное из святых писаний» напечатано по тексту московского издания 1643 г. в г. Гродно с разрешения польского князя Литовского в 1723 г.; «Сборник проповедей Иоанна Златоуста, Кирилла, Григория-богослова и других первосвятителей»; «Толкование Иоанна Златоуста к Евангелию» – прямо по главам объяснение каждого фрагмента Священного Писания. Книги эти церковные – произведения «искусства друкарского» становились и памятниками древнерусской литературы. Как бережно говорят авторы и составители о своих Учи-

телях, о своих предшественниках! Как безупречно освоены ими стиль «извития словес», как вдохновенна бывала их речь! И как любовно издавались в древней Руси книги! С портретами евангелистов, художественными заставками из богато выполненных растительных орнаментов, изукрашенными заглавными буквицами. Текст печатался в две краски – чёрной и красной.

А вот ещё внушительный том – «Псалтырь» конца XVII в., книга священных песнопений, псалмов во славу Бога. По легенде, авторство их принадлежит Давиду. Уникальность этого экземпляра – в его светском предисловии, где неизвестный автор учит правильному произношению церковнославянских звуков и текстов. А другая «Псалтырь» – по старорусским временам карманная, в ладонь высоты. С ней можно было ходить в церковь и петь псалмы по книге. Напечатана была в Могилёве в 1703 г. по текстам изданий времени Михаила Фёдоровича мелким неразборчивым шрифтом. Вероятно, книга была выпущена «массовым» тиражом для возможно более широкого читателя.

Уже после того, как наша передача ушла в эфир, в библиотеке Алевтины Алексеевны появилось новое интереснейшее приобретение – рукописный конвюлет, своеобразный семейный альманах, книга старообрядческой семьи. Она пополнялась из поколения в поколение. Грамотные писали сами, а то приглашали знающих грамоту – со стороны. Ведь книгу в стародавние времена купить было трудно. И потому её нередко создавали в семьях. Здесь отрывки из исторических, богослужебных текстов, много религиозных поучений, выдержки из российского законодательства, известия о новейших исторических событиях, отрывки из семейно-бытового жизненного «кодекса» – книги «Юности честное зеркало» (1717 г.). Дан петровский алфавит, переписаны большие фрагменты из старопечатной книги «Златый бисер», отрывки из житий, в том числе и житие Христа, необыкновенно интересное. Кроме обычного текста, следует повествование в лицах: Ученик, Учитель, Пилат, Мать, Слушатель.

Сколько таких книг было уничтожено! Преобладал исключительно классовый подход и в политической борьбе, в небрежении культурой. Как поздно мы одумались и начинаем понимать, что культуру народа в любом её виде надо беречь для будущего!

В рамках одной статьи нельзя объять необъятное и рассказать ещё о многих участниках телевизионного цикла. Скажем, об одном из лучших в стране собрании миниатюрных книг и экслибрисов профессора Омского филиала института культуры (а позднее – госуниверситета)

Евгения Михайловича Смирнова; о коллекции сибирских раритетов в библиотеке музыковеда Михаила Алексеевича Белокрыса; о Пушкиниане инженера Владимира Яковлевича Авдюкова; об универсальной библиотеке Виктора Алексеевича Богдашова, где тщательно подобранные современные книжные серии соседствуют с массой журнальных публикаций многих десятилетий и подлинными редкостями.

Иногда омские библиофилы раскрывали нам лишь одну какую-то грань своих книжных увлечений, но и это было по-настоящему обаятельно. Так, всё о Хемингуэе собирал и изучал инженер Адольф Кучинский, всё о Пушкине и всю жизнь – связист Владимир Леонидович Потанин. К сожалению, обоих давно нет с нами. «Мой Вознесенский» – такова была тема выступления в «Мире книги» историка, профсоюзного работника Александра Молдованова. А инженер, преподаватель автотранспортного техникума Николай Лефонович Никифоров принёс составленные им, собственноручно изготовленные солидные тома стихотворений и песен Владимира Высоцкого и документов о нём. Разумеется, мы сумели показать в телевизионном «Мире книги» далеко не все достойные общественного внимания собрания омских библиофилов. Так, не успели рассказать о библиотеке одного из старейших собирателей Л. Ф. Тихомирова, о хорошо известном книжному Омску Н. Д. Мельникове, о коллекции, посвящённой великому русскому певцу Фёдору Шаляпину, что издавна собиралась В. Я. Авдюковым...

Тема не иссякает. Хотя электронные средства связи (компьютер и Интернет), кажется, набрали такую силу, что готовы заместить собою книгу и её власть над читателем, но выразим надежду и даже уверенность, что подрастут новые, следующие за нами поколения книжников, которые продолжат обновление культуры сибирского библиофильства.

Юбилейная научно-практическая конференция «Дравертговские чтения – 2014» в ОГОНБ имени А. С. Пушкина

В 2014 г. исполнилось 135 лет со дня рождения выдающегося сибирского учёного, поэта и коллекционера, профессора Петра Людовиковича Драверта (1879-1945). 25 ноября 2014 г. в Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина состоялась региональная научно-практическая конференция «Дравертговские чтения – 2014» (соорганизатором конференции выступило Министерство культуры Омской области). Первая большая конференция, посвящённая П. Л. Драверту, состоялась в нашем городе в 1979 г. к 100-летию со дня рождения учёного, после чего крупных конференций, связанных с его именем, в Омске не проводилось (хотя памятные юбилейные мероприятия проводились в 1999, 2004, 2009 гг.).

Имя П. Л. Драверта объединило в этот день самых разных специалистов омского научного сообщества, вузовских работников, сотрудников библиотек, архивов и музеев. В научной библиотеке собрались представители локальных культурных сообществ: члены Омского отделения Союза краеведов России, Общества интеллектуальной истории, Омского филиала Российского фонда культуры, ВООПИиК, Омского отделения РГО.

В работе пленарного заседания, состоявшегося в Центре книжных памятников ОГОНБ имени А. С. Пушкина, приняли участие более 80 человек: историки, краеведы, журналисты, архивисты, музейные и библиотечные работники, студенты омских вузов. С официальными приветствиями к участникам конференции обратились начальник управления культуры и искусства Министерства культуры Омской области Г. Н. Беда и директор областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина, канд. истор. наук А. В. Ремизов. После вступительных слов с докладом «Осмысление творческого наследия П. Л. Драверта в культурной памяти омичей» выступил автор первой биографической книги о П. Л. Драверте, председатель Омского отделения Союза российских писателей А. Э. Лейфер. Прозвучали доклады канд. филол. наук Л. Г. Пономарёвой, канд. филол. наук, литературоведа В. М. Физикова, канд. истор. наук, заведующей кафедрой библиотечно-информационной деятельности ОмГУ им. Ф. М. Достоевского

Т. В. Бернгардт, доктора истор. наук, профессора В. Г. Рыженко, историка-краеведа А. М. Лосунов. Работа пленарного заседания была организована так, чтобы в ходе слушания докладов были рассмотрены различные грани личности Петра Людовиковича, затронуты разнообразные аспекты его научного и литературного наследия в соответствии со спецификой библиотечного дела. Речь шла как о личной библиотеке П. Л. Драверта, так и о книжных собраниях известных омских библиофилов и необходимости сохранения этого огромного пласта историко-культурного наследия региона.

Важной частью пленарного заседания, осветившей деятельность библиотеки имени А. С. Пушкина по сохранению и популяризации наследия П. Л. Драверта, стал доклад-презентация заведующей информационно-библиографическим отделом О. П. Леонович о подготовке сотрудниками библиотеки обновлённого библиографического указателя «Пётр Людовикович Драверт (1879-1945)».

Перед началом секционных заседаний всеми участниками конференции посредством программы «скайп» были заслушаны доклады учащихся средней общеобразовательной школы села Кемпендйай (Сунтарский район, Республика Саха (Якутия), где в 1906-1907 гг., находясь в ссылке, П. Л. Драверт участвовал в геологических и минералогических экспедициях). Большую работу по организации местного культурного сообщества и изучению творчества Драверта ведёт Кемпендйайская сельская муниципальная библиотека и её заведующая Т. И. Местникова. Девятиклассница А. Прокопьева представила сообщение о П. Л. Драверте как учёном и поэте, а также прочитала его стихотворение на якутском языке в собственном переводе.

На секции №1 «Научное и литературное наследие П. Л. Драверта. Роль библиотек и музеев в развитии краеведения» (модератор – А. П. Сорокин, секретарь – А. Я. Адам) было заслушано 11 докладов. Интерес участников секции вызвал доклад заведующей отделом использования и публикации документов ГИАОО Л. И. Огородниковой «Имя П. Л. Драверта в документах Исторического архива Омской области», сопровождавшийся демонстрацией подлинных документов из фондов архива. Старший научный сотрудник ОГИК музея Г. Б. Буслаева обратилась к слушателям с сообщением «Личная коллекция профессора П. Л. Драверта в собраниях ОГИК музея». Никого не оставило равнодушным выступление заведующего Народным музеем истории ОмГАУ О. А. Милищенко «Пётр Драверт и Сибак», представившего публике стихотворное произведение собственного сочинения «Драверт, Кроко-

дил и Фонтанчик». В ходе работы секции были также заслушаны доклады В. Н. Крупко и Е. В. Леус, Л. Л. Шалагиновой, Н. А. Лёвочкиной, С. С. Наумова, А. А. Тихонова, Е. И. Эйхвальд.

Вторая секция «Книга и книжные собрания Омского региона: проблемы сохранности, изучения, описания» (модератор – Л. Г. Пономарёва, секретарь – Л. Н. Старовойтова) была посвящена изучению и использованию книжного наследия региона. В докладе доцента кафедры русского языка ОмГУ им. Ф. М. Достоевского И. Г. Дьячковой был представлен опыт использования в качестве первоисточника старопечатных книг XVIII в. из фонда редких книг ОмГУ им. Ф. М. Достоевского в образовательных целях по проблемам изучения истории русского языка. Дискуссиями сопровождались доклады заведующей отделом реставрации графики и ткани ООМИИ им. М. А. Врубеля Т. В. Масюк, сотрудников пушкинской библиотеки Л. Н. Старовойтовой и Н. Н. Поляковой. После того как были заслушаны все доклады, для участников секции была организована экскурсия в сектор консервации отдела фондов библиотеки.

Заседание секции «Книга как феномен культуры» (модератор – И. Б. Гладкова, секретарь – Е. И. Каткова) проходило в Омском региональном центре доступа к ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина и было посвящено библиофильской и книговедческой тематике. Директор Центра трансфера технологий СибАДИ, канд. техн. наук, доцент Л. И. Рыженко познакомил слушателей с проектом «Сибирский тракт», объединившим усилия местных музеев, библиотек и энтузиастов-краеведов. Главный библиограф ОГОНБ имени А. С. Пушкина Е. И. Каткова, ознакомила собравшихся с вариантами художественного оформления «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского, изданных в Омске. Интерес участников вызвали доклады В. В. Гоношилова, Ю. П. Зародовой, И. А. Махнановой, С. Д. Бакулиной, Т. И. Подкорытовой, С. В. Новикова.

В ходе работы конференции был вынесен ряд предложений по увековечиванию памяти профессора П. Л. Драверта в городском культурном пространстве, реконструкции существующих и созданию новых «мест памяти», связанных с этим выдающимся учёным. Резолюция конференции зафиксировала следующие предложения: поставить вопрос о реставрации могилы П. Л. Драверта на Старо-Восточном кладбище Омска, установить бюст П. Л. Драверту на ул. Музейной, 3 (бывшее здание отдела Географического общества), издать на базе ОГИК музея материалы из личного фонда П. Л. Драверта в серии

«Антология омского краеведения», опубликовать воспоминания современников о П. Л. Драверте и документы из фондов ГИАОО в сборнике конференции. Помимо инициатив, связанных с увековечиванием имени П. Л. Драверта, было решено способствовать начинаниям по формированию в здании библиотеки зон для разных групп читателей (для вдумчивого чтения, культурного общения, мастер-классов и т.д.), созданию в ходе следующей конференции молодёжной дискуссионной площадки для обсуждения и продвижения книги и книжной культуры среди молодёжи, размещению в открытом доступе архивных и фондовых материалов, организации новых форм продвижения информационных ресурсов в сети Интернет.

Во время работы конференции в стенах библиотеки вниманию участников были представлены следующие книжно-иллюстративные и документальные выставки: «Сибири не изменю!.. К 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта» (кураторы – А. П. Сорокин, Г. П. Пономарёва, 189 изданий); «Библиотека Петра Людовиковича Драверта в фондах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина» (куратор – Л. Г. Пономарёва, 243 издания).

Для участников конференции была подготовлена фирменная сувенирная продукция: значки, ручки, закладки и пакеты со стилизованным портретом и факсимиле автографа Драверта, выпущен библиографический указатель.

По итогам работы конференции подготовлен и выпущен путеводитель по личному фонду сектора редких книг «Библиотека Петра Людовиковича Драверта в фондах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина: путеводитель/ авт.-сост. Л. Г. Пономарёва. (Омск, 2014).

В настоящий сборник вошли научные статьи участников конференции, подготовленные по материалам их выступлений, а также впервые представляются ранее неопубликованные архивные документы: воспоминания современников из фондов ГИАОО и личных архивов омских краеведов.

Участниками и оргкомитетом конференции предложено сделать «Дравертовские чтения» традиционными.

Сведения об авторах

Адам Яков Вильгельмович, директор муниципального учреждения культуры Горьковского муниципального района Омской области «Горьковский историко-краеведческий музей».

Бакулина Светлана Дмитриевна, кандидат культурологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии ОмГПУ.

Брагина Людмила Анатольевна, кандидат математических наук, лектор Таллинского технического университета, Таллин, Республика Эстония, Харьюский район, волость Рае, деревня Рае.

Буслаева Галина Борисовна, старший научный сотрудник, хранитель фонда личных архивов Омского государственного историко-краеведческого музея.

Гладкова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, заведующая редакционно-издательским отделом Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Гоношилов Виктор Васильевич, журналист.

Девятьярова Ирина Григорьевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля.

Дьячкова Ирина Геннадьевна, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Зародова Юлия Прокопьевна, учёный секретарь Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

Каткова Елена Ивановна, главный библиограф информационно-библиографического отдела Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Кротт Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

Лапина Людмила Васильевна, учёный секретарь Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Лёвочкина Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и ресурсного обеспечения СКД Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Леонович Ольга Петровна, заведующая информационно-библиографическим отделом Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Лосунов Александр Матвеевич, историк, краевед, преподаватель Сибирского казачьего юридического колледжа.

Масюк Татьяна Владимировна, заведующая отделом реставрации графики и ткани Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля.

Махнанова Ирина Алексеевна, научный сотрудник Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского.

Местникова Татьяна Ивановна, библиотекарь и руководитель краеведческого музея с. Кемпендяй Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия).

Милиценко Олег Анатольевич, заведующий народным Музеем истории Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина.

Наумов Сергей Сергеевич, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Новиков Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета.

Огородникова Людмила Ивановна, начальник отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области

Пономарёва Лариса Григорьевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом «Центр книжных памятников» Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Прокопьева Ангелина, учащаяся 9 класса Кемпендяйской СОШ им. Иванова Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия).

Сорокин Алексей Петрович, заместитель директора Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Старинская Ольга Геннадьевна, главный библиотекарь научно-краеведческого центра им. А. А. Жирова Тарской централизованной библиотечной системы.

Тимченко Юлия Валерьевна, главный специалист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области

Тихонов Александр Александрович, заведующий научно-краеведческим центром им. А. А. Жирова Тарской централизованной библиотечной системы.

Физиков Вадим Михайлович, кандидат филологических наук, литературовед.

Шалагинова Людмила Леонидовна, краевед.

Штырбул Анатолий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета.

Эйхвальд Елизавета Ивановна, заведующая Лежанской сельской библиотекой МБУ "Лежанский центр культуры" Горьковского муниципального района Омской области.

Содержание:

- I Зарытый талант
- II Нагинающие. Встречи и разговоры.
- III Менте ет таллио
- IV В беленьком дощике
- V Война и люди
- VI Последний год

2

Как было

I

Зарытый талант

желтовато-серая дорожка извилисто выбегает из рощи, вдруг теряется на грани разбуженной пыльной дороги и, выкинув вдали, бежит по небольшой основной аллее, обобранной круто раскисстой стеной. Сизый пыльный пригорок прижался к дороге, а на нём одиноко распростиёрлось громоузкое серое здание сибани и сверкает далёко яркой красной кровлей. Бежит дорожка вне рёв к самому зданию. Кажется близко оно, но идти до него далёко, а дорожка манит

ком обаятельной женщины в неведомый город стихи были скрыты. О Марианнове много говорим. Все заметно прислушивались к словам П. К. Он говорил о Марианнове тепло и одобрительно, хотя строго критиковал его.

Иногда мы далеко уходим из города. П. К. часто читал стихи гуще и свои, были и посвящения мне ("Девушке с Охотского побережья", "Сленой дракон" и др.), из которых особенно понравилось мне "для нас не жургалм весною ружь":

Для нас не жургалм весною ружь
 Не нем влюбленные пиццы,
 Нам осень открыла богатства свои
 В шаге дорогой бауряницы.

* * *

И цурцур и золот в роще лесной,

28

и блёкный ковер хризолита,
 и зурь серебрястая ленный
 всё ласковым солнцем обливлю.
 * * *

Вникая глазами и сердцем
 в красу,
 сменяющую летние лики,
 Родная! тебе по песне несут
 на вензиках поздней звоздики.
 * * *

А вечером их я неслышно ското
 прильнув к твоему уголовью,
 и песни и тихую нежность мою
 ты прищепь с ответной любовью

К статьям Лосунова А. М.

П. Л. Драверт. Из архива РАН

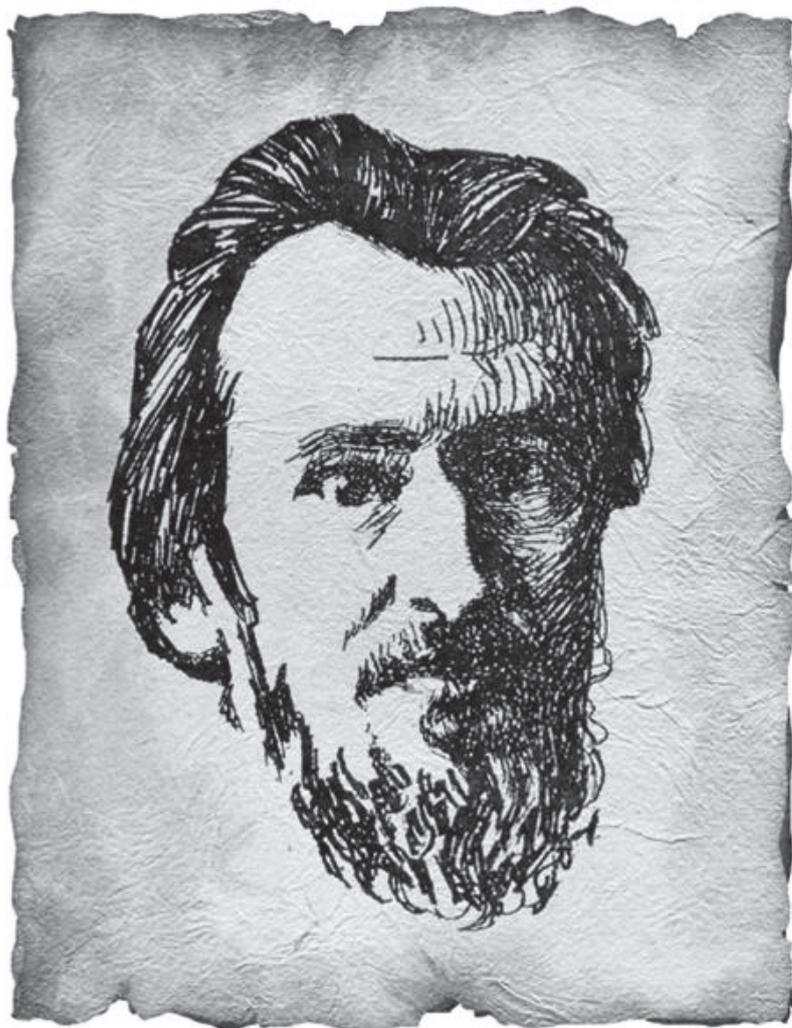
Л. С. Драверт. Из фондов ОГИК музея

К статье Лапиной Л. В.

Поэт Ю. Сопов с женой.

*Юрий (Пётр) Сопов с женой П. К. Соповой (Соломиновой).
Фото из архива Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского*

ПЁТР ЛЮДОВИКОВИЧ
ДРАВЕРТ

Биобиблиографический
указатель

P. Dramer

К статье Буслаевой Г. Б.

А. А. Драверт (Токарская)

В. Д. Драверт (Далматова)

Л. С. Драверт

С. И. Драверт

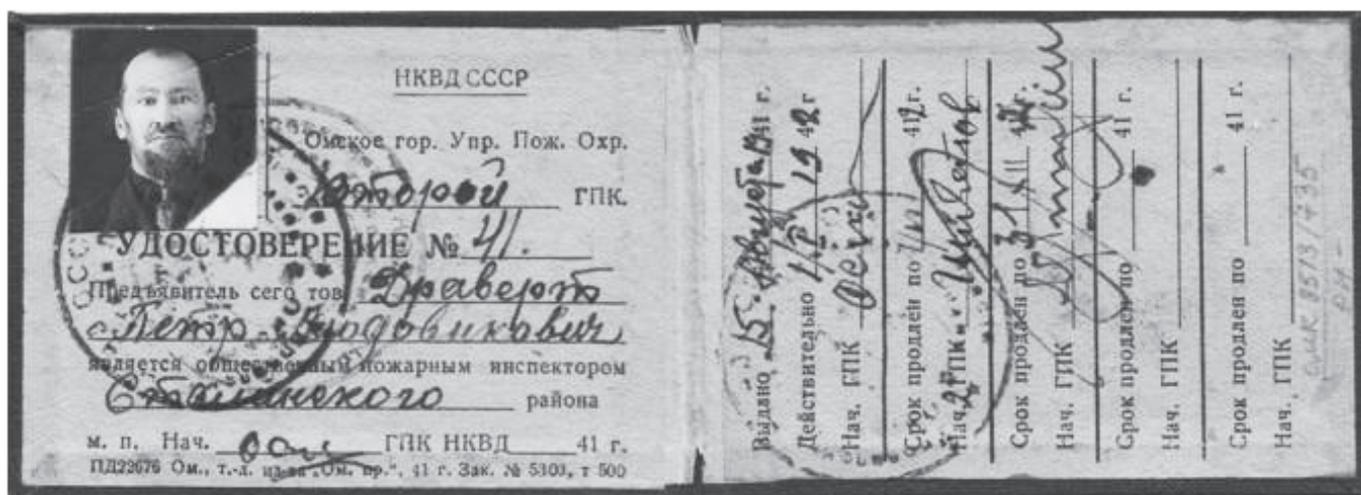
*Похороны П. Л. Драврта 16 декабря 1945 г.
Фотографии из фондов ОГИК музея*

Июль 1944 г.
Нальчик

Падающая звезда.

Ты думаешь: в море утонула она,
 Звезда солюбая, — до самого дна
 Пошла и зарылась в зыбучий песок,
 Из чуждого мира случайный кусок...
 Не звезда, не пыльный обломочек кем-
 Ташница, сравнимая с миккой зерном,
 Вылетела стремглав в атмосферу Земли
 Из тайной, холодной каменной дали.
 И вмиг раскалив окружающий воздух,
 Ближайшей звездой показала след свой,
 Неужели в черному зеркалу вод,
 В себе отразивших ночью небосвод.
 Пугливая воздушная клубка морская,
 И наша звезда не проиграла ей, —
 Улетела в далекой нежной высоте,
 Доступней пока только нашей мечте.
 Улетела недаром: в бесконечный круг
 Ее закатившая правда подруг
 От Космоса некая часть пошла,
 Всегда же на вали в вечной обороте...
 Пусть же будет на долгие твой фирменный путь,
 Но вконец улей плодотворно сверкнул,
 Над жемчужной стужей оставив свой след,
 Стремительный, хвостик, чуждый, козырь!
П. Драверт.

Рукопись стихотворения П. Л. Драверта «Падающая звезда». 1944 г.

Удостоверение П. Л. Драверта. 1941 г. Из фондов ОГИК музея

Болиды и метеориты.

П. Драверт и М. Шварцман.

В необычайно прозрачную весеннюю, красную нашу Солнца с окружающими его планетами и бесчисленными звездами (из которых каждая есть солнце), существуют ~~чуждые~~ ^{исчужденные} множеством мелких метеоритных тел, капающих с тончайшим пылинкой, которая сравнительно с крупными небесными телами. Они движутся с огромными скоростями в мировом пространстве согласно тем же законам природы, которыми руководятся все небесные тела.

Иногда такая пылинковая комета или микрометеорит размером камешка, скрещивает свои пути с нашей Землей и влетает в окружающую ее воздушную оболочку (атмосферу). От сильного удара о воздушную массу она переходит в газобразное раскаленное состояние, — и мы видим блеск, промелькнувший по небу яркую точку. Эти хорошо знакомые всем многочисленные виденья называются «падающими звездами» или метеоритами. Некоторые из таких метеоритов пролетают через верхние слои воздуха и, блеснув в них, продолжают путь в межзвездном пространстве. Горизонт Земли встречается с чуждыми телами, — и мы наблюдаем красивую картину так называемого «звездного дождя».

Но иногда на небесах sucede показавшиеся бодрому наблюдателю огромный шар. По размерам он капаляет более самой яркой звезды, порой даже величинной с Солнцем или Луной. Мгновенно окрашивается ослепительным светом. Яркой линией приводит в движение, иногда люди от

П. Л. Драверт. 1920-е годы

К статье Наумова С. С.

Мемориальная доска, установленная на здании главного корпуса Омского государственного аграрного университета 2009 г. Фото А. Беляева

Памятный камень П. Л. Драверту, установленный на бульваре Мартынова. 2009 г. Фото А. П. Сорокина

Надгробие П. Л. Драверта на Старо-Восточном кладбище. 2010 г. Фото С. С. Наумова

*К статьям
Местниковой Т. И.,
Прокопьевой А.*

*Бурый уголь с. Кемпендяй.
Фото автора*

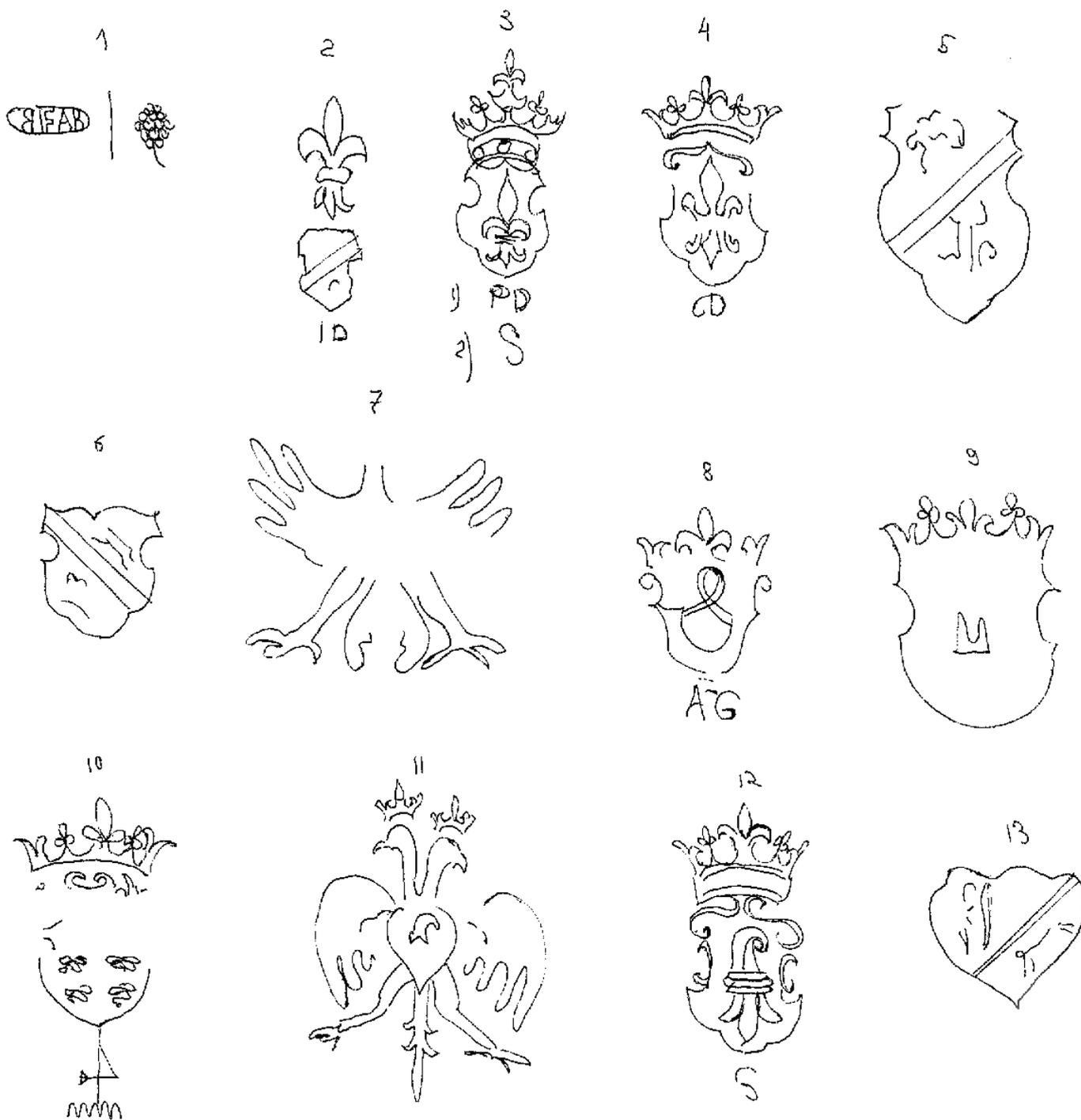

Уникальное озеро Туус-Куел

В Кемпендяйской сельской библиотеке

Октоих 1638 ОГОНБ

Филиграни на бумаге Октоиха (1638 г.) из фондов ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Полужурной Эммы Сидоренко
в газете Горьковской Пушкинской библиотеки.

Службы сидельца.

Иван, айтисейв. Крамленко. Временный писарь образованного

Сидорья Николаевича Крамленко. Завед. б-ой в основанной 7 кл. гимназии
8-ми 1 дуб. 1904 г. по ноябрь
1910 г.; выданы с 1 апр.
1918 г. (на основании 28 Марта)

Александр Гаврилович Вершинин. Полн. завед. с 19 Февр. 1914 г. 8 кл. гимназии
по 1915 г.; Завед. библ. с 1915 г.
по 1 апр. 1918 г. Отказавшись
от абстракт. завед-ва остался
помощником с 1 апр. 1918 г.

Анна Бермановна Протасова Полн. завед. с 19го 8 кл. гимназии
Август 1916 г.

Мария Николаевна Александрова Биб-р с 1 апр. 1918 г. — " — " — "

Вера Александровна Волчеккина Полн. биб-р с 1 апр. 1918 г. 4 кл. гимназии

Сидорья Николаевича Златогорская Биб-р с 1 Октября 1914 г. Особ. Спарж. ур.

Валентина Асютиневна Малюгина Вр. пом. адв. по пом. библ. Учитель в 7 кл.
с 1 Окт. 1918 г. Епархиальн. ур.

Нина Сергеевна Мельникова Библ-р с 14 Августа 1916 г. 8 кл. гимназии

Александр Константинович Мухомов Полн. биб-р с 20-го числа Домашнее обра-
Январь 1918 г. зование

Вениамин Петрович Невский Пом. Биб-ры с 1 Яно. 1918г. Уг. Фил. Кооп. учр.

Мария Ивановна Романарева Пом. Биб-ры с 20-го сент. 1918г. Числ. прогимназия

Петр Иванович Согова Биб-ры с 1 мая 1918г. Старш. Заемлетри. Училище.

Дьятский отряд

Меланья Ксенофоновна Соломи-
рова

Завед. ауд. с 1 Нолб-ря 1918г. 8 кл. гимназии,
переведена с 12 окт. / ил слушала краткоср.
Дибл. Б-льинского, где педагогич. курсы
занималась ту же должность в 1914 и 1915 г. г.
с 1 Сент. 1918г.

Мария Андреевна Попова Пом. Завед. с 1 Яноя 1918г. 8 кл. гимназии

Варвара Викторовна Киселева Была Завед. ауд. с 1 Яноя 1918г. 8 кл. гимназии
с 1 Нолб-ря переведена на ту же
должность в Дибл. Б-льинского

Николай Назаров Швейцарь с 5 Сент. 1918г. во время
призыва на воен. службу с 30 сент. 1918г.

Григорий Усман Швейцарь первой раз с 6 Нолб-ря 1918г.;
с 17 Яноя 1918г. по 1 Яноя 1918г. состоял на
на военной службе и с 1 Января 1918г.
был принят на сиварную должность

Василий Исурков Швейцарь с 16 Яноя 1918г.

3/11 1918г.

Завед. Библиотекой
С. Пахолкова

К статье Новикова С. В.

Читатели Черлакской библиотеки. На заднем плане - библиотекарь Д. Туксузова

Библиотека пос. Затон Черлакского района. 1930-е годы

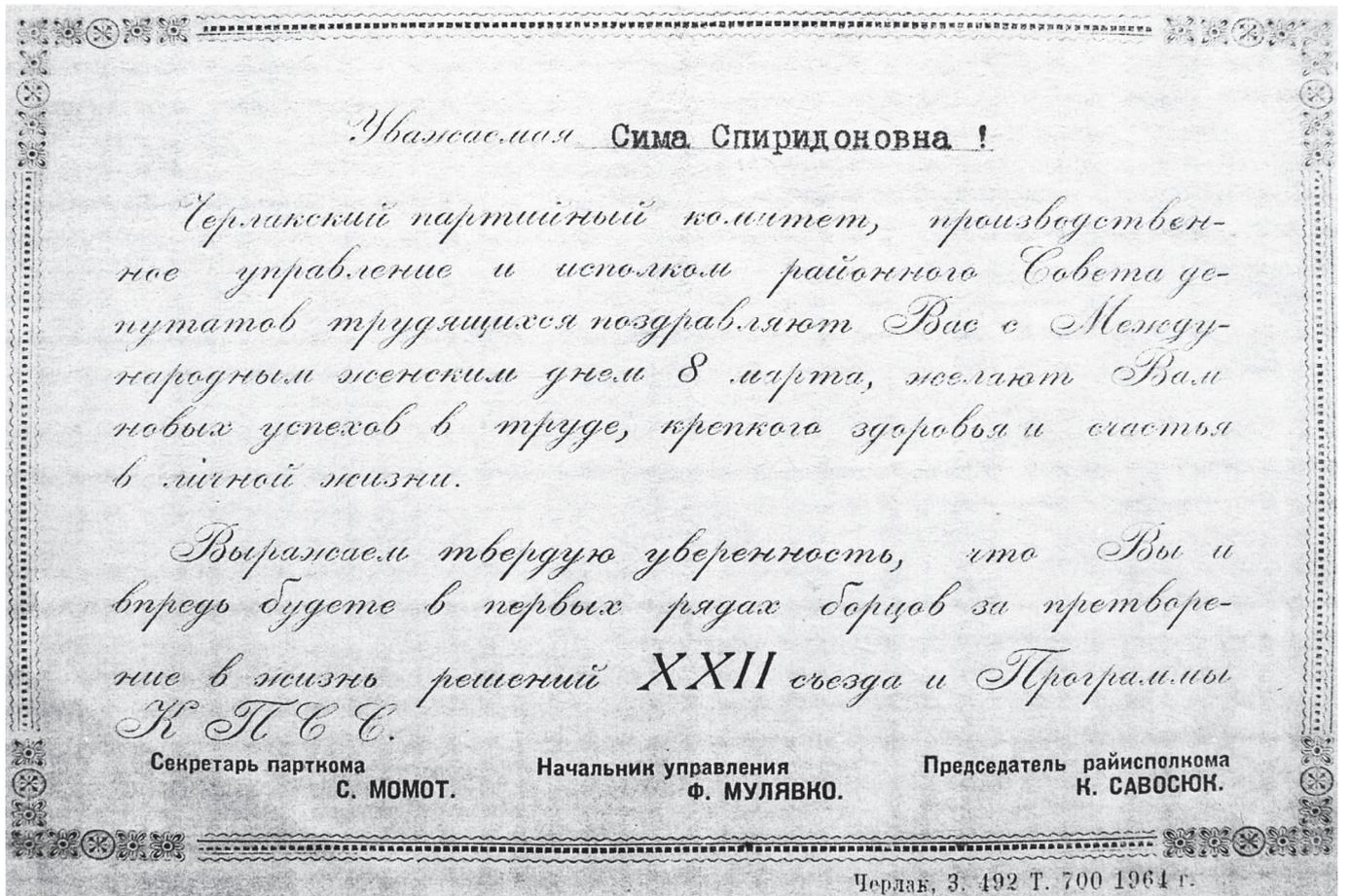
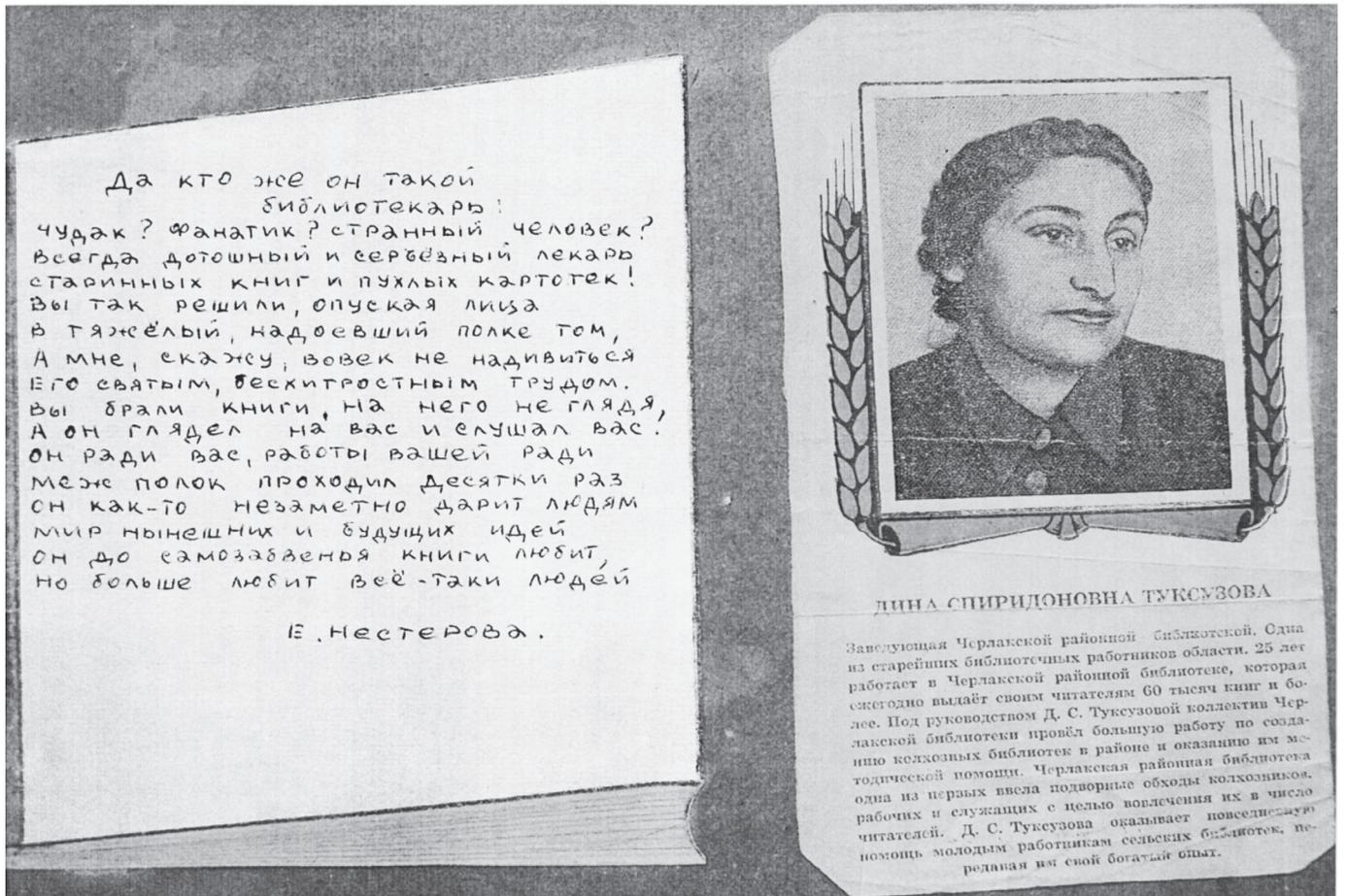
К статье Новикова С. В.

Читальный зал Черлакской библиотеки

Читальный зал Черлакской библиотеки

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ВЫПИСКА

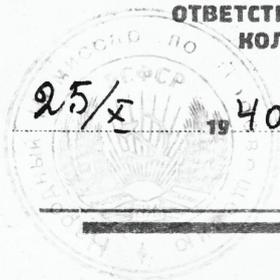
ИЗ ПРОТОКОЛА № 8 ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА РСФСР
ОТ 14 мая 1940 ГОДА О ЗАНЕСЕНИИ В „КНИГУ ПОЧЕТА“

КУЛЬТПРОСВЕТРАБОТНИКОВ.

Занести в „Книгу Почета“ Т. Тукусузову Фину
Ситридоновну завед. Черлакской районной
библиотекой Омской области за хорошее
обслуживание книгой населения, за си-
стематическую помощь в работе сель-
ским библиотекам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛЛЕГИИ НКП,
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КОЛЛЕГИИ НКП РСФСР

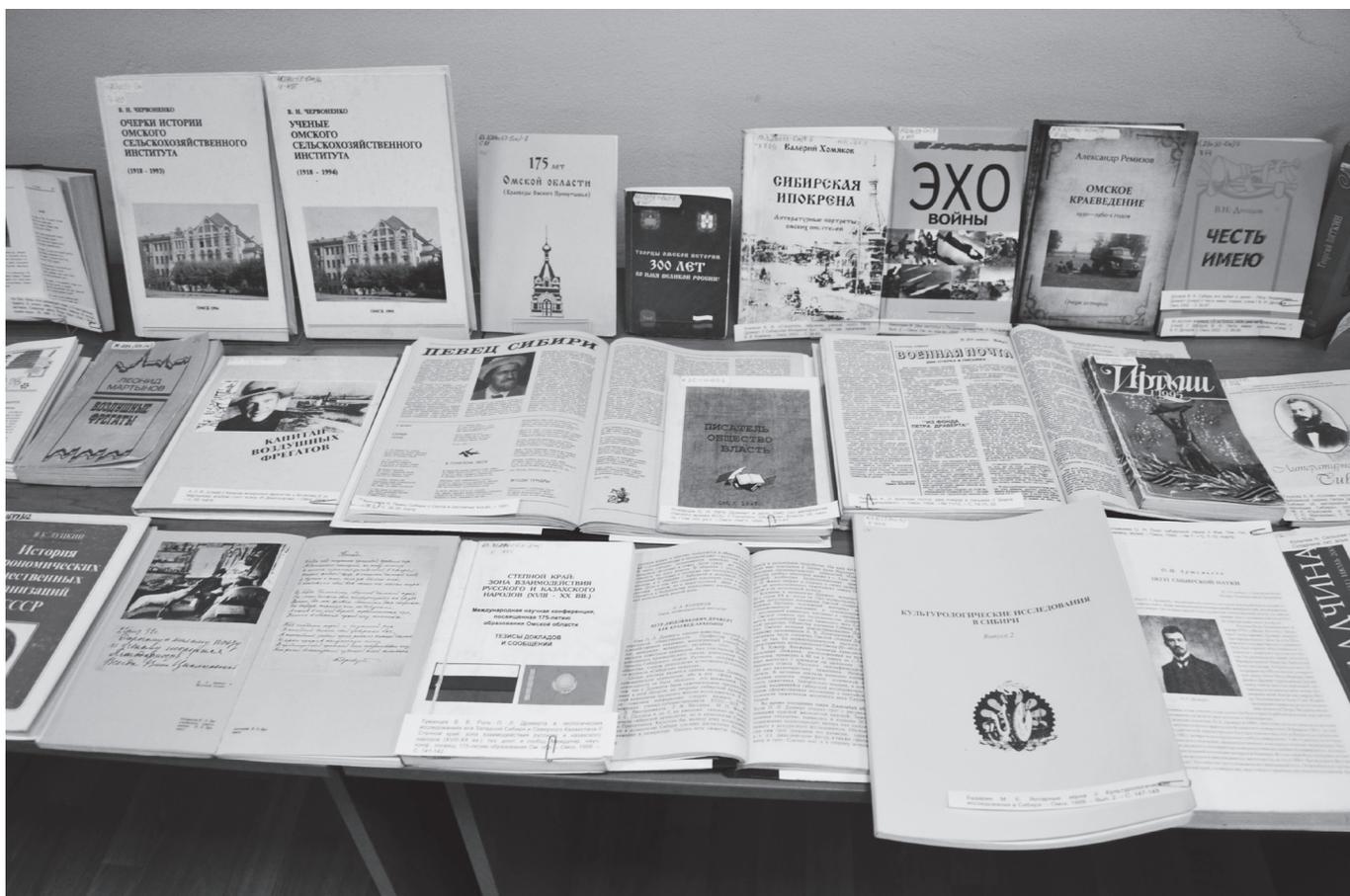
25/5 1940 года

№ 388.

К статье Сорокина А. П.

Открытие конференции «Драверттовские чтения - 2014». Фото Ю. С. Филипповой

Книжная выставка «Сибири не изменю!» в Центре краеведческой информации. Фото С. С. Наумова

К статье Сорокина А. П.

Участники «Дравертковский чтений» Слева направо: В. Г. Рыженко, Л. И. Огородникова, В. И. Селюк. Фото С. С. Наумова

Участники конференции «Дравертковские чтения - 2014». Фото А. Я. Адама

ДРАВЕРТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*материалы региональной научно-практической конференции,
посвящённой 135-летию со дня рождения П. Л. Драверта
(г. Омск, 25 ноября 2014 г.)*

Технический редактор *Н. Б. Волкова*
Ответственный за полиграфическое исполнение *О. П. Гульняк*

Подписано в печать 14.12.2015
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 16.
Тираж 100 экз. Заказ 284.

Отпечатано в Омской государственной областной научной
библиотеке имени А. С. Пушкина.
644099, г. Омск, ул. Красный Путь, 11.